

Большая культовая книга Натальи Николенковой

Составитель, редактор и издатель Айдар Хусаинов
(dk@ufanet.ru)

Большая культовая книга Натальи Николенковой. Стихи, интервью, материалы к биографии — Уфа: Издательство «ОЭ», 2024. —288 с. Ver 1.0

Электронное издание

© Николенкова Н. М., автор стихов, 2024

© Хусаинов А.Г., составитель, 2024

© Валиахметов Р. Г., обложка, 2024

Составитель обращается к читателям с просьбой присылать стихи Натальи Николенковой, не вошедшие в издание, а так же фотографии, интервью, рецензии и любые иные материалы, касающиеся автора. Все они будут включены в последующие версии.

1.

Зимним днем ноября 1987 года я шел по Барнаулу вниз по Ленинскому проспекту. Возле местного дома печати в киоске я купил газету «Молодежь Алтая», развернул и увидел имя. Оно пронзило меня навсегда.

2. Эта книга представляет собой собрание сочинений Натальи Николенковой, известной барнаульской поэтессы, феномена необычайной лирической силы. Это стихотворения, данные в алфавитном порядке, некоторые интервью, стихи, посвященные автору, а также материалы к биографии.

3. Книга выходит к юбилею автора, в ней собраны материалы, которые удалось собрать в сети интернет за многие годы.

4. Книга выходит в электронном виде. Это позволит в будущем добавлять в нее новые тексты.

5. От имени Натальи Николенковой исходят сияние и сила. Они зримо воплощаются в ее стихах, которые не оставляют читателей в покое, а становятся частью души на всю жизнь. Личность автора, как и ее творчество давно уже стали важной составляющей реальности, вот откуда взялось название книги.

6. Людям, давно знающим автора, ничего объяснять не нужно. Составитель и редактор обращается к ним с просьбой присылать доступные им материалы.

7. Читатели, впервые открывающие для себя имя автора и эту книгу, не будут разочарованы, если отнесутся к ней как к явлению природы, такому,

как розовоперстная заря или звонкоголосый осенний дождь. Порой стоит быть как дети или хотя бы подросток. Доброжелательный подросток, имеется в виду.

8. Наталья Николенкова —это гений места, душа Барнаула. Она — зримое воплощение Алтая, и нам всем повезло, что мы являемся ее современниками.

Айдар Хусаинов,

поэт, главный редактор газеты «Истоки»,

руководитель литературного объединения «УФЛИ»,

г. Уфа

Николенкова Наталья Михайловна

(р. 2. 02. 1964) Род. в г. Барнаул. Окончила Алтайский ун-т. Работала учителем в школе (1982—83), журналистом в газ. "Молодежь Алтая" (1983—89). Диск-жокей муз. радиостанции "Радио-край" (с 1993).

Автор кн. стихов: Чтобы встретиться. Барнаул, Алтайское изд-во, 1987; Девятое марта. Барнаул, "Алтай", 1993. Карманная психиатрия Стихи. — Рисунки А.Третьякова. — Барнаул, 2001. — 110 с.

Печатает стихи в журналах и альманахах: "Алтай", "Барнаул", "Ликбез", "Встреча", "Смена", "Крещатик". Демидовская премия (1997). Член Союза российских писателей. Живет в Барнауле.

Публикации

Юность №10(777)/2020

Стихи

Алтай №3/2020

Стихи

Культура Алтайского края №2(38)/2020

Рецензия на книгу Михаила Максимова «Переживать»

После 12 №1-2/2019

Стихи

Чаша круговая №18 (2019)

Стихи

Культура Алтайского края №4(32)/2018

Книжный инстинкт

Культура Алтайского края №3(31)/2018

«Чтиво» в «Спичке»

Культура Алтайского края №3(31)/2018

Книжный инстинкт

Алтай №3/2018

Очень холодно, очень тепло

Культура Алтайского края №2(30)/2018

Книжный инстинкт: рецензии на книги Александра Строганова, Фариды Габдрауповой, сборник «Твои немцы, Алтай!»

Культура Алтайского края №2(30)/2018

Андрей Вознесенский: «Я сидел в моей избирательной компании»

Алтай №2/2018

Крылатая улитка

Стихотворения

... А вспомнишь, как меня зовут —

Возьми и назови.

Эпоха безымянных снов

Осталась позади.

Забудешь, как меня зовут —

Не страшно, не беда.

Я знаю страны без имён,

И я уйду туда.

...А по поверхности скользить —

Куда сложнее, чем углубляться.

Сложней смеяться, чем нозить,

И легче плакать, чем смеяться.

Таи, скрывайся и молчи:

Понятно — хуже, чем невнятно.

И незаметно проскочи

На небеса или обратно.

...И в конце нелепого романа

Ставить многоточие смешно.

Видишь ли, я так непостоянна,

Что роман не значит ничего.

Перетерлись тонкие желанья,

Перегрелись головы. Good-bye!

Что-то там с системой зажиганья,

И вообще, еще не месяц май.

* * *

...Про галечный пляж в Кобулету, про тыщу прогулок с тобой,
Про то, как влюбляются дети, про эти стихи про любовь,
Про то, что Набоков в постели — снотворное круче иных,
Про лёгкое пламя истерик и графику звёзд голубых,
Про запахи книг и настурций, делённые пополам,
Про ересь английских инструкций к твоим непонятным делам,
Про кофе, про кофе, про кофе, сбегаящий от греха, —
К разрыву и катастрофе, к трём выкрикам петуха,
Про музыку с чёрных пластинок — вернейшую из примет —
Про пепел ассоциативных рассветов и сигарет,
Про дождь, без ошибки разящий с размаху под левую грудь,
Про лезвие строчки, изящной, как серебро и ртуть,
Про существованье на ощупь, вне знания добра и зла,
Про позу детёныша кошки, ищущего тепла,
Про сто поцелуев послушных, про тысячу тысяч ласк,
Доверчивость нежной простушки и стервы ревнивой лоск,
Про скорость изгнания из рая и райских цветов кровать —
Затем лишь сейчас вспоминаю, чтоб больше не вспоминать.

12 СИАМСКИХ БЛИЗНЕЦОВ

В.К. и компании

Сиамизируемся понемногу -
В смысле, вырастаем друг в друга боками, плечами.
Таким мутантам в самый раз - на Тортугу,
Пить ром, пробавляться всякими мелочами,
Звенеть пиастрами, драться, клацать зубами,
Солёными шуточками обмениваться 128 раз в полчаса...
Потом разрежут, конечно, - и разными рейсами,
разными гробами
Отправят на одинаково несуществующие небеса.

Марине Панфиловой

Сегодня тебя нет в этом городе.

А в городе – внезапное лето.
Я тихо прочирикаю: - Господи,
Спасибо и за то, и за это!

Блаженство избавляет от гордости.
Горит звезда, горит сигарета.
Не в сытости вкуснее, а в голоде.
И лишь во тьме – предчувствие света.

FEMMEFATAL

Юлии Кречетовой

В её нежном лице – бледно-жёлтая тень декаданса,
В зеленеющем взгляде – пучина порочных страстей.
Оттащите ребёнка от падающего контрабаса,
И вообще, берегите от женщины этой детей.

Есть нелепая прелесть в её одеяньях казённых,
Электричеством странным заряжена, верно, она:
Стоит только притронуться к струнам её раскалённым –
И шарахнет по нервной системе, и будет весна.

MON ANGE

Кормил из рук, заглядывал в глаза,
Рвал бархатцы с оранжевых куртин,
Водил гулять на Обь и на вокзал...
Жизнь - укротил, а смерть - укоротил.
Ты мне не примерещился, герой,

Вернувший смысл бессмысленной судьбе.
Сейчас надену свитер голубой -
И улечу на небеса. К тебе.

А по поверхности скользить –
Куда сложнее, чем углубляться.
Сложней смеяться, чем нозить,
И легче плакать, чем смеяться.

Таи, скрывайся и молчи:
Понятно – хуже, чем невнятно.
И незаметно проскочи
На небеса или обратно.

А счастья - много: универ,
Пустой перед последней парой,
Когда потом выходишь в сквер,
Бренча полупустою тарой,
Когда в автобусе трещишь
С подругой, словно гимназистка,
И этот шум, и эта тишь,
И звёзды, высоко и низко.

А тебе бывает тоскливо
В теплый час золотого отлива,
Когда девушки торопливы,
Как вечерние облака?
Никуда не движется время,
Просто сбрасывает оперенье.
Предпоследние дни сгорели
В табакерке без городка.

Мы - нездешние, мы - на лодке,

Мы приплыли сюда по наводке.
Небо - яркое, как на коробке
Старомодных венгерских конфет.
Если есть заводная пружина,
То она - в стаканчике джина
Или в плоской коробке "Житана",
Или в моли, грызущей фетр.

Но откуда тоска такая,
Гуще меда и слаще "токая",
Словно мы - на вершине Алтая
И кончается кислород?
Обопрись о гранит парапета,
Наше счастье - прочнее фетра,
Мы плывем по причине ветра,
Если только не наоборот.

Марине Панфиловой

Автопортрет

Желанная, разнеженная, юная,
Покинутая, найденная, разная,
Я - клавишная, духовая, струнная,
Влюблённая и потому - заразная,
Застенчивая, милая, циничная,
Невидимая, яркая и шумная,
Обычная, смешная, необычная,
Загадочная, умная, безумная,
Печальная, лихая, бесшабашная,
Заботливая, тонкая, душевная,
Нелепая, красивая и страшная,
Какая хочешь. В общем-то, - волшебная.

Ангел на гусёнке,
Дальняя звезда.

Буду тонкой, звонкой

Всегда.

Девочки танцуют,

Мальчики молчат,

Зайчики рисуют

Волчат.

Улыбнётся ангел,

На тебя похож.

Если долго падать —

Уснёшь.

Очень тихо в мире.

И шаги твои.

Раз, два, три, четыре,

Живи!

Ане Леонтьевой

Голова состоит из мелких и крупных цитат,
Из кусочков чьих-то улыбок, из всякого сора.
О, продайте, продайте какой-нибудь препарат,
Чтобы гладенько было внутри, никакого зазора!

Если мы - планктон, то кто тогда кашалот?
(Глубина этой мысли меня саму восхищает.)

Он умрёт, и они умрут, и она умрёт:
Этот дивный мир питается не овощами.
Жене Михайловой

Если тихо-тихо сидеть и вдумчиво слушать,
Если громко-громко орать и плевать на всех,
То поймёшь, какие тебя поджидают души –
Утончённый филфак или всё-таки политех.

Если ты умеешь читать и играть на кларнете,
Замечаешь и колосса, и муравья –
Значит, будет непросто тебе выживать на свете.
Ты – его оправдание, девочка моя.

Ане Негреевой

В кафе университета,
Прекрасна, как эльф лесной,
Не помню во что одета,
Она повстречалась со мной.

Я ела рагу овощное,
Гундарин хлебал супец,
И умное всё такое
Он мне говорил, стервец.

Кафе университета,
Гундарин, супец, рагу...
Я на просторы сюжета
Вырулить не могу.

Рифмуются ангел и Аня,
И каждой минуты кусок,
И лёгкое замиранье
От истины на волосок.

Апрель

Ты улыбаешься, как сорок тысяч братьев
Не смогут улыбнуться. И за это
Тебя на части рвут пенсионерки,
Душевнонездоровые девицы,
Прохожие, забывшие дорогу,
Тинейджеры всех видов и полов.
Когда сплошным весенним обостреньем
Страдает население Барнаула,
И всё течёт и тает, словно сахар, -
Все прежние влеченья, все соблазны,
И сахарное сердце, в том числе, -
За что, скажите, драматурги мира,
Мне выпало неслыханное счастье
Стать персонажем этого сюжета,
Немного поучаствовать в спектакле,
Тебя любить и на тебя смотреть?

АРХЕОЛОГИЯ

Снимай богему,
За слоем слой.
Возьми мой снимок
Нецифровой.
Танцуй от печки
И допоздна.
Душа у свечки
Всего одна.
Найдут потомки
Культурный слой:
Кто с кем танцует,
Кто чей герой.

Бледнее фарфоровой куклы,
Нежнее весенней листвы -
И всё это Вы сочинили,
И всё это сделали Вы.

Я сяду в трамвай без билета,
С тюльпанами цвета любви.
Мне некуда ехать, мой ангел,-
И всё это сделали Вы.

* * *

Блестящей мишуры уколы,
Тухлятина семьи и школы,
Недобрые глаза родных,
Молчанье книжек записных,
Бессмысленность прогулок зимних,
Тоска в глазах когда-то дивных,
И чёрствый хлеб, и чёрствый дух,
И бесов не прогнал петух.

Мой принц, кончается эпоха,
В которой мне бывало плохо,
И бесподобно, и смешно —
Всё отнято и всё дано.

Три тихих дня, похожих на наркоз.
И грозди слёз. И ворох роз.

Блуждая по вечерним городам,
Рассмотришь даже то, чего не видно,
Забудешь, что бедна и голодна,
Что влюблена безжалостно - постыдно,
Что истончилась радостная жизнь,
Как лепесток цветка в старинной книге,
Что будет прежним – жди или не жди –
Рассвет декабрьский, пасмурный и дикий,
Что музыка терзает, как паук,
Что нет от чуждых запахов спасенья,
Что в понедельник исчезает вдруг
Все то, о чем мечтала в воскресенье,
Что свет горит лишь для того, кто зряч,
Что теплота – не физика, но тайна,

Что разница удач и неудач
На слогe «да» бледнеет моментально...
Как этот город ласково горяч!
Как эта темнота сентиментальна!

Большие собаки выходят гулять.

Большие хозяева в больших домах. Большие деревья с мягкой корой.
Большие дымы больших городов.

Полковник по-прежнему ждёт письма. Большие надежды — пепел и прах.
Большая-большая, sixteen tons, Падает жизнь с голубых небес.

утро стрекоз. Роса на траве.

Коршуны в небе парят.

Чашечку кофе или две

вставлю в родной звукоряд.

Роза ветров — то туда, то сюда —
так переменчива, брат.

Дым-иероглифы без труда

вставлю в родной звукоряд.

Люди готовы к любой судьбе,

Курят, молчат, говорят.

Я ничего не беру себе,

только родной звукоряд.

Будет весело и страшно.

Черный Лукич

Мы расскажем нашим детям,

Что такое МДП, *

Как бывает на рассвете

Одиноко и т. п.

А еще мы им расскажем

Про вечерний Петербург.
Будет весело и страшно,
Но зато - из первых рук.

*МДП – маниакально-депрессивный психоз

Булавки в голову воткнуть,
Японские булавки,
И резко не туда свернуть,
И выпасть из контекста.
На травке Энгельса читать,
На изумрудной травке,
Смещаясь в сторону себя,
В единственное место.

Быть дворниками на твоём ветровом стекле,
Бессмысленно мотыляться перед глазами.
Быть мелкой букашкой в крапиве и конопле,
В твоей голове возникать, словно боль или заумь.
Питаться иргой, барбарисом, дарами полей,
Спокойно забыв, кому и с кем изменила.
Быть самой любимой нелепой ошибкой твоей,
Подчеркнутой красным. Должно быть, это чернила.

Быть живой, наслаждаться сияющим днём,
Все молекулы счастья любить, как родных.
В час, когда и собаки гуляют вдвоём,
Не бояться ночей одиноких своих.

Розенкранц, Гильденстерн, вы, бедняги, мертвы.
По свободной душе пролетает сквозняк.
От зелёной травы не сносить головы.
Быть живой – просто так. Быть живой – только так.

В АВТОБУСЕ

Толстые плоские попы,
Лица – как холодец.
Чемпионат Европы –
Это ещё не трындец.

Просто умыться водой ледяной.
Просто напиться, чтоб стать собой.
Просто любить хоть одно существо.
Если ты любишь, оно – не говно.

В автобусе тепло, на улице – смертельно,
И милиционер скукожился, как мент.
Надеюсь, хоть чуть-чуть согреет крест нательный,
Январь закончит курс и выдаст документ.

Мы ловко просвистим меж пальцев инфлюэнцы,
Покажем ей язык, красотке пожилой.
Вольно тебе, зима, выкидывать коленца,
Кусаться, подвывать и притворяться злой!

А помнишь, ангел мой, морозы минус сорок,
Фабричные дымы, сугробы до небес,
Хоккейные коньки и ледяные горы,
Скрипящую лыжню через волшебный лес?

И целый мир исчез.

В АВТОБУСЕ-2

Кто-то с утра поел чесноку,

Кто-то везёт ванилин...
Запахи, запахи, не могу,
Это – засада, блин!

Знаю людей (лыко в строку):
Чувствуют только говно.
Надо с утра хлебнуть коньяку,
В нём ванилина полно.

В божественно прекрасном мире

Я - грязное очко в сортире.
В немыслимо любимых лицах
Приказ читаю: удавиться!
Лечу, кричу, раскинув руки:
- Добрее надо быть, суки!

В глубине одиночества есть наркоманский приют,
Где душа, как в раю: не разлюбят её, не убьют.
В глубине одиночества есть потайные колодцы:
Кто туда попадёт, тот уже никогда не вернётся.

В день рождения Ирвина Уэлша

Стояла прекрасная погода.
Они созвонились почти случайно
И весь вечер гуляли по городу.
Небо голубело на грани пошлости,
Под ногами шуршало золото.
Они старались не допускать оплошностей,
Пили вино во двориках, молчали, как зомби.
Они целовались очень осторожно,
Нежно и тихонечко - в шею, в висок.

И тот, кто устраивает все свидания, простые и сложные,
Смотрел на них сверху, прибавляя ещё часок.

В душистом воздухе предместий,
Где лопухи и лебеда,
Последних отзвуки известий
Рассеиваются без труда.

Наверх засмотришься с зарёю:
Звезда, и плюс ещё звезда.
Вот их соединить прямою –
Так приведёт она куда?

Сидишь на маленькой террасе
И медитируешь на Обь.
Теряйся, деточка, теряйся,
В предместьях раствориться чтоб!

Осе по морде наглой врежешь,
Сорвёшь мускатный виноград...
А запахи-то – те же, те же,
Что триста лет тому назад.

В её волосах уже нет волос,
В её крови ужёнету крови.
Серые гильзы её папирос,
Её соболиные брови,
Нежный Прилепин в её голове,
Нежное что-то, что-то, что-то...
Дайте ей жизни, дайте две:
Ведь ей летать,

Ведь ей летать,
Ведь ей летать охота.

В Ленинграде теперь Петербург

Наши сны потеряли опору.
Любишь ром - а я кофе люблю,
Любишь поле, а я коридором
Пробираться, не хлопнув дверьми,
Ничьего не тревожа покоя.
И во мне повторяю: "Пойми".
Хоть не знаю, что это такое.

В липкой грязи знакомых улиц,

В мягком дожде знакомых глаз

Мы засыпаем, мы проснулись,

И так — сто двадцать восемь раз.

Не выпадай в осадок, счастье! —

Трудно отмыть золотой бокал.

Я научусь легко возвращаться

Из-за зеркал.

* * *

В одуванчиках есть витамины,

Фосфор, магний, железо, свинец.

Я иду с головою повинной,

Как черкешенка под венец.

А в груди — пузырьки предвкушенья,

Как шампанское, жгут и бодрят.

Я опять принимаю решение,

Все решенья подряд.
Лето, лето, лети, как комета,
Не обманывай и не жалеи!
Я заранее знаю ответы
Каждой глупой загадки своей.

* * *

В поднадзорной палате

Свет горит до утра,
И читает на вахте
Молодая сестра.

В поднадзорной палате
От зари до зари
Моют грунты старатели,
Ложки бьют ложкари.

В поднадзорной палате
Есть кого подраспать.
Кто тут временный? Хватит!
Распинали раз пять.

Нет дверей на палате,
Забирайте ключи.
И молчит Богоматерь,
И молчит, и молчит.

В твоём тепле, живом и человеческом,
В любимом запахе и в голосе родном -
Вот где оно, моё прекрасное отечество,
Мой город, обойдённый босиком.

Здесь люди курят травы запрещённые
И пишут сумасшедшие стихи.
Влюблённые, любимые, крещёные,
Волшебные, как ты. Люблю таких.

В холодное стекло автобуса

Уткнись разгоряченным лбом.
Сегодня в разных точках глобуса
Мы вспоминаем об одном.

Разлука наша под вопросом,
Вопросы глупые замнем -
В холодный нос горячим носом,
В холодный лоб горячим ртом.

В электричке тётенька

читает Даниэлу Стил.
Как же её дяденька Это допустил?

Бабки-садоводы, Дедки-рыбаки...
И я — такая модная, Как не от сохи.

Дремлют над сканвордом, Минералку пьют —
Это наш народный, Наш ж/д уют.

От родных пейзажей Хорошо в груди.
в тамбуре, наверно, венедикт.

В этом городе светло,

И каникулы в разгаре,
Чисто вымыто стекло,
Два букета в дортуаре.
А ведь где-то — кавардак,
Слякоть, дойка и прополка,
Запустение и мрак,
Трёхлинейка и двустволка.

Вам, зимой уехавшим на Гоа
Пить дешёвый ром и курить траву,
Не понять, что зимняя голова
Очень плохо держится на плаву.

Не метафора смерти – а просто смерть.
С облаков упасть, замёрзнуть в пути,
Через эту зиму перелететь,
Через всю Сибирь за рецептом идти.

Обойдусь грибочками в пирогах,
На диванчике мирно буду сидеть.
Электрический кот свернётся в ногах,
И дежурный бес подкинет идей.

Эту невыносимую ерунду,
Всё, что голос чужой внутри говорит,
Я тебе на английский переведу,
Я тебе переведу на санскрит.

Варе Смирновой

Волшебная палочка из бузины, Мантия-невидимка.
Душа посреди холодной страны Золотится, как сардинка.

Ты круче яйца, – считает фэйсбук. Нет повода не веселиться.
Тебе не к лицу нелепый испуг, Циник, убийца, блудница.

Шагай же вперёд, подтянув рюкзак! Мысли твои чисты.
Drang nach Osten! Шире шаг! Бог – это тоже ты.

Ваши ноги обтянуты туго,
Ваши ноги манят, как пиво.

Называю Вас "старым другом",
Если спросит жена ревниво.

Вы меня обожали, принцесса,
И загадочно не прогоняли.
Ледяным возвращался из леса
И оттаивал в Вашем зале.
Я хочу быть маленькой птичкой,
Пусть Ваш кот меня загрызёт.
Пенелопа, жена-истеричка,
Паутину свою плетет.
Запах губ, сигаретно-сладкий,
И любимых духов "Дали".
Топ-модель, снегурка, загадка,
Нас не люди — нас звезды свели.
Ваши очи круглы, как алмазы ,
Ваша нежная грудь высока.
О принцесса, я жду приказа,
Из-за Вас я сбежал из полка.
Прогоняйте, не принимайте,
Променяйте на десять других!
Только ноги не закрывайте
И ресницы не отмывайте,
Изменяйте — но не исчезайте! —
Кафка, Ваш насекомый жених .

Ведущая к храму дорога

Заводит порой не туда.
Прощенья проси не у Бога:
Он занят тобой не всегда.
Любая дорога - от Бога.
Я верю в его города.

Великие возлюбленные тех времён

Мирно спиваются поодиночке.
У него зрение +8.
("Почитайте мне вслух Рембо!")
У неё вечером - три по 50 с устатку.
Черноволосый красавец музыкант, знаток
тяжёлого рока.
Высокая блондинка, любимица местных
фотографов.
Красивая пара, предмет лёгкой зависти подруг.
Богемный ветерок 80-х, душным ты стал и
невесёлым.
У неё - пожилая больная мама и Интернет.
У него - комната без света и воды на выселках.
Уже умерли собаки, рождённые в СССР.
Музыки всё больше вокруг, но всё труднее её
услышать.

Весна

Все мои башмаки прохудились одновременно.
Ладно, надо же чем-то расплачиваться за радость.
Ты в меня проникаешь мгновенно и внутривенно.
Мне от собственной крови уже ничего не осталось.

Посмотри, как легко превращаются в принцев уроды,

Даже эти менты, что меня загребли под сурдинку!
Отчего так похожи свобода и несвобода?
Кто мешает полгода вот так простоять в обнимку?

Что тебя не убьёт - то наверняка спасает.
Только, если не ведьма, - утонешь, уйдёшь под лёд.
На тонюсенькой ниточке сердце моё подвисает,
И внутри пружинка свернулась - сейчас рванёт.

ВЕСНА

Под ногами – дерьмо и Венеция,
В голове – васильки и Флоренция.
Мы гуляем по тёмным дворам,
Равнодушные к звёздным мирам.

То ли среднее, то ли вековое,
То ли просто пустые холмы.
Пахнет летом невнятная специя
Прогоревшей сибирской зимы.

Весна идет,
как рок-н-ролл,
И сносит мелкие преграды.
Шел сладкоежка - и набрел
На двадцать фунтов шоколада.

И сердце замерло в груди,
И мысли понеслись, лохматы.
Шагай, бродяга! Впереди –
Июнь, изюм, халва, цукаты.

Весной пронзительно и пусто,
Как в коридорах универа.
Я не прислушиваюсь к чувству,
Я принимаю всё на веру.

Ещё трава не дотянулась
До голубого кислорода –
А жизнь взяла и улыбнулась,
И отпустила на свободу.

Мы загорим, как абрикосы,
Мы отгорим, как зажигалки.
Прохожие посмотрят косо
И растворятся в переулке.

Виктор Франкенштейн идёт в кафе,
У него отменный аппетит.
Кофе и фисташковым парфе
Элегантно ужин завершит.
Тело наслаждается едой,
А работа – это для ума.
Виктор Франкенштейн – всегда живой.
Оживи, голубчик, и меня!

Вино не может быть сухим.
Скинхэд не может быть патлатым.
А ослик должен быть худым,
Как написал Сергей Довлатов.

Полгорода прошла пешком
Моя разнеженная тушка.
Душа летела мотыльком.
Она должна летать, старушка!

Сегодня мир - такой цветной,
И люди, все подряд, красивы.
Любовь не может быть смешной,
Но, даже если так, - спасибо!

Виолетте

О, не вырваться, ты права,
Из затверженного круга.
Но, покуда звучат слова,
Мы вытаскиваем друг друга.

Но, пока в шальных головах
Зреет идея побега -
Пробиваемся, как трава,
Из-под грязи и снега.

* * *

Виолетте

Стихов друг другу не читаем,
Не дарим милых пустяков.
Мир каждого — необитаем
И полон острых сквозняков.

Объединяют — смерть и пьянка,
Объединяет — снегопад.
(Друг к другу первобытно тянут
И в рифму говорить велят.)

Виолетте Метелице

В последней запарке дразнили последнюю ночь
Шуршанием шелковой нити, бумаги, шпагата.
От запахов дерева, клея, металла, холста,

Глаза становились камнями в миллионы каратов.

Слонялись, как тени, рисунки распяв на стене,
Теряя то ножницы, то молоток, то друг друга.
В страстную неделю бессонница — наше вино,
Хайратники дыма затянуты нежно и туго.

Мы здесь — карбонарии. Тайной улыбки игра
Столкнется с другой на, стеклянной поверхности рамки.
Последний чаёк перед днем воскресенья Христа,
И — выйдем в туман по грязи ледяной.
Из предвкушения — в праздник.

Вкусно пахнет от хлебозавода.

Поддаёт листопад огоньку.
Не буди во мне жалость, природа,
Ни к предателю, ни к дураку!

Выбегая из универмага,
Не грущу, не сержусь, не прошу.
- Он меня не разлюбит, бедняга! -
Я безжалостно произношу.

Влюбиться как попало, умереть,
Потом начать сначала эту муть...
Я знаю смерть. И мне плевать на смерть.
Она - не ровня взгляду твоему.

Внутри маньчжурского ореха
Сидело маленькое эхо.

А почему оно молчало? –
Его немного укачало.

Волшебная анестезия

Мне выстилает путь из роз.
Прощай, моя тахикардия,
Гипотония и понос!

Настали времена другие -
И я мила, как добрый пёс.
Прощай, моя неврастения,
Шизофрения и склероз!

Меня немного починили,
Как в "Детском мире" паровоз.
Прощай, моя циклотимия,
Алкоголизм, психоз, невроз!

Играя мышцами тугими,
Стою в эффектнейшей из поз.
Прощайте, тремор, анемия,
Ринит и остеохондроз!

Бодра, как новенький ботинок,
Я выбегаю на мороз.
Прощай, энцефалопатия,
Бронхит, ангина...
А больше у меня ничего и не было.

* * *

Вот главное: не выпадай из ритма.

Вот главное: не выпускай из рук
Малютку жизнь, как маленькую скрипку.
Любовь иль ничего - одно из двух.
Вот главное: отдаться, как теченью,
Непостижимым волнам звуковым.
И пусть известно место назначенья,

Путь - есть, и остаётся таковым.

* * *

Вот и звёзды

Вот и праздник

Вот и дождичек в четверг

Вот и мир однообразен

Разнообразен

Безобразен

Ненужное зачеркнуть

* * *

Вот и опять наступил сладострастный август,
Месяц арбузов и дынь, и предосенних дождей.
Надо сварганить пирог из зелёных падалиц,
Чтобы всё было достойно, как у людей.

Каплей медовой неспешное времечко тянется.
Скоро пальнут персеиды со всех стволов.
Что-то пройдёт навсегда - но ведь что-то
останется
В нервах, в суставах, на дне, в глубине голов.

Вот и опять возрождение, спасибо августу,
Давшему столько любви без процентов взаимы.
Надо сейчас запастись витаминами радости,
Ведь впереди, дорогая, - полгода зимы.

* * *

Вот когда я была еще рыбой,
Мы с тобой сговориться могли бы.

* * *

Вот только зря рыдала буря,
Наивный зверь,
Решив, что мы с тобой уснули,
Захлопнув день.

Вот только зря гроза рядилась
В сигнальный свет,
Решив, что мы вдруг заблудились
Средь леса лет.

Давно пора нам оглянуться
На крик души.
Все колокольни к небу рвутся,
И нам спешить.

Скорей, смелей, уже заждались
Нас в тех местах,
Где мы так ясно отражались
В глазах Христа.

Вот уже могу гулять
Без сопровожденья,
Провожать и вспоминать
Без униженья,
Изменять и рифмовать
Для омоложенья,
Пить, курить и загорать
Без самосожженья.

ВРЕМЕНА ГОДА

Зима подкралась незаметно,
Весна ударила под дых.

И только лето
Не ранит жителей своих.
А осень — это
Лекарство от любых-любых
Людей.

* * *

Все встретимся, в конце концов,
В горниле адовых пекарен:
И тонкий лирик Романцов,
И томный патриарх Гундарин,
И тот, чьё имя называть
Рекомендуем не при Стасе,
И дева, что рифмует мать
Свою уже в девятом классе,
Шофёр с медалью за труды,
Секс-символы, кому за 30,
И записавшая ходы
Авторитарная сестрица,
Алкаш, забывший верный путь,
И героиня жёлтой прессы...
И надо сделать что-нибудь -
Да Барнаул не стоит мессы.
Ответим за грехи отцов,
Витийствуя в шестой палате.
Не ешьте, дети, огурцов
И молоком не запивайте!

Всё кончено. Дыра внутри закрылась.
К волшебным странам ветерок несет.
Ты отдаёшь себя на Божью милость —
И понимаешь: кончено не всё.

Всё легче сны,
Всё глуше голоса,

Всё слаще затеряться в стоге сена -
Травинкой, паутинкой, мошкаррой.
И, возвращаясь в суетную жизнь,
Мы это вспомним, вспомним непременно -
Жизнь, не прикидывающуюся игрой.

* * *

Все пальцы сцеплены тюльпанами,
Везде – горячий красный цвет,
Везде – весна, везде – Испания,
Везде – безумный майский ветер.

А ночью так свежо и холодно,
Что пробирает до нутра.
В груди у каждого прохожего
Зияет чёрная дыра.

Все проходит. Пройдет и это,
Как Антильские острова,
Я не знаю, какого цвета
Твои ласковые слова.

Память топчется бестолково
В закоулках ночных миров.
Слишком многое значит слово,
Чтоб выпало на зего.

Слишком сильно и слишком поздно,
Чтобы верить и повторять.
Я люблю тебя. Это серьезно.
То есть - зря.

Встречаемся в галлюцинациях,
В других непростых ситуациях.
Ум — пепел, мысли — зола,
На грани добра и зла.
Встречаемся в тёмных «узбечках»,
На библиотечных крылечках.
Мел в сердце, совёнок в сове,
Ничьи голоса в голове.
Встречаемся на подоконниках,
В траве со следами покойников,
На родине слёз и теней.
Не будет больней.

Выбегая на свободу,
Ты скользишь по гололёду,
Как корова на катке.

Можно броситься с обрыва,
Можно жизнь прожить красиво,
С незабудкою в руке.

Есть в молчании оттенки -
И от них дрожат коленки,
В голове - туман и жар.

В январе апрель бывает,
А любовь - не убивает,
И по льду - не убежать.

* * *

Вытягиваю руки вверх,
Как одинокие деревья,
А музыка, минуя свет,
Просачивается в коренья.

Во глубине запавших щёк
Улыбку прячу, прячу, прячу.

Я выпью февраля глоток
И от бессилия заплачу.

Неправда, что душа слепа,
И что вампир умрет от света.
«Прощай!» — и подпись: «Я, слегка
Окостеневшая от ветра».

Вячеславу Корневу

Жизнь моя – то трепет, то лепет,
То полёт, то полный улёт –
Снова мне горбатого лепит,
Что до свадьбы всё заживёт.

Снова май. Мы ушли от погони.
Зацветает любимый вяз.
Сизый голубь клюёт с ладони,
Так доверчиво и не боюсь.

Всё теплее, теплее, теплее,
Скоро будет совсем горячо.
Мы гурьбой идём по аллее,
Расширяется мой зрачок.

Видно, зря я губы сжимаю
И молчу, и курю взятяг.
Я над парусом поднимаю
Развесёлый индийский флаг.

Где же вы, мои глазки?
Где хрустальная речь?
Остаётся, как в сказке,
В гроб хрустальный залечь.

И дремать, и томиться,
И молиться Творцу.
Никуда не стремиться,
Ни к какому концу.

Где наши собаки, любившие нас, как родных?
Кто наши любимые книги навек зачитал?
Где наши прекрасные лица в пейзажах цветных?
Мы все — богачи, промотавшие свой капитал.
Закончился август, последней звездой упадёт.
Закончатся слёзы, фантазии, весь этот джаз.
Планеты привычно пойдут на крутой поворот,
И новые люди с улыбкой забудут о нас.

* * *

ГЕНЗЕЛЬ И ГРЕТЕЛЬ

Разлучены домашними заботами,
Замучены плебейскими делами,
Мы кажемся кому-то идиотами,
Но Бог - не фраер и глядит за нами.

Он расставляет маленькие звёздочки,
Он сыплет на дорогу крошки хлебные -
Чтоб мы не заблудились в этой области,
Чтоб мы нашли друг друга, дети бедные.

От ветра - слёзы. (- Я бы пооблизывал!)
Плюс нежность, радость, меткость попаданья.
Бродячие сюжеты - вещь капризная,
Бредут куда хотят - и до свиданья.

Пуская не досыта прикосновения,
И кровью не подписана бумага,
Но если все соединить мгновения -
Получится неслыханная сага.

Недолог путь от рая до погибели,
Нелеп расчёт и жребий одинаков.
Но сердце твоё тёплое, любимое,
Хранить я буду, как Шопена - Краков.

Гоголь

Губит души красная рубаха.
Свадьба накануне равноденствия.
Гоголь назююкался от страха:
тёмные в Диканьке происшествия.

только в чернозёме черти водятся,
только там — раздолье для прозаика.
Я ведь и сама из Малороссии,
тоже ведьма, не пугайся, зайныка.

Скачем в размышленьях о ночлеге.
Завтра победит позавчерашнее.
Голубые глазки — обереги,
Голубым глазам не страшно страшное.

Горько? Кисло? Пресно? — Это родина.
Сала положи — и будет солоно.
Мертвецы уходят в преисподнюю,
И свиные хари-маски сорваны.

Голубей кормить, кормить

И воробушков.
Самой доброй дурой быть,
Ясным солнышком.
На ветру порхать, порхать
Вместе с ними же.
И дожждаться лета. Глядь -
И счастливая.

Голубые небеса

И минтай на сковородке.

Посидели два часа,

Выпили немного водки.

Наши дети подросли,

Наши мамы постарели.

И по-прежнему вдали

Наши маленькие цели.

* * *

Горизонт безумно чист,

Небо — резкое, как свист,

Сердце — мягкое, как вата,

Твёрдое, как аметист.

Чёрный кофе на столе,

Нитка белая в игле.

Белый кот боится влаги,

Но плывёт на корабле.

Попугай-какаду,

Муха сонная в меду.

Я боюсь листа бумаги,

Но на сушу не сойду.

* * *

Город цветёт, как заросший пруд,
Пухом плюёт в лицо.
Эти букашки скоро умрут,
Станут песком и пыльцой.

Тонкие сущности выцвели в пыль,
Небо слепит сединой.
Гриновский серый автомобиль
Едет ещё за мной.

Горючего хватит только до Сингапура.
там чёрный рояль стоит под чёрным дождём.
Распались аккорды, рассыпалась аппликатура,
И аритмично зашкаливает метроном.
Кончается лето. Музыки нет и в помине.
Скрипичный. Басовый. Allegro. Da capo al fine.

Давайте смотреть друг на друга,
Давайте поставим чай.

Ведь выхода нет у круга
И цели нет у луча.

Я Вам, как супруга супругу,
Отдам большой бутерброд.
Давайте любить друг друга,
Пока бомбёжка идёт.

Давно-давно ни с кем не спала в обнимку.

Давным-давно - такое было кино.

Надеюсь, ещё узнаешь по фотоснимку

Смешного мальчика в праздничном домино?

Опять замело Барнаул по самые крыши.

Сто двадцать автомобилей столкнулись, летя.

Я ухом - к снеговика: тихонечко дышит.

А я? Приложите ухо ко мне! Хотя...

ДВОЕ

Ангел волосы не моет,

Ангел песен не поет.

(То, как выпь, она завоет,

То хохочет, как койот.)

Ангел молча существует

Между небом и землей.

(А она-то знай танцует

Между смертью и игрой.)

Ангел книжку почитает

И под музыку заснет.

(Снегом душу заметает,

Снегом душу заметет.)

Дворовые кошки, скоро зима,

Готовьтесь, дворовые кошки!

Конечно, бабки вас будут кормить,
Нести свои жалкие крошки,
Лелеять котят, лечить лишаи,
Скрипучими звать голосами —
Но только проблемы ваши, мои
Решать будем сами, сами.
А знаете, что для меня весна,
В начале, а не в разгаре?
Когда появляется кошка одна,
Первая, на тротуаре.
*

Девочка моя, судьба,
Ты меня избаловала,
Положила мне в ладонь
Самый яркий апельсин.
Каждый день моя любовь
Начинается сначала.
Как ты сделал это, мой
Ненаглядный сукин сын?

* * *

Девушки с длинными волосами,
Юноши с нервными голосами,
Юноши, ждущие под часами,
Девушки, ром заказавшие сами,
Жизнь, проходящая полосами,
Время, не ждущее под часами,
Юноши с очень смешными усами,
Ветер, играющий волосами,
Письма то Сталину, то Усаме,
Девушки с песней крамольной в храме,
Эту судьбу мы выбрали сами,
Сами с очень смешными усами.

Детский альбом

Сегодня - без эротики, мой друг,
Сегодня - только детские альбомы.

Проскачем молодыми кенгуру,
Играючи, без лирики любовной.

По чашке кофе, по два леденца,
И реплики по чесноку разделим.
Мы начинали наугад с конца -
И подбираемся к концу недели.

По-итальянски пишем: "Повторить".
Готовы продолжать, не без азарта,
Куриль, по телефону говорить
И полосу планировать на завтра.

Мы сберегли свои полутона,
Поднаторев в пиаре и продажах.
Всё - сыграно. По слухам, жизнь одна.
А музыка - останется, пусть даже

Забыты ноты, продано ф-но,
И наши скрипки выросли давно.

Длинная строчка, слишком длинная строчка.

Жизнь — до предела забавная заморочка.
Только ночное радио, эти ритмичные звуки
Тьму усмиряют, как зверя, и развяжут руки.

Не заплакать уже, как младенцу, облегченно.
Слабо!

Потому что он — надо всеми, а ты — над собой.
Пей же свой кофе, разговаривай с Богом,
А потом — отправляйся своей дорогой.

Добавьте выразительных средств,

Оставьте этот жалобный тон,
Довольно бить в пластмассовый рельс,
Садитесь есть какой-нибудь торт,

Считайте от двухсот до пяти,
Не убивайте мать и отца,
В конце концов, найдите мотив
Для продолженья или конца!

* * *

Доброй ночи и удачи!

Я тебя почти забыла.
Спи спокойно, милый мальчик,
Порожденье крокодилов!

Скоро сменятся созвездья.
В городе - припадок марта.
Выньте из ладоней гвозди,
Радостно встречая завтра!

Доброй ночи и удачи!
Дайте мышьяку без сдачи!

ДОЖДЬ

А. С.
Дождь залетает прямо в грудь,
Не разбирая направления.
Скорей сбежать, скорей уснуть,
Запятав голову в колени!

Не видеть чтоб, как, прям и тощ,
Никем в толпе не замечаем
И длиннонос, как этот дождь,
Шагает человек печальный.

А горло разрывает стих:
Рвануться, рядом быть подольше!
Но люди любят только тех,
Кто им, как в зеркале, подобен.

И чтобы полюбить посметь
Такого вот, с длиннющим носом,
-Ах, надо и самой иметь
Длиннющий, словно папироса.

* * *

Дождь залетает прямо в грудь,
Не разбирая направленья.

Скорей сбежать, скорей уснуть,
Запятав голову в колени!

Чтоб не видать, как, прям и тош,
Никем в толпе не замечаем
И длиннонос, как этот дождь,
Шагает человек печальный.

А горло разрывает стих:
Рвануться, рядом быть подольше!
Но люди любят только тех,
Кто им, как в зеркале, подобен.

И чтобы полюбить посметь
Такого вот, с длиннющим носом, —
Ах, надо и самой иметь
Длиннющий, словно папироса.

* * *

Дождь прошёл без меня. Посвежело. Природа добра.
Вряд ли я заслужила такое умиротворенье.
Может, что-то хорошее сделала позавчера?
Только завтрак да ужин, да несколько стихотворений.
Да, ещё танцевала и кофе с лимоном пила,
Сигареты курила, с друзьями навзрыд хохотала,
На последний автобус успела, такие дела,

Не спала до утра и читала, писала, читала...

Донашиваю за дочерью башмаки.

Это очень удобно: один размер.

Потому что донашивать за сыном башмаки

Было бы не так удобно, например.

Смотрю на людей в автобусе, они нелепы:

Или коротышки какие-то, или нос уточкой.

Господи, укрепи мои духовные скрепы!

Обещаю увести всех детей из города с дудочкой.

ДОЧЕРИ

В синих сумерках пойдём прогуляться,

Там собаки и деревья без листьев.

Я надену тебе тёплые штанишки,

А сама покрашусь, как актриса.

В синих сумерках пойдём прогуляться,

Держась за руки, чтоб ветер не унес.

Нам ведь главное — не потеряться,

Это наш единственный вопрос.

* * *

Душа моя - как сухогруз,

Затерянный у Кабо Верде,

Как мелкий кровопийца гнус,

Засушенный цветок в конверте,

Как одноглазый Полифем,

Как три буддийских обезьяны,

Июльский беспредел морфем,

Ночной звонок, подросток пьяный,
Как некий пожилой поэт,
Мне посылающий сигналы,
Вчерашний дым от сигарет,
Любовник пылкий и усталый...
Короче, целый профсоюз
Флажками в океане машет.
Не размочить ли сухогруз,
Чтоб стало весело и страшно?

* * *

Если друзья не звонят, даже зная, что я – мертва,
Если друзья не пишут длинных любовных писем, –
Значит, все кончилось, кончилось, как трава,
Как вороха в октябре подожжённых дворником листьев.

Замкнутые системы, неприкаянность всех мастей,
Бродим по Барнаулу, не совпадая, – но рядом.
Можно купить алкоголя, можно созвать гостей,
Можно устроить пир во время СПИДа и спада.

Даже смешав свою кровь, мы не скажем друг другу «брат»,
Врозь – по девятке кругов, врозь – по кольцу Зодиака.
Я никого не хочу. Я люблю всех подряд.
Я никого не смогу полюбить
Сильней, чем свою собаку.

Оле Наумкиной

Есть грустные фильмы с веселым концом,
Есть милые люди с несчастным лицом –
Но в черном желудке январского неба
Уже не рассмотришь, кто был подлецом,

А кто – Белоснежкой и Питером Пэном.
Размазаны наши печали по стенам,
А сверху написано красным коряво:
«Я Васю люблю» и „Nirvana forever!“

Сдавайте бутылки, прошло Рождество!
Никто и не помнит уже ничего.
И только девчонки из детского сада
Еще веселятся внутри снегопада,

И только собаки от снега шалеют,
И только ослы ни о чем не жалеют,
И только следы на снегу остаются
Для тех, кто однажды захочет вернуться.

* * *

Есть ночи вдохновенного спанья,
Есть ночи упоительного блуда.
Какую выбрала душа твоя -
Не знаю я, не видно мне отсюда.
А Млечный Путь всё светится, паскуда.

* * *

Ещё люблю чахоточные дни,
Ртуть октября, разлитую в природе,
Кафешантанов мёрзлые огни,
Стук каблучков в подземном переходе,
Слепой пунктир осеннего дождя,
Последнего в сезоне уходящем.
Так любят на прощанье. Ночь нежна.
Не злите мёртвых, не будите спящих.

* * *

Ещё не растаял снежный лев, ещё не растаял снежный ком
Внутри, где шелест и подогрев, где пахнет мёдом и молоком.
Ещё не растаял сахар зимы, малина и сливки, янтарь и воск.
Ещё не совсем потерялись мы среди обжигающих острых звёзд.

* * *

ЖЕНСКОЕ ТАКОЕ

Не брильянты, не меха, слава Богу, —
И не то чтобы я слишком горда —
Мне дарили пирожки на дорогу,
Компас, лупу и парфюм иногда.

Книги — лучшую мечту пионерки —
Плюс дракончик и Пегас по рублю,
Покупали сапоги без примерки,
Потому что я сама — не куплю.

И мобилы — я их много разбила —
И уборы для дурной головы,
Фотографии, чтоб я не забыла,
И бюстгальтеры, чтоб помнили вы.

Две пижамы, джинсы, свитер моднющий,
Ежедневники и фен для волос...
Может, просто не представился случай,

Чтоб брильянты подарить довелось?

Пусть не вечностью — но нежностью веет

От мужских подарков, милых душе.

И пальто твоё по-прежнему греет,

Да и лупа пригодилась уже...

Рождественский стишок

Ночное яблоко на кухне поедая,

Сижу, румяная и молодая.

А тот, кто ведаёт румянцем и тоской,

Подушку греет нежною щекой.

А та, что на него до слёз похожа,

Спит, становясь и старше, и моложе.

А тот, кто их оберегает сон,

Уже рождён.

Кончался декабрь. Последние торты пеклись,

Последние Деда Морозы на вызов неслись,

Последние дворники снег убирали последний,

И мокрые шапки, как звери, лежали в передней.

Кончался декабрь. Психиатр на дежурстве дремал,

И лёгкой метелью припугивала зима,

И лёгкая неврастения плела паутину:

Я здесь, мои милые, я вас вовек не покину.

Кончался декабрь. На ёлку навесив шаров,

Мы думали, что защищён и украшен наш кров

Духом лесным, духом святым,

Запахом детства, дождём золотым.

ДОЧЕРИ

В синих сумерках пойдём прогуляться,
Там собаки и деревья без листьев.
Я надену тебе тёплые штанишки,
А сама покрашусь, как актриса.

В синих сумерках пойдём прогуляться,
Держась за руки, чтоб ветер не унес.
Нам ведь главное — не потеряться,
Это наш единственный вопрос.

Что-то сердце болеть начинает.

Что-то номер не отвечает.

Что-то муж головой качает,

Не подносит мне спичку, злодей.

Я пойду в темноте прогуляться —
Ничего, что домашние злятся —
Я дойду до конца декораций
И увижу картонных людей.

Песенка

Я, как безумный графоман,
Пишу свой маленький роман,
А ты читать не хочешь,
Не плачешь, не хохочешь.

Я, как царица обезьян,
Люблю тебя, мой Дон Жуан,
В виденьях эротичных,
Больничных, неприличных.

Я, как зелёный мальчуган,
Люблю тебя, мой Ив Монтан.
Прими стишок в подарок

Да будь, как прежде, жарок!

Мой рассудок невинен и чист,
Как Траволта, танцующий твист.
Есть ещё лет пятнадцать в запасе
У меня — и на бридж, и на вист.

Ощущается жизненный сок,
Поглощается пиццы кусок,
Но предчувствие близкой прохлады
Успокаивает висок.

Тонко-тонко закручен сюжет —
Полусвет, полутьма, полубред.
Усмехаются персонажи,
Потому что концепции нет.

Я не помню, какая строка
Не дописана наверняка.
Я и в картах не смыслю нисколько,
Даже если игра — в дурака.

Ты не видишь, как бегают белки
По зелёной от крови земле,
Ты не слышишь, как жалобно бесы
Обращаются прямо к тебе.

Твои волосы пахнут пожаром,
Толстый шмель залетает в окно.
Подчиняясь вчерашним кошмарам,
Ты снимаешься в этом кино.

Полупьяное расположение
Сновидений, деревьев, небес.
Только музыка будет движеньем

В направленьи, обратном тебе.

Отойди от прохладного ада,
Выйди из лесу, как из гостей.
Ничего не исправит бригада
Из двенадцати милых чертей.

Зима

Ольге Яковлевой

Мы не забыли тёплые дома.
Звучал Вивальди — кажется, «Зима» —
Поджаривались хлебные кусочки,
Душа не замечала оболочки,
В глинтвейне плавали головки мака.
Мы были все с истфака и филфака,
А если медик дикий забредал,
То он гармонии не нарушал.

Действительно, всегда была зима,
Поскольку сразу бешено теплело,
И кто-то пел, и ты со всеми пела,
И золотились книжные тома,
А баловень Москвы и Амстердама,
Картавый фаворит романских муз,
Эстетствующий, ласковый, как мама,
Читал свои стихи француз.

Немного ведьма, юная хозяйка
Заваривала якобы чаёк,
И девочка, соседская, козявка,
Училась у неё.
Кармен-сюита, люмпен-сигарета,
Ку-ку-богема, караван-сарай,
Вивальди рыжий написал про это,
Молчи-молчи, не смей, не повторяй.

Потом у всех детишки народились,

Женился тот, кто не сошел с ума,
И оглянулись мы, и прослезились,
И всё прошло, и кончилась зима.

Женщина бутылочку откроет
И закурит свой «Булгартабак».
Ей всё можно: родила героя,
А её возлюбленный — дурак.

Женщина пластиночку поставит,
Вспомнит, расхохочется, всплакнет.
И никто её не остановит,
Не обломит и не упрекнет.

Женщину в глубокий сон роняет
С высоты кромешной темноты.
И никто её не догоняет,
И ей снятся птицы и цветы.

Жертвы поэтических турниров,
Жертвы диетических гарниров,
Символов фаллических, сатиров
И биологических сортиров,
Жертвы буколических просторов,
Жертвы металлических приборов,
Жертвы патетической брехни -
Это мы. Не мы. Они. Усни.

Живи между тем и рем,
Восходов и снегопадов.
Дари свои книги тем,
Кому оно на фиг не надо.
И, сколько возможно, дли
Свой неповторимый танец.
Читай по губам: "Ва-ли!" -
Кури и сваливай, братец.

Жизнь - загадочна, смерть - проста.

Я и ту, и другую знаю.

Ты приходишь ко мне поспать.

Я, родной, и не возражаю.

Осень - радость, зима - тупик,

Перезвон безнадежной прозы.

Я найду себе материк,

Где азалии и мимозы.

Этот, где мигрень и мороз,

Я давно уже изучила.

Я устрою постель из роз,

Чтоб она тебя разбудила.

* * *

Жизнь угостит шоколадом, лимонным соком,

Будет нежна как котенок, будет жестока,

Будет подарки дарить, воровать надежду,

Спросит: «Вам повторить?» - и нальет, конечно.

Выпей, выпей – иначе умрешь от жажды.

Жизнь, конечно, грязная вещица,

И не стоит так переживать,

Просто не забудьте научиться

В океан с Титаника плевать.

Жить в словарях, в тетрадях ночевать,
В собраньях сочинений просыпаться -
А на обратном адресе писать
Квартиру, город, дом номер шестнадцать.
Жить-петь, влюбляться-лгать, мечтать-летать,
Как тот, в тумане, одинокий парус.
Жить-быть и, знаешь что, - не умирать:
Ведь там теряет смысл обратный адрес.

За то, что навстречу бросаюсь с разбега,
Не выбрав ни места, ни дня,
За то, что из серы, за то, что из снега, -
Простите меня!

За то, что горюю в разлуке короткой,
Когда, потихоньку звеня,
Слеза добирается до подбородка, -
Простите меня!

За то, что готова душа несвятая
Июль на сентябрь променять,
За то, что ладонь о ладони мечтает, -
Простите меня!

Но вы отстраняетесь невыносимо
От слез, от руки, от огня.
За то, что люблю вас, - хотя бы вполсилы
Любите меня!

Зажигалка на подоконнике,
Зажигалка в ванной:
Этот мир поджигается
Со всех сторон.
Зажигалка в сумке,
Зажигалка в кармане...
Ты - зажигаешь,

Маленький Нерон!

Если не препятствовать процессу -
Будет празднично и интересно.

Разбейте часики злачёные,
Любите слово "нет-нет-нет!"
Не пейте воду кипячёную,
Жирафов ешьте на обед,

Разбейте небо на квадратики,
На черепки разбейте Рим!
Тогда, унылые солдатики, -
Поговорим.

Замёрзнем, как мелкие грызуны.

Наверное, Богу мы не нужны,
Не топит он нам батареи.
Мы - только букашки на этой войне,
Где истина - в водке, а не в вине,
И даже любовь не согреет.

Воскреснем, как крупный пернатый скот,
И в Питер кривая нас заведёт,
И в прочие тёплые страны.
Не мы ли - владельцы окрестных миров,
И моря, и ветра, и тучных коров,
И этой зимы окаянной?

* * *

Занывает, ноет, разнеживает, несёт,
Так хочется тебя, почти невыносимо.
За что мне это всё? Зачем мне это всё?
Наверное, неосторожно попросила.

Лети, мой конькобежец, вперёд-вперёд-вперёд!
Тебе к лицу вся эта амуниция.
Умру не раньше, чем моя любовь умрёт,

Или пристрелит конная полиция.

Заплачу за Интернет, выкуплю серёжки —
И пойду себе, пойду по правильной дорожке.

* * *

Добавьте выразительных средств,
Оставьте этот жалобный тон,
Довольно бить в пластмассовый рельс,
садитесь есть какой-нибудь торт,

Считайте от двухсот до пяти,
не убивайте мать и отца,
В конце концов, найдите мотив
для продолженья или конца!

Запрокинем головы

И увидим птиц.
Глупые и голые,
Даже без ресниц,

Злые и веселые,
Губы в табаке -
Мы пройдем по лезвию,
Словно по реке.

Мы сохрем прохожему,
Мы убьем жука.
Мы - неосторожные,
Потому что - как

Спрятаться от коршуна,
Кожу поменять
И заснуть в горошине
Пепла и огня?

Засосали социальные сети,
Закосили под своих чужаки.
Это лучшее занятие на свете –
Мирозданье разрывать на куски.
Запиликала соседская скрипка,
Замурлыкала соседская дрель.
Не пугайтесь, это только улыбка,
Самый ласковый и нежный зверь.

Здравствуй, прощай или что-то еще.
Впрочем, другого не существует.
Ты говоришь, что время пошло.
Время - прошло, это кто-то блефует.

Мерзнет на небе комета хвостатая.
Девушки ходят гордо, как статуи.

Дятел сосну ковыряет в лесу –
Хрупкий ударник, смешной одиночка.
Тайную радость несусь на весу,
Горькую, как тополиная почка.

- Мерзнет ли Бог? - ребенок спросил.
Но отвечать уже не было сил.

Я опишу сто оттенков тоски,
Я перейду на легчайшую прозу.
Смелые вымыслы будут тонки,
Будут отточены смелые позы.

Мерзнут ладони, глаза не горят.
Дети растут, кометы летят.

* * *

Здравствуй, северный полюс

Биполярного синдрома!

Мне везде хорошо

И нигде не дома.

Нет уже иллюзии,

Что нужна кому-то

На последней станции

Крутого маршрута.

Здравствуй, Че! Мне сейчас хорошо.

Революция победила.

Притворяется жизнью стишок,

Притворяются кровью чернила.

Или родина, или смерть,

Или с наглостью арестанта

На тебя, не мигая, смотреть,

Мой любимый, мой команданте.

Зелёная кровь уходящего лета

Густеет, желтеет, течёт, утекает.

Ты выстрелишь в облако из пистолета,

Дурная, недобрая, да, вот такая.

Нелепые мысли, ненужные книжки,

Прогулки, промашки, волшебные встречи.

Ты станешь отважной, беспечной малышкой,

Не частью - так, может быть, частностью речи.

Зима

Ольге Яковлевой

Мы не забыли тёплые дома.
Звучал Вивальди — кажется, «Зима» —
Поджаривались хлебные кусочки,
Душа не замечала оболочки,
В глинтвейне плавали головки мака.
Мы были все с истфака и филфака,
А если медик дикий забредал,
То он гармонии не нарушал.

Действительно, всегда была зима,
Поскольку сразу бешено теплело,
И кто-то пел, и ты со всеми пела,
И золотились книжные тома,
А баловень Москвы и Амстердама,
Картавый фаворит романских муз,
Эстетствующий, ласковый, как мама,
Читал свои стихи француз.

Немного ведьма, юная хозяйка
Заваривала якобы чаёк,
И девочка, соседская, козявка,
Училась у неё.
Кармен-сюита, люмпен-сигарета,
Ку-ку-богема, караван-сарай,
Вивальди рыжий написал про это,
Молчи-молчи, не смей, не повторяй.

Потом у всех детишки народились,
Женился тот, кто не сошел с ума,
И оглянулись мы, и прослезились,
И всё прошло, и кончилась зима.

ЗИМОЙ

Зимой цветы не каждый день поливают,
Не каждый день соловьи поют баркаролы.
Люблю, когда лелеют, а не убивают,
Чудесно, когда тебя встречают из школы.

Безумный мир становится tabularaza.
Безумный мозг, как печворк, пестрит клочками.
Мы видим то, что не фиксирует НАСА –
За это нас профаны зовут дурачками.

Зима у нас – а значит, хоть где-нибудь лето.
Мессия был – а значит, есть Галилея.
Иди на свет, раз выбрал сторону света,
И, знаешь что, убей меня, не лелея.

Знаешь, город совсем опустел.

Все пирожные зачерствеют.
Ощущений моих беспредел
Бьёт, как током, как музыкой, греет.

В жилах пламя и пар изо рта.
Дождь смывает остатки коросты.
И стою под водой без зонта,
Как земля. Как подросток.

ЗОЛУШКА

Отделю тёмную фасоль от светлой,
Намелю кофе до Рождества.
Не хочу на бал, и крёстной уже нету,
И сама, честно, едва жива.

Ну, давай, горло, припомни песню
И, вдохнув гелия, хохочи!
Ну, давай, сердце, хотя бы бейся,

Остальные опции отключив!

И в конце нелепого романа

Ставить многоточие смешно.
Видишь ли, я так непостоянна,
Что роман не значит ничего.
Перетерлись тонкие желанья,
Перегрелись головы - Good bay!
Что-то там с системой зажиганья
И вообще, еще не месяц май.

И в этих скудных декорациях,

Среди загаженных снегов,
Цветут роскошные акации
И для друзей, и для врагов.
И в этой жалобной провинции,
Где даже дети не смешны,
Идут по улицам провидцы
Благоухающей весны.

И если ты – всегда со мной,

То верно и наоборот.
Мы – вместе, как листва с корой,
Пока листва не опадёт.

Любовь права, пока жива,
Любовь бессмертна у поэта.
И если это я – листва –
Спасибо дереву за лето!

И пальцем в сердце ковыряет

Ночная музыка, зараза.

И никого не повторяет

Дезоксирибонуклеаза.

Don't play your rock-n-roll to me!

Я руки от тебя отмою

Всё, что придумано людьми,

Нас не касается с тобою.

И тот, кто очаровывал когда-то,

Поблек и выцвел, как на старой плёнке, -

А ты всё ходишь с фотоаппаратом,

Взирая на пейзажи и коленки,

А ты всё ищешь дивные картины,

Хот-доги по дороге поедая,

Земную жизнь пройдя до половины,

До неприличья молодая.

* * *

Имя розы

Не забудь записать эротические SMS

На какой-нибудь мелкий носитель внутри головы,

Запароль, никому не показывай, не говори!

Все читатели текстов окажутся завтра мертвы.

ИТАЛЬЯНСКОЕ КИНО

На местах для поцелуев

Мы не будем целоваться.

До-ре-ми-фа-соль-ля-си? -

До-ре-ми-фа-соль-ля-да!

Это шоу - не для нервных,
А для тех, кому за двадцать.

До-ре-ми-фа-соль-ля-си,
До-ре-ми-фа-соль-ля=да!

Я смотрю в твои глаза
Цвета ягод незрелых.

До-ре-ми-фа-соль-ля-си,
Обожаю навсегда!

Приходи ко мне в четверг,
День отчаянных и смелых!

Иже еси на небеси,
До-ре-ми-фа-соль-ля-си!

* * *

Как в повторяющемся сне,
Назойливом и страшном,
На угольях — на простыне —
На опыте сестренки старшей —
Вертись, подскакивай, кричи,
Пытаясь разодрать ресницы!
Зеркальный мир — кровоточит,
А кажется, что только снится.

* * *

Как полк, раскачавший мост над ледяной рекой,
Мы ходим от птиц до звёзд, раскачиваем покой.
Как маленький детский сад, как пленник и конвоир —
Куда глаза глядят, куда наклонился мир.

Как хорошо по свету странствовать,
Немного денег подзаяв!
Шофёры городского транспорта

Оглядывались на меня.

И кровь натягивалась в шелесте,
И солнце било по щеке.
Все счастливы, все сумасшедшие,
Как голуби на чердаке...

Как черный грач, ворочается ночь,
Фонарь обогревает угол дома.
От копоти - знакомая оскома.
Куда иду - не знаю, знаю: прочь.

Звезда лучи ломает в проводах,
И лунный свет размазывает лица.
И детское желанье: поселиться
Подальше, в тридевятых городах.

* * *

Как я рада, что ты весёлый,
Словно тени меж нами нет!
Помню это со средней школы:
Просто — дружба на триста лет,
Просто — жизнью о жизнь, как спичкой,
Чиркнул бес, улыбнувшись нам,
Просто — нежность, просто — привычка,
Как ладонью по волосам.

* * *

Капля разлетелась в пыль,
Небо расступилось.
Скрежетнул автомобиль,
Что-нибудь случилось.

Мы читаем по следам:
Заяц и собаки.
Знаешь, слово "никогда" -
Вымысел и враки.

Кассиопея,
Кассиус Клей.
Можно тупее,
Можно мудрей.

Можно красиво,
Можно никак.
Если я буква,
то мягкий знак.

Делаю только
Что захочу:
Может, исчезну,
Может, смягчу.

Соединим наши шрамы,
вырастим наши цветы.
Не добрести до ашрама,
Не доползти до воды.

Если чуть-чуть постараться,
Можно увидеть в воде
всех не успевших добраться,
всех, кто остался нигде.

Кеды - вдрызг, но душа - вразлёт,
Развернулась, зараза, как степь.
Если это чувство пройдёт,
Значит, я - не из тех.

Я пройду миллионы миль
В направленье небесных тел.
Если шторм превратится в штиль,
Значит, ты - не из тех.

Преступление? Западня?
Чёрный текст на белом листе?
Если бросите камень в меня,
Значит, вы - не из тех.

Не завянет горячий цветок,
Роза жёлтая в декольте.
Если это сделал не Бог,
Значит, Бог - не из тех.

Кинематограф

Почему-то не хочется надписи fin,
Сериал не имеет конца.
Шевелись, обленившийся эндорфин
И подростка, и подлеца!

Отцвело одуванчиковое вино,
Но у жимолости урожай.
Мы победно доснимем наше кино -
И, пожалуйста, не возражай!

Назовём "Сумасшедшие" или "Лицей",
И, какой бы ты ни был злодей,
Ты вернёшься, участник любовных сцен,

В самый лучший съёмочный день!

Кино

Двубортный пиджак, борсалино,
широкие брюки с манжетом,
Брутальная морда Машкова,
одесского сленга чеснок.
Мне нравится этот мужчина,
зеленое буйное лето,
Морская соленая пена, сахарный мокрый песок.

Гудит коммунальная кухня,
бульвар шелестит крепдешинном,
Шпион покупает пирожных
в кондитерской на углу.
Все барышни безупречны
на снимках отретушированных.
Тетка торгует семечками. Муха ползет по стеклу.

Мадам, не чешите мне нервы!
Петь и смеяться, как дети,
Меня на Библию Бебеля, Бабея – ни на кого.
Сегодня одесские перлы
проще найти в Интернете,
Но лучшие в мире картинки –
только во сне и в кино.

Невымышленные сюжеты,
нездешние сигареты,
Мерцание киноплёнки,
коричневой под старину.
Любите кино, стихоплеты!
Любите его, как поэты,
Ведь так увлекательно это –
страну разглядеть в глубину.

КИНО

Бог любит тебя.

Что жизнь? Pulp fiction, собрание глав,
Не круто и не эксклюзивно.
- Годар тебя любит! - сказал Вячеслав. -
Надеюсь, что это взаимно.

Киноклуб

Вячеславу Корневу

Это зимнее время, детка.
Это привкус простуды в теле.
К банкомату примёрзла кредитка -
Что за фокусы, в самом деле?

Ты скользишь по октябрьской гнили
В чёрно-белом фильме Брессона.
Крошку Жанну давно убили,
Так привычно и монотонно.

Замороженное - моложе.
Это зимнее время, детка.
И выискивать смыслы - то же,
Что под снегом искать монетку.

КИТАЙСКИЙ ФОНАРИК

Кончилась смерть, начинаются встречи.
Люди из прошлого – не напрягают.
Время – лечит

Даже от жизни, моя дорогая.

Кончилось всё, и всё начинается.
Празднично красный фонарик качается.

Когда закончатся слова,
Придет опять черед Виана.
Когда утихнет голова,
Я выпью кофе из-под крана.

Когда наступит новый год -
Затмение, вымысел, киношка, -
Пойдут часы наоборот,
И затвердеют все обложки.

* * *

Когда мы обучались в средней школе,
Всё было восхитительно легко.

Прогноз погоды радовал до боли,
Любой прохожий был хорош лицом.

Здоровы были лёгкие и печень,
И каждый поступал, как он хотел.
Уроки отвлекали, но не очень,
От книг, любви и прочих важных дел.

Нам разрешалось скучные конспекты
В мороженице утренней читать,
Кричал петух на Ленинском проспекте,
И дважды два всегда бывало пять.

Рубля на развлечения хватало,
По лужам можно было босиком.
И «двадцать лет» звучало словно «старость»,
А что там завтра – и не знал никто.

Когда мы обучались в средней школе...
Ах, нет прекрасней социальной роли!

Когда полынью пахнет день,
Полынью жгут воспоминанья,
И распускается мигрень
Цветком латинского названья,
Когда твоя любовь скучна
Для окружающих созданий,
Январь, как ранняя весна,
Пьянит и требует рыданий,
Когда семнадцатым числом
Помечен день невинной пьянки
И сердце бьется мотыльком
Внутри эфирной склянки –
Пойми, что музыка слышна
В любой тоске, в любой полыни.
И расправляется душа,
Неуязвимая отныне.

* * *

Когда слово становится салом
И дымит алкоголь над бокалом,
И от страха железо во рту
И октябрь начинается войну,

Когда плоть равнодушнее платья
И забыты движенья объятья,
Когда кофе не пахнет ничем
И душа разучилась мечте -

Выходи, выходи из квартиры
В пустоту ледяного эфира,
Листопадов, дождей, сквозняков,
В одиночество без дураков.

Когда уйдёшь в далёкие леса,
Где отцвели цветы, уснули звери,
Когда забудешь напрочь словеса,
Которым обучали в универе,
Когда увидишь небо и траву,
Немного приглушённые туманом,
Ты наконец-то выйдешь на тропу,
Ведущую к заливам и вулканам,
И к эльфам на цветах, и к великанам...

Когда, как на фильме военном,
Рыдаешь до боли в груди,
Когда говоришь покаянно:
- Люблю тебя, только уйди!
Когда благодарно глотаешь
Тебе приготовленный яд -
Ты только тогда понимаешь,
Да, только тогда понимаешь...

Когда-нибудь
Возьмём арахисовый латте
И посидим, забыв слова,
Шурша фольгой от шоколадки,
Латая на душе заплатки,
Запястья пряча в рукава.
*

КОЛЛЕКЦИОНЕР

- Я тебя люблю, ты – забавная.
Ты – в моей коллекции. (с)

Гложет руку курцхаар Фрида.

(Обожаю весёлую пасть!)
Я в твоей коллекции фриков
Занимаю центральную часть.

Ничего, ничего, не больно,
Пробивается новый стих.
И, в конце концов, мне довольно
Благородных друзей моих.
Ну, давай, вытягивай жилы,
Подавай молодёжи пример!
Я сама с чертями дружила,
Я сама – коллекционер.

Семь утра. Остановка «Берёзка».
Лица смазаны заподлицо.
Я покроюсь холодным воском –
И уйду к госпоже Тюссо.

Колыбельная

Спят в реанимации,
в реабилитации,
Накануне свадьбы
Или конфирмации.

Спят нейтрон и электрон,
Подчинённый и патрон,
Спит карел в Карелии,
Спит в патроннике патрон.

Кто не спит? Я не сплю.
Кто тупит? Я туплю.
Я не сплю, я туплю,
Не скажу, кого люблю.

Конец лета

Незагоревший палец под кольцом.
Собака ест с ладони эскимо.

И юноша с обиженным лицом –
Не мой герой, а персонаж кино.

Незагорелый пылкий дистрофан,
Участник сексуальных эскапад.
Кусочек жизни делим пополам,
Встречаясь наугад и невпопад.

Мы лета уходящего ломоть
Кусаем и глотаем, не жуя.
Кусочек сердца – нет, не отколоть,
И не пытайся, деточка моя!

Константину Гришину

В душистом воздухе предместий,
Где лопухи и лебеда,
Последних отзвуки известий
Рассеиваются без труда.

Наверх засмотришься с зарёю:
Звезда, и плюс ещё звезда.
Вот их соединить прямою –
Так приведёт она куда?

Сидишь на маленькой террасе
И медитируешь на Обь.
Теряйся, деточка, теряйся,
В предместьях раствориться чтоб!

Осе по морде наглой врежешь,
Сорвёшь мускатный виноград...
А запахи-то – те же, те же,
Что триста лет тому назад.

Кончался декабрь. Последние торты пеклись,
Последние Деда Морозы на вызов неслись,

Последние дворники снег убирали последний,
И мокрые шапки, как звери, лежали в передней.

Кончался декабрь. Психиатр на дежурстве дремал,
И легкой метелью припугивала зима,
И легкая неврастения плела паутину:
Я здесь, мои милые, я вас вовек не покину.

Кончался декабрь. На елку навесив шаров,
Мы думали, что защищен и украшен наш кров
Духом лесным, духом святым,
Запахом детства, дождём золотым.

* * *

Косяки ночных акул -

Плотоядные такси.
Это только Бар на ул.,
Прочерк в сводках ВВС.

Это тёплый полумрак,
Нежный привкус *c'est la vie*.
Знаешь, я не помню, как
Объясняются в любви.

До утра закрыт музей.
Сигареток огоньки.
Припозднилась у друзей -
И кусаю локотки.

Я беру свободный курс,
Словно нищий на пиру.
Знаешь, я забыла вкус
Поцелуев на ветру.

Мальчик у стены журчит,
Извиняется, хмельной.

...Словно ангел, подлетит
Мой ночной 48-й.

Кот на даче становится мягким, разнеженным,
Каждый день, бродяга, приносит мышей.
Я тебя всё ещё люблю, конечно,
Хоть давно пора бы погнать взашей.

Дамы в этом сезоне носят платья,
Бирюзовые и лиловые, серые, в пол.
Я избавлюсь от этой любви, как от заклятья,
Буду Путина обсуждать и смотреть футбол.

Красота, осколок мрака,
Маска смерти, зеркала.

Эта женщина, однако,

До любви не дожила.

Повернулась невесомо —

Это полуоборот —

Невеселый, невеселый,

Невеселый рот.

И о чем-то пела флейта

Над кладбищенской землей,

И змеи цветная лента,

Непонятная зимой,

Проплывала, проплывала —

А никто и не глядел, —

Только маленький ребёнок
В дудку тёплую дудел.

* * *

Кривляка, эстет, читатель
Переводных томов,
Любовник, приятель, предатель,
Герой моих девичьих снов!
Коллекцию вот такую
Я бы хотела в глуши:
Наши с тобой поцелуй,
Как бабочек, засушить.

*

Кто — на Росинанте,
Кто — на Ренессансе...
Я — на Рафинаде,
Я — на Экзистансе.

Мне легко, как «здрасьте»,
Счастье сентября.
Здрасьте, счастье,
Родина моя!

Лёгкость!
Люблю твою поступь неслышную,
Голос твой молодой.
Снова весёлая, снова нелишняя,
Как ветерок над водой.
Снова мои небеса улыбаются,
Бога почти что видать.

Зря мои бедные бесы стараются,
Душу не дам отобрать.
Я отвернусь от заученной пропасти,
Вспомню другие слова.
Воздух! Полные лёгкие лёгкости,
И в облаках голова.

Лене Харитоновой

Маралы выходят чуть-чуть поглядеть на людей,
Непуганые траурницы садятся на плечо.
Пьяные старушки шарахаются от фотоаппарата,
Улыбчивые немцы наливают водки, чуть-чуть.
Запомни оптимистичное имя старого жеребца:
Чих-Пых,
Отломи себе кусочек пещеры в память о
собственной отваге,
Напиши по воде чьё-то имя отброшенным
хвостом ящерицы,
Забудь все имена под ночной шум реки за
стеной.
Муравьи переползают нас, как травинки, шмели
— обнюхивают, как мёд,
Люди приветливо здороваются, чтобы уйти, не
оглянувшись.
Наши животы золотятся, на руке всё ярче след
от часов.
Всё-таки мы стали ближе к Солнцу и к
Млечному Пути, и к муравьям, и друг к другу.
И все ромашки здесь — счастливые.

Ленивым голосом скажи

Немножечко приятной лжи:
Как я была неотразима,
Как ночью шебуршат ежи,
Как надо курицу готовить,
Какие фильмы - бэст оф ол,
Что называется любовью,

И кто коктейли изобрёл.

Летим по огонькам.

С остановками на пустыки, С пересадками на пустыки. Летим по пустыкам.
Превращаемся в огоньки.

лето-2

Нагреваются скамейки, Греются мозги.
Нагреваются бассейны К визгу мелюзги.

Греет матушка-природа С самого утра
Много всякого народа, всякого добра.

Греют ноги трясогузки, Ёж и муравей.
Загорит любое тело С пяток до бровей.

Листопад

Отмоешь остатки загара,
В сентябрь окунаясь лицом,
Но выйти живым из пожара
Тебе не поможет никто.

Отбросишь остатки печали,
Как детской игрушки пустяк,
Но вновь оказаться в начале
Уже невозможно никак.

Забудь отголосок скрипичный
И арфы богряный поток!
Всё станет сухим и привычным,
Как этот последний листок.

Ваши ноги обтянуты туго,
Ваши ноги манят, как пиво.
Называют Вас “старым другом”,
Если спросит жена ревниво.
Вы меня обожали, принцесса,
И загадочно не прогоняли.
Ледяным возвращался из леса
И оттаивал в Вашем зале.
Я хочу быть маленькой птичкой,
Пусть Ваш кот меня загрызёт.
Пенелопа, жена-истеричка,
Паутину свою плетёт.
Запах губ, сигаретно-сладкий,
И любимых духов “Дали”.
Топ-модель, снегурка, загадка,
Нас не люди – нас звёды свели.
Ваши очи круглы, как алмазы,
Ваша нежная грудь высока.
О принцесса, я жду приказа,
Из-за Вас я сбежал из полка.
Прогоняйте, не принимайте,
Променяйте на десять других!
Только ноги не закрывайте
И ресницы не отмывайте,
Изменяйте, но – не исчезайте! –
Кафка, Ваш насекомый жених.

Лицо увянет, постареет,
И речь утратит красоту —
Но главное стихотворенье
Я перед смертью обрету.
Какие ветры мне вещали,
Смычками раздирая грудь!
Все, что подарено вначале,
Душа обязана вернуть.
Какие люди приходили
В мой дом, к неяркому огню!
Я зарифмую их мотивы,
Я их сердца соединю.

Какой любовью сердце ныло,
Забыв о жизни остальной!
Я зарифмую это имя,
Оно останется со мной.
Нельзя уйти без повторенья,
Не бросив тени на свету, —
И главное стихотворенье
Я перед смертью обрету.

Лю
Лю
Лю
Блю
Блюю
Небо - blue
Наклю-
Каться
Чтоб клю-
Нуть на лю-
Бую приманку
Плюю
На червячка
Вылезавшего из моей глазницы

Любить - не любить,
Убить - не убить,

Глагольную рифму нельзя победить.

Забыть - не забыть,
Отрезать кусок
Предмета, воткнувшегося в висок.

Читать - не читать,
Писать - не писать,
Бессмертную душу не надо спасать.

Дышать - не дышать,
Летать - не летать.
Закрой глаза. И считай до ста.

* * *

Любить - так просто. Главное - совпасть.
Любить - так просто. Главное - любить.
Любить - так просто. Главное - украсть
Немного препаратов у судьбы.

* * *

Люблю тебя, амнезия,
Прекраснейшая из дам!
Сокровища хоть какие
Я за тебя отдам.
Ветер, срывающий волосы,
Выветрит всё в голове.
Жить – не больно, не больно.
Жить – это завтрак на траве.

Люблю тюльпаны —
за то, что губы в крови,

Люблю тюльпаны —
за память прошлой любви,
За то, что шея тонка,
Что пьётся по полглотка,
За желто-чёрную глубину,
За слабый жест: приголубь!

Люблю тюльпаны —
за то, что упруго-нежны,
Люблю тюльпаны —
за то, что не для жены,
За то, что в ладонь беру,
За то, что умрут к утру,
За то, что по нашим рукам,
Как ток, проходил — тюльпан.

Тюльпаны в больнице —
как дети в борделе,
Попытка души в обессиленном теле,
И ангел влетает, сырой от капли,
И мама, и Ганс Христиан у постели.

* * *

ЛЮБОВАНИЕ СОБОЙ

Моя посадка головы
Давно эстетов восхищает.
И надо покурить травы,

Пока Андрюха угощает.

Лети, лети, холодный дождь,
Воображаемый пока что!
И снова ты живёшь и жжёшь,
Богиня, девочка, Наташка.

Любовники уходят по утрам -

И это, в общем, правильно и мудро.
Любовники - уходят, стыд и срам!
Да, Винни Пух, на то оно и утро.

Не надо, Боже, вечных величин,
Вот только душу сохрани живую.
Я проживу без маленьких мужчин -
Тем более, других не существует.

Любовь и смерть, король и шут.

у нас всего одна минута.
Как будто дали парашют
тем, кто летел без парашюта.

Шепнули на ухо: «Рискни!»
Забрали спирт и хлеб, и воду.
Мы режем небо на куски
И вылетаем на свободу.

Есть мысли в полной пустоте.
Есть жизнь одна, и есть вторая.
А кто-то курит в темноте,
И сигарета догорает.

Любовь притихла, как мышонок под метлой.

И повторять её как будто запаadlo.

Зачем входить два раза в уксус, в кислоту?

Оставь мечтой свою безумную мечту.

Однажды вечером начнётся первый снег.

Однажды вечером раздастся твой звонок.

И вечер добрый, и хороший человек,

И спит мышонок, и присматривает Бог.

Люди живут аккуратно и правильно,

Моют окна, не шляются в драных кедах по бульварам,

Варят борщи, выпивают только по праздникам,

Становятся мудрыми, но глупыми, скучными и старыми.

Я пустяки рифмую пальцами по воде,

Носом по воздуху, вилами по сенокосу.

Скажи мне, Нострадамус, когда и где

Можно будет закрыть глаза и не отвечать на вопросы?

Люди наивно верят в тепло,

Утром из дома выходят в трусах.

Если добро побеждает зло -

Значит, я - лётчица в небесах.

Вот и июнь подходит к концу.

Холодно так, что в мурашках спина.

Но подлецу - ему всё к лицу,

Даже холодная эта страна.

Мадам, не чешите мне нервы!

Петь и смеяться, как дети,
Меня на Библию Бебеля,
Бабеля - ни на кого.
Сегодня одесские перлы
проще найти в Интернете,
Но лучшие в мире картинки –
только во сне и в кино.

Невымышленные сюжеты,
нездешние сигареты,
Мерцание киноплёнки,
коричневой под старину.
Любите кино, стихоплёты!
Любите его, как поэты,
Ведь так увлекательно это –
страну разглядеть в глубину.

Маленькая жизнь уже проходит.
С нами ничего не происходит.
Только поскользнусь на гололёде,
Глядь: опять жива и на свободе.

Маленькая смерть уже подходит.
Мне она решительно подходит-
Маленькая, чёрная, смешная,
Словно обезьянка заводная.

МАНТРА

Кто не любил - тот не разлюбит.
Солдат ребёнка не обидит.
Меня любовник не забудет.
Других любовник не увидит.

Ты - мой, везде и постоянно.
Дороги все ведут до Рима.
Я магнетически желанна,
Магически неотразима.

Марине Брискиной

Блуждая по вечерним городам,
Рассмотришь даже то, чего не видно,
Забудешь, что бедна и голодна,
Что влюблена безжалостно-постыдно,
Что истончилась радостная жизнь,
Как лепесток цветка в старинной книге,
Что будет прежним - жди или не жди -
Рассвет декабрьский, пасмурный и дикий,
Что музыка терзает, как паук, ,,
Что нет от чуждых запахов спасенья,
Что в понедельник исчезает вдруг
Все то, о чем мечтала в воскресенье,
Что свет горит лишь для того, кто зряч,
Что теплота - не физика, но тайна,
Что разница удач и неудач
На слог «да» бледнеет моментально...
Как этот город ласково горяч! ;
Как эта темнота сентиментальна!

Марине Панфиловой

Утешься, ты не нужен никому.
Сойди в свою душистую тюрьму
Из лепестков шиповника и мяты.
Когда растает твой последний вздох
На рубеже медлительных эпох,
Никто не спросит: «Где же ты? Куда ты?»

О кофе сладостный, и ты, миндаль сухой!
Забиты мысли всякой чепухой,
Распуган праздник мысленным ОМОНОм.
Марина в Краснодаре ест арбуз,
Прочитаны в трамваях Джойс и Пруст,
Аджика сварена и холодно влюбленным.

О шоколад растаявших Наташ!
Душа сквозит, идя на абордаж
Тоскливых дней и вдохновений куцых.
Что легче - воздух или голова?
Прости, Пелевин, я еще жива,
Шурша по октябрю без революций!

МАСЛЕНИЦА

Помажем блинчик маслицем,
Посыплем сахарком —
Ну вот оно и счастьеце,
Не думай ни о ком.

Противные, зловредные
Мыслишки отлетят,
Поскольку тоже блинчиков
Горячих захотят.

* * *

Мёрзнет на небе комета
хвостатая. Девушки ходят
гордо, как статуи.

Дятел сосну ковыряет в
лесу – Хрупкий ударник,
смешной одиночка.
Тайную радость несусь на
весу, Горькую, как

тополиная почка.

– Мёрзнет ли Бог? –
ребёнок спросил. Но
отвечать уже не было сил.

Мише и Лизе Гундариным

Твоя жена измучена, как флейта.
Весна не может превратиться в лето.
Любовь вообще не может ничего.
Как говорит бедняга Альмодовар,
Предельный стиль - вульгарен, словно доллар.
Спи, флейта, Белоснежка, божество.
Ум истощился в прозе повторений.
Лет пять не вздрагиваем от прозрений,
Лет десять как не носим красный цвет.
Где наши шарфы, наши эпатажи?
С кефирчиком садимся в экипажи
И вместо "sure" отвечаем "нет!"

Мне в город, где Андрон кричит: «Привет!» –
И скалится так панковски красиво,
Где каждый озабочен: сигарет
Стрельнуть, достать деньжат, одежду, ксиву,

Мне в город, где художник с бородой
Желает прокатиться автостопом
До Южного, до кабака с едой,
А то и по Австралиям-Европам,

Мне в город, где под хиппи Клим косит
(Хотя у хиппи не водилось денег),
Где до сих пор не обнаружен СПИД
(А впрочем – хиппи, ежели бездельник),

Мне в город, где поэты свечи жгут,

Насилуют гитары (Саша Чёрный),
Где служат, или ходят в институт,
Или видюшник смотрят увлечённо,

Мне в город, где у каждого – дела,
Аквариумы, акварель, интрижки,
Жена ушла, невеста родила,
Коты и мышки, книжки и сберкнижки,

Мне в этот город, где декабрь плюёт,
Как мартовский апрель, слюной и грязью, –
Закрит, заказан, неизвестен вход.
И только выход ясен. Выход – ясен.

Мне нравятся вечерние бульвары,
Тугие толпы маленьких людей,
Дожди, не потушившие пожары
Простых эмоций и смешных идей,
Резной листок, упавший навзничь с дуба,
Кровавый росчерк после комара,
Живот и плечи, волосы и губы,
И прочая волшебная мура.

Мне нравятся эти дети,
Рифмующие, как черти, -
Локальные взрывы гормонов
На третьей от Солнца планете.
Фауна - разнообразна.
Юность - заразна.

Мне одинаково приятно

Смотреть на солнечные пятна,
Рисунок облаков невнятный
И первый осторожный снег.
Как золотая сигарета,
Сгорело праздничное лето.
Дочь вечерами учит Фета,
Мечтая совершить побег
Туда, где Фетом не пытаются,
Тепло, и бабочки летают.

Мой муж красив, и это очевидно,

Все шизофреники об этом говорят,
И на него в троллейбусах, трамваях
Все девушки внимательно глядят.

Мой муж красив, он так похож на дочку,
Он «Тополя» божественно поёт.
Душа не выбирает оболочку,
Но, безусловно, делает её.

Весна

Мой рассудок невинен и чист,

Как Траволта, танцующий твист.
Есть еще лет пятнадцать в запасе
У меня — и на бридж, и на вист.

Ощущается жизненный сок,
Поглощается пиццы кусок,

Но предчувствие близкой прохлады
Успокаивает висок.

Тонко-тонко закручен сюжет —
Полусвет, полутьма, полубред.
Усмехаются персонажи,
Потому что концепции нет.

Я не помню, какая строка
Не дописана наверняка.
Я и в картах не смыслю нимало,
Даже если игра — в дурака.

МОРОЗ

У всех прохожих щёки ноют,
Звенят стеклянные коленки.
У воробья замерзли ноги,
Он греет их попеременке.

Снега свежают ежедневно,
Без передышки выпадая.
Любая женщина – царевна,
Румяная и молодая.

И городской пейзаж прекрасен
Возле бессонного вокзала.
И Новый год – любимый праздник,
Всё тждобещающий сначала.

Морочат бесы, строят козни:

то приходи, то уходи.
Звенит, как слёзы на морозе,
Обида глупая в груди.

Разбились златом самоварным

Крутые яйца Фаберже.
Своим синдромом биполярным
ты задолбала всех уже.

Мы — дети страшных лет России,
Нам прятаться не запахло
в приют большой психиатрии
И наркологии тепло.

вот прилетели свиристели,
вот снегом замело погост.
Пускай выходит из метели
Любой великолепный монстр.

Будь не дерзка, всему подвластна —
Но посмотри в его глаза
высокомерно и прекрасно,
Словно сибирская зима.

Мы были совами в древесной глубине.

Теперь мы стали совами вдвойне.
И если не погибли на войне —
наверное, проснулись не вполне.
Я знаю человеческие сны
в похмелье подступающей весны,
Где символы мучительно ясны,
как две навеки сросшихся сосны.
Ариведерчи, Фрейд, и Юнг, и Фромм!
Забавно повстречать себя в другом.
Такое в небе пишется пером,
а мы возьмём — и вслух произнесём.
Два голоса, и лиственное “ах!”,
и привкус никотина на губах.
Какие ведьмы водятся в лесах!
Но мы — лишь совы в чьих-то волосах.
Два существа, немножечко зимы
и сотни глаз невидимой тюрьмы.
Прости, я знаю, не бывает “мы”,
а только — небеса, леса, холмы.
Мы были глиной, воздухом, водой.

Мы хищниками были и едой.
Мы будем сосняком и лебедой —
и станет меньше хоть одной тюрьмой.

* * *

Мы войдём в одну воду два раза,
Но не выйдем уже никогда.
Смерть — единственная зараза,
Жизнь — единственная беда.

Мы войдём в помутневшую реку,
И заметит старик с бородой:
— Человеком лечить человека —
Невозможно, как воду — водой.

Мы врываемся в морозный воздух
Узкими фрагментами тепла.
Поздно, путь не разглядеть по звёздам,
Не понять, куда судьба вела.
Мы звеним стеклянными ногами
В темноте, на ледяном ветру.
"Не умрёшь!" - скажи мне, убегая.
Я тебе отвечу: "Не умру!"

* * *

Мы встречаемся в странных местах,
Под дождём, возле дедушки Ленина.
Все свидания - там, сто из ста,
Все мужчины и все поколения.
Там в часы, когда площадь пуста,
Ходят-бродят мои привидения.

Мы выросли в хрущёвской тесноте,
В стандартных сотах с люстрами смешными.
Приучены от книги фанатеть,
Читать, читать, читать, как заводные,

Мы от китайцев бегали во сне,
Играли в ГДРовские куклы
И, если в доме отключали свет,
Травили байки при свечах на кухне.

Мы были позади планеты всей,
На шее, как кулон, ключи носили,
Любили грызть в брикетиках кисель,
Как итальянцы, ездили в "Россию".

Всем классом зажигали в "казаки-
Разбойники", сольфеджио учили,
Записочки писали от руки,
Сочувствовали Бангладеш и Чили.

И, словно одуванчики в венке,
Не тосковали мы без Интернета:
Хоть и была граница на замке,
Но бесконечной виделась планета.

Мы ещё с тобою встанем в позу.
(Лучше - ляжем.) Я скажу: Налей
Гомеопатическую дозу
Беспощадной нежности твоей!

Мы зависаем в «Лпшбр»е,
Зачатые не без греха.
Поговорим о Че Геваре,
О том, что рифма — чепуха,
О муравьиных феромонах,
О нежной прелести врагов,

О том, что сердцу нет законов,
О том, что мир — всегда таков,
И драгоценная корона
Венчает сумерки богов.

ЛПШБР - Бар в Новосибирске

Мы идем сквозь грязные базары,
Где торгуют пеплом и золой.
Времени, растраченного даром,
Хватит на прощание с тобой.

Мы идем, в печали по колено,
Мимолетных полные утрат.
И молчанье так же откровенно,
Как беседы десять лет назад.

Мы курим, мы целуемся, мы сошли с ума.
Какая-то убийственно холодная зима.
Играй, играй, рассказывай, тальяночка, сама
О том, что черви - козыри, Сибирь - тюрьма.

Мы не поедem в Занзибар,
Оставим глупые мечтанья.
Под заунывный скрип гитар
Мы выпадem из мирозданья.

Из чёрно-белых кинолент —
В свои цветные сновиденья,
Из дыма бийских сигарет —
В почти любовь и наслажденье.

Когда тревога не даёт
Взглянуть на мир и рассмеяться,

То только полный идиот
Не в состоянии догадаться:

Всё относительно, как грипп,
И Занзибар – не за горами.
Кто полюбил, тот не погиб.
А что ещё случится с нами?

Мы обогнали 57-й

На нашем скоростном 60-м.
Какое упоенье, Боже мой!
Но я б хотела жить в 60-м:
На старой "Волге" ездить по Москве,
Петь у костра, в Таганку пробиваться...
"Петь у костра" - вычёркивайте: вне
Моих пристрастий эти декорации.

Мы посмотрели "Ромовый дневник",

Мы съели плов, приправленный зирой.
Суббота перед Пасхой, мини-КЛИК.
Душа покрыта толстой кожурой.
Но эта жизнь даётся без труда,
Течёт, течёт, как сладкая вода.
Какие сожаленья, господа?
Какие просветленья, господа?

Мы связаны тысячей разных людей,

Ловцы сновидений, потомки дождей,
Фанатики солнца, фантики горьких конфет.
И видно по каждому: счастья, как не было, нет.

И лишь улыбки мимолётный штрих
Тебя отъединит от всех иных.

Мы терзаем жизнь, она – нас.

Ходим на поминки и в гости.

Крестнице несус ананас

За павлиний хвостик.

Пианино – здесь и сейчас.

Ходит кот по клавиатуре.

Это мы читали не раз

В комиксах и литературе.

Шумная большая семья.

Глюк, немного нот из "Орфея".

Крёстная не очень-то я:

Не миллионерша, не фея.

Есть у сердца много лучей.

Мы – поливалентны и юны.

Есть у Ани виолончель,

Самый эротичный из струнных.

Перегружен мозг суетой.

Всё, я убегаю! И снова

Быстро выйду в город, пустой

По причине дня выходного.

Мышиный горошек неведом мышам,

Мышиный горошек придумали люди.

Я - в Pistols"е. Бьёт рок-н-ролл по ушам.

Молочный коктейль как метафора блюда.

Отсутствие тех, кого хочешь обнять,

О зубы звериные клацнув зубами.

Присутствие тех, кого просто понять,

Какими бы ни говорили словами.

Отсутствие смысла, любви и дождя.

Присутствуй - и свет погаси, уходя.

* * *

НА БЕГАХ

Ярко-желтый атласный камзол,
Ярко-белая жесткая каска.
Высекает из пыли узор
Лошадиная тонкая пляска.
Под копытом не слышно земли,
И безмолвно закинута шея.
И усталые тени легли
На глаза молодого жокея.

На игрушечном паровозе

Никуда не уехать нам.
День, как девственница, нервозен
И не делится пополам.

В непрочитанные романы
Мы опять уходим пешком -
Вечно пьяны, непостоянны,
Оттого и идём легко.

Незнакомые птицы воркуют,
Ядовитые травы дрожат -
Вот такую, такую, такую
Жизнь и хочется продолжать!

На казённый кошт —

Никому не гожд,
Ни на что не гожд.
Ни войны, ни мира,
Ни дать, ни взять —

Лишь винтовку смазывать —
Зачехлять.

Не поднять войска,
Не пробить мяса,
Не пойти в рукопашную до конца.
Так живи себе
в холе и тепле —
И с почётом ляжешь в родной земле.

На палец, обожжённый сигаретой,
Надень своё кольцо ручной работы.
Мы обойдём ночные туалеты,
Борясь с постыдным приступом икоты.

Мы выйдем на широкие проспекты,
Метро пренебрегая и трамваем.
И курим, курим наши сигареты,
И обжигаемся, и догораем.

Напишите постскрипtum, Наташа,
Напишите его для меня!
Ваше имя и отчество Ваше,
По большому-то счёту, фигня.

Напишите буквально полстрочки,
Вы - писатель, Вам надо писать.
... Хорошо, зимний день укорочен,
А весной - умереть и не встать!

Нарисовал на сердце пентаграмму
Какой-то ангел сердца моего.
А сердце - не резиновое, мама,
И больше не вмещает ничего.
Ни шагу в сторону, в постель не лягу!

Скрипи, перо, переводи бумагу!

Насекомые ангелы, похожие на стрижей,
Рассекают пространство над нами на мелкие части.
Долетает душа до двенадцатых этажей.
Самолёты чертят два слова: "любовь" и "счастье".

Высоко летают - значит, дождь не грозит.
Ты целуешь меня вверх ногами на тёплой скамейке.
Выпью всё до последней капли я, паразит.
А взамен - забирай мою жизнь, до последней копейки!

Нахально будем пить винцо,
Везде оставим отпечатки.
Твоё волшебное лицо
Впечатано в мою сетчатку.

Давай засахарим судьбу,
Чтоб целый день напропалую –
Рахат-лукум любимых губ
И сладких, сладких поцелуев.

Начинается Зоценко,
И соседка-карга.
Не ходи ко мне в гости,
Если жизнь дорога.

«Шланги не перекручивать!»,
«Двери не закрывать!»
Может, даже прислушивается,
Не скрипит ли кровать...

Не жила в коммуналке я
Никогда, никогда.
Но от тени Булгакова
Не уйти никуда.

А под старыми окнами
Клён красивый подрост.
И мне нравится, нравится
Мой квартирный вопрос.

Наши руки – не из огня,
А из нежности этого дня,
Из дымка твоих папирос,
Из тепла – моего ль? – вот вопрос.

Ходят ангелы между людьми,
Обучая терпению любви.
Этих знаний – не применить,
Только чувство: прохладно жить.

Жарко жить, горячо дышать,
Сладко спать, не жаль умирать,
Ведь на том берегу реки –
Продолжение твоей руки.

Не брильянты, не меха, слава Богу,-
И не то чтобы я слишком горда -
Мне дарили пирожки на дорогу,
Компас, лупу и парфюм иногда,

Книги - лучшую мечту пионерки,
Плюс дракончик и Пегас по рублю,
Покупали сапоги без примерки,
Потому что я сама - не куплю,

И мобилы - я их много разбила -
И уборы для дурной головы,
Фотографии, чтоб я не забыла,
И бюстгальтеры, чтоб помнили вы,

Две пижамы, джинсы, свитер моднющий,
Ежедневники и фен для волос...
Может, просто не представился случай,
Чтоб брильянты подарить довелось?

Пусть не вечностью - но нежностью веет
От мужских подарков, милых душе.
И пальто твоё по-прежнему греет,
Да и лупа пригодилась уже.

Не взрыва́йся, моя голова!

Поторчи ещё, повиси,
Сочиняя слова, слова,
Как положено на Руси.
Отчего этот снег и лёд?
Мая, что ли, не будет, Бог?
Потерпи, и оно придёт -
Лето, тёплое, как плевок.

Не дам тебе книгу любимую,

Сама её буду читать.
И долгими-долгими, зимними-зимними
Ночами молчать и дышать
Страницами, странами, птицами.

Не заиграйся в темноте,

Луна уже кругла,
И тени гибельные те
Скользят из-за угла.

Ты, улыбаясь, побежишь
Автобус догонять,
Чтоб эту маленькую жизнь
Увидеть и обнять.

Замерзнут пальцы на ногах,
И побелеет рот.
В январских звездах и снегах
Любовь тебя найдет.

Начнет по-детски бормотать
И отводить глаза,
Стоять и шарфик поправлять,
И забывать, и за...

* * *

Не заснимешь ангела на пленку,
Не поймаешь музыку в ладонь,
Не увидишь в старике ребенка,
Не отыщешь город под водой.
Но - тебя на музыку поймает
Тот, кто ничего не понимает,
Тот, кто в этом городе живет
И ворота на ночь запирает.

* * *

Не знаю, от чего аминазин, -
Но ненавижу рыбный магазин,
Ведерный кофе, суррогаты слов,
Хамелеонов, кобелей, ослов,
Сибирские морозы, хруст костей,
Ночных, в окно влетающих гостей,
Будильника садистские звонки,
Любви и дружбы мелкие глотки,
Зеленую одежду, беляши,
И бредни о спасении души.

* * *

Не кормите меня трамадолом,
Не склоняйте к развратному сну!
Я иду, подметая подолом
Свою маленькую страну.

Не глядите благоговейно,
Как бездельник на работяг!
Мне довольно глотка глинтвейна,
А потом - покурить невзятяг.

Глядя прямо в глаза, Витюша:
Почему я такая овца?

Почему апельсины из плюша?
Почему из ваты сердца?

Не называй меня по имени
И не буди по пустякам.
Мы – две извилистые линии
Внутри ладони старика.

Переплетаются, скитеются
(Кому-то логика ясна)
И даже как-то называются –
Но я забыла имена.

Все проходит. Пройдет и это,
Как Антильские острова.
Я не знаю, какого цвета
Твои ласковые слова.

Память топчется бестолково
В закоулках ночных миров.
Слишком многое значит слово,
Чтобы выпало на zero.

Слишком сильно и слишком поздно,
Чтобы верить и повторять.
Я люблю тебя. Это серьезно.
То есть – зря.

Не найдя ее след в Интернете,
Он рыдал три минуты навзрыд.
Поэтесса подобна комете,
Ее видит тот, кто не спит.

Не получить мне медаль за труд!
Скорее все сволочи перемрут,
Свистнут все раки с вершины горы,
Дензнаки провалятся в тартарары,
Ольга разучится рисовать,
Крыша - съезжать, гуси - летать.

Не сопротивляйся. Тихонько спи
В постели из цветочных лепестков.
Душа - не собачонка на цепи,
Не речка, вышедшая из берегов.
Не знать, кому она принадлежит -
Подарок милосердных высших сил.
Не говори "я влюблена", скажи
"Спасибо".

Не сопротивляйся. Тихонько спи
В постели из цветочных лепестков.
Душа – не собачонка на цепи,
Не речка, вышедшая из берегов.
Не знать, кому она принадлежит –
Подарок милосердных высших сил.
Не говори «я влюблена», скажи
«Спасибо».

Не увидимся двое суток,
Впервые за столько дней.
А впрочем, - говорит рассудок, -
Бывает и пострашней.

Не дай Бог потеряться во мраке
Обид, разлук и смертей.
Нас любят чужие собаки
И несколько разных детей.

Не хочу, чтоб ты бился и мучился —
Я хочу, чтоб ты просто соскучился.
Словно в школе — за воскресенье.
Словно за день до Воскресенья.

Небо

Немного свинца От Бога Отца.

Немного прохлады Для детского сада.

Немного тревоги От тех, кто в дороге.

Немного надежды Для тех, кто между.

Нежнее плавленого сыра
Твой мягкий и горячий рот.
Дороже всех сокровищ мира

Твой рот, который нежно врёт.

Мне снились ледники Памира,
А наяву - наоборот.
И сердце тикает пунктиром.
И музыка по нервам бьёт.

* * *

Нежность - это от неги,
Это не от любви.
Унесли печенег
Ручки-ножки мои.
Голова улетела.
Не люблю подлеца -
Мне достаточно тела
И лица.

Немного ржавые листья тополя падают с тополя.
Нам далеко ещё, братья по разуму, до некрополя.
А как же листья ясеня? Сами спросите у ясеня.
- Я люблю тебя, радость моя.
- И я себя, и я себя...

Немного ржавые листья тополя падают с тополя.
Нам далеко ещё, братья по разуму, до некрополя.
А как же листья ясеня? Сами спросите у ясеня.
- Я люблю тебя, радость моя.

- И я себя, и я себя...

Ненавижу, когда с внуками сю-сю.

Ненавижу, когда гуси га-га-га.
Разрешите мне уехать на Хонсю,
Самураев пострелять на берегах.

Эти страшные истории в пути —
Чем страшнее, тем не жальче никого.
Разрешите мне тихонечко сойти
С этой тихой электрички в Бодайбо.

Ненакрашенные девушки в утренних автобусах

Чем-то отличаются от девушек накрашенных.
У них бледные щёки, светлые волосы
И губы печальные, позавчерашние.

А ещё эти утренние девушки ненакрашенные
Легко растворяются в мартовском воздухе,
Знают несколько слов языка не нашего
И умеют по лужам ходить аки посуху.

Неправда, что смерти нет.

Неправда, что жизнь грешна.
Неправда, что есть ответ
Иной, чем война.

Нерастворимой горечи комок

Застрял в моём межрёберном пространстве.
О, я люблю тебя! Как нежный орк,
Вкусивший человеческого мяса.
Пожалуйста, прости мой мрачный вид
И депресняк без цели и мотива!
Не знаю, что - но что-то там болит,
Как будто крокодила проглотила.
Среди миров, в мерцании светил,
В магических пространствах Средиземья
Ты всех моих драконов победил -
Но мне, боюсь, не справиться со всеми.
Да, я люблю тебя! Хотя смешно,
Как можно и меня любить, уродку.
И новой жизни красное вино
Пьянит, горчит, течёт по подбородку.

* * *

Нет ничего, кроме сосен.

Нет ничего, кроме яблок.
Какой твой знак? Восемь,
Положенное на бок.
Праздники, праздники, праздность.
Смерть — коротка.
Твой промежуток — разность
Между «привет» и «пока».

Ничего не кончается,

Пока сердце стучит,
И планета вращается,
И комета летит,
И суровые юноши
Всё рифмуют судьбу,
И жестокие, южные

Ветры дуют в трубу.

Новая мода сейчас на Руси:

Дети тусуются в КФС.

Были тинейджеры – сбоку пейджеры,

Стали – «Господи, упаси!»

Ностальгия по лету(Красилово)

Я хочу поехать с Корневым в Красилово,

Сочинить философическую сказку,

Душу, в общем-то, и так красивую,

Звёздами засыпать под завязку.

Надышаться запахами родины,

Изучая местную ботанику,

И лежать с Алёной Воеводиной

В озере, в тепле перинатальном.

С глупыми печальями расстаться

Возле режиссёров незнакомых,

По ночам палить костры и репутации

И шарахаться от крупных насекомых.

Вылететь пичугой оголтелой

Из зоологического атласа,

Чтобы всё прожечь, что не сгорело,

До последнего мгновенья августа.

2

В раю мы будем в мяч играть.

В.Набоков

Мотыльки под фонарём.

На костре кипит манага.

Мы, конечно же, умрём

На развалинах Рейхстага -
От обиды, от любви,
От ножа или укола.
Но сейчас - отбей, лови
Синяки от волейбола!
Подавай кручёный мяч -
Пусть попрыгают, макаки!
Впереди - лихой палач,
Нега танковой атаки,
Впереди - снега, дожди,
Пир во время канонады.
Но сейчас мы победим
Рейха подлую команду!

3

Травинкой ящерицу гладить
И зайца жирного спугнуть,
Писать граффити над кроватью,
Что надо делать что-нибудь,
Упасть в траву под звездопадом,
Расстреливающим в упор,
И безыскусностью нарядов
Смягчить искусный разговор,
В лицо костра глядеть ночами,
На пляже прожигая дни,
Понять среди людей случайных,
Что не случайные они,
Сто двадцать чашек чаю выпить
И ногу ножкой называть.
Иосиф, проданный в Египет,
Не мог сильнее тосковать.

НОЯБРЬ

Последние невыцветшие листики.
Последние несломанные пестики.
Последнее молчание ягнят.
Молчаньем разбавляем звукоряд.
Ранеток капли на асфальте сереньком.

Густая, золотая кровь осенняя.
И птичий мат, и мятый самиздат...
Мороз и солнце скоро победят!

О кофе сладостный, и ты, миндаль сухой!

Э. Багрицкий

Утешься, ты не нужен никому.
Сойди в свою душистую тюрьму
Из лепестков шиповника и мяты.
Когда растает твой последний вдох
На рубеже медлительных эпох,
Никто не спросит: - где же ты? куда ты?
О кофе сладостный, и ты, миндаль сухой!
Забиты мысли вялой чепухой,
Распуган праздник мысленным ОМОНОм.
Марина в Краснодаре ест арбуз,
Прочитаны в трамваях Джойс и Пруст,
Аджика сварена, и холодно влюбленным.
О шоколад растаявших Наташ!
Душа сквозит, идя на абордаж
Тоскливых дней и вдохновений куцых.
Что легче - воздух или голова?
Прости, Пелевин, я еще жива,
Шурша по октябрю без революций.

Оближите мне губы,
Подымите мне веки.
Я - пятно акварели
В вашей пинакотеке.
Заторможено тело,

Но ускорены бесы.
Покажите мне пальцы
Этой мёртвой принцессы.
Не звезда надо мною,
А земля подо мною.
Холодеет живое,
Оживает иное.
Я - души невесомость,
Я - сушняк наркомана,
Астраханская область,
Пыль, холера, нирвана.

Одинокие дамы заводят собак.
Одиноким мужчинам милей тараканы.
Одиноких мошенников манит кабак.
Одинокий таксист не бывает не пьяным.

Одинокий дурак в телевизор гляит.
Одинокая девочка сопли рифмует.
Одинокий развартник с кем попадя спит.
Одинокий бродяга проспектом дрейфует.

А поэт и художник - всегда одинок,
И творит, и спивается в полной пустыне.
(Ну, бывает, спасет телефонный звонок,
Ну, бывает, на пару к скамейке пристынет...)

Одиночество

Выдавливай пасту, как хочешь,
Пей то, что приходит на ум!
И что ты там ночью бормочешь,
Не слышно теперь никому.

Свобода смеяться до колик,
Свобода рыдать до соплей...
Люби тишину, алкоголик,
Встречай марсиан или фей!

Забудь укоризненный ропот
Наставников строгих твоих,
Под сердца свободного грохот
Слагай невоспитанный стих!

* * *

Одиночество

Выдавливай пасту, как хочешь,
Пей то, что приходит на ум!
И что ты там ночью бормочешь,
Не слышно теперь никому.

Свобода смеяться до колик,
Свобода рыдать до соплей...
Люби тишину, алкоголик,
Встречай марсиан или фей!

Забудь укоризненный ропот
Наставников строгих твоих,
Под сердца свободного грохот
Слагай невоспитанный стих!

Октябрь

Не мельтешить, по-взрослому любить
И обращать субстанции в вино.
Царю Мидасу нечего ловить:
Всё в золото и так обращено.

Природа умирает, бьёт под дых,
Красиво разлетаясь на куски.
О, дайте, дайте мне простой воды
И чувств, не обращённых в медяки!

* * *

Оле Наумкиной

А тебе бывает тоскливо
В тёплый час золотого отлива,
Когда девушки торопливы,
Как вечерние облака?
Никуда не движется время,
Просто сбрасывает оперенье.
Предпоследние дни сгорели
В табакерке без городка.

Мы - нездешние, мы - на лодке,
Мы приплыли сюда по наводке.
Небо - яркое, как на коробке
Старомодных венгерских конфет.
Если есть заводная пружина,
То она - в стаканчике джина
Или в плоской коробке "Житана",
Или в моли, грызущей фетр.

Но откуда тоска такая,
Гуще меда и слаще "токая",
Словно мы - на вершине Алтая
И кончается кислород?
Обопрись о гранит парапета,
Наше счастье - прочнее фетра,
Мы плывем по причине ветра,
Если только не наоборот.

Зима

Ольге Яковлевой

Мы не забыли теплые дома.
Звучал Вивальди - кажется, "Зима" -
Поджаривались хлебные кусочки,
Душа не замечала оболочки,
В глинтвейне плавали головки мака.
Мы были все с истфака и филфака,
А если медик дикий забредал,
То он гармонии не нарушал.

Действительно, всегда была зима,
Поскольку сразу бешено теплело,
И кто-то пел, и ты со всеми пела,
И золотились книжные тома,
А баловень Москвы и Амстердама,
Картавый фаворит романских муз,
Эстетствующий, ласковый, как мама,
Читал свои стихи, француз.

Немного ведьма, юная хозяйка
Заваривала якобы чаек,
И девочка соседская, козявка,
Училась у нее.
Кармен-сюита, люмпен-сигарета,
Ку-ку-богема, караван-сарай,
Вивальди рыжий написал про это,
Молчи-молчи, не смей, не повторяй.

Потом у всех детишки народились,
Женился тот, кто не сошел с ума,
И оглянулись мы, и прослезились,
И все прошло, и кончилась зима.

Останется холод в запястьях,
Останется снег в рукавах.
И слово по имени "счастье"
Найдет свое место в веках.
Никто не оглянется, плача,
Не станет столбом соляным.
Зима постепенно и плавно
Уйдет от живых к неживым.

Отпусти меня, бессонница!
Мне не нужно ничего,
Даже если не обломится
Этой ночью ничего.

Скину обручи железные,
Голова моя в крови.
Ревность — это сожаление
О бессмертии любви.

Спрячу руки под подушкой,
Спрячу сердце подо льдом.
Ровность — это равнодушие,
Милосердный холодок.

Спи, Алёша. Слишком прочное
Отчуждение во сне.
Ночь сравнялась с одиночеством,
Как с оврагом — талый снег.

Отращу себе длинные волосы,
Стану сразу красивее всех.
Ты отправишься вечером к Жолосам,
Я поеду в какой-нибудь Н-ск.

Мы пройдемся заснеженной улочкой
С человеком, которого нет.

Он кулемой и глупенькой дурочкой
Назовет меня. Я пистолет
Не достану из маленькой сумочки
И не выстрелю в этот портрет.

Потому что любовь не кончается,
Потому что за каждым ребром
Тыща тыщей любовью вмещается,
Потому что золой и огнем,
Теплым пеплом домашнего кладбища
Будут греть до последнего дня
Все любви - и эта, и та ещё -
И тебя, и меня.

Очень тихо в мире.
И шаги твои.
Раз, два, три, четыре,
Живи!

Очень холодно в этой стране,
Где гитары висят на стене,
Где понятно ещё не вполне
Направленье побега.
Очень холодно в этом огне,
В этой пятиминутной весне,
Где прохожий идёт не ко мне

Очень холодно, очень тепло.
Сновиденья летят в кровать.
Знаешь, мама, как тяжело
На рассвете людей убивать?

А один — он милее всех.
Он сказал, что забыл про смех.
Его самым первым убью,

Потому что его люблю.

Обнулилась прежняя жизнь,
Ноль очков в таблице моей.
Где ещё найти дурачков,
Чтобы загнанных гнать коней?

Он — богатство, да я — не вор.
Я — не сахар, а он — сахарок.
«Будь, что будет», — щёлкнул затвор.
«Будет так!» — согласился Бог.

Может быть, ничего и нет.
Я хочу исчезнуть нигде —
Но, пока не наступит рассвет,
в голубые глаза глядеть.

Парамарибо

Ну, что, душа, заманчиво свернуть
К зелёным побережьям Суринама?
Заходишь в Атлантический по грудь -
И где там Барнаул, и где там мама!..

Твой организм к экватору привык
И по-голландски говорит коряво.
Нырни поглубже в сахарный тростник,
За рощей апельсиновой - направо.

Не скромничай, что хочешь, выбирай!
Неважно, что ты видишь, засыпая.
Парамарибо - виртуальный рай,
Парамарибо - песенка такая.

Свернуть, вернуться, переворошить
Всё читанное в нежном пубертате.
Как просто жить, когда не хочешь жить
И вовсе не уверен в результате!

Ты повторяешь: -Весь я не умру! -

Сбиваясь на последних оборотах...
Вот штука в чём: ты не свернёшь, мой друг,
Так и замёрзнешь в северных широтах.

* * *

ПЕРВАЯ МУХА

Здравствуй, первая муха,
Звонкий вестник тепла!
Психопатку, старуха,
Ты от смерти спасла.
Прилетела, запела -
И весну принесла.

* * *

ПЕРВОЕ ЛЕТО

Стрекоза на Сониной коляске,
Всякая другая мошкара...
Спи, детёныш мой, в волшебной сказке,
Полной разноцветного добра!

Много я бродил по белу свету,
На ходу взбивая пену дней.
Ничего на свете лучше нету,
Чем прогулки с девочкой моей!

Стану самоходным драндулетом,
Энтомологическим кружком -
Чтобы этим, самым первым, летом
Ты была счастливым мотыльком.

* * *

Перголези ты мой, Вивальди,
Золотые следы на асфальте,
Голубые глаза принцесс
И фантазии зимний лес.

Ваши отповеди по теме.
Мой бессмысленный взгляд осенний.
Научите меня молчать,
Головой уткнувшись в колени.

* * *

Песенка

Я, как безумный графоман,
Пишу свой маленький роман,
А ты читать не хочешь,
Не плачешь, не хохочешь.

Я, как царица обезьян,
Люблю тебя, мой Дон Жуан,
В виденьях эротичных,
Больничных, неприличных.

Я, как зеленый мальчуган,
Люблю тебя, мой Ив Монтан.
Прими стишок в подарок
Да будь, как прежде, жарок!

Пирогами, и блинами, и сушёными грибами,
Саксофоном, и органом, и весёлым ураганом,
Шоколадкой под подушкой, книжкой, письменом, игрушкой,
Ливнем, хохотом, прибором, нелюбовью и любовью —
Тушим, тушим, тушим, тушим, не потушим эту ночь.

Пломбир для Светы

Пусть годы пролетают,
Но локоны всё вьются.
На каждую старушку
Свои юнцы найдутся.
Вовеки не растает
Пломбир воображенья!
Свитульция читает
Романы с продолженьем,
Попутно маринует
Огурчики и мужа,
То Машеньку прессует,
То Катеньку утюжит,
Коту почешет брюхо,
Пинетки свяжет внукам...
Быть женщиной, Андрюха, -
Нелёгкая наука.
Стучат часы, как поезд,
Цветут в башке фиалки.
Ты - гибельная помесь
Вакханки и весталки.
Бесчинствуй, юбилярша,
И требуй продолженья,
Бросай в горячий кофе
Пломбир воображенья!

Плохо тонуть в самолёте.

Надо тонуть налегке.
Может, тогда вы поймёте
Что-то о смертной тоске.

Сгинут стихи проходные,
Да и любые стихи.
Ах, вы мои неродные,
Как вы милы и сухи!

Тонко чертил карандашик -
Трудно рисунок стирать.
Мне уже год как не страшно
В собственной ванне лежать.

По дороге из снега.

Может быть, и тебя, пешеход,
Белый ветер зовёт на восход,
Гонит амок любви и несёт,
А метель подгоняет?
Может быть, и тебе, дуралей,
Суждено растерять козырей,
Захлебнуться тоской февралей?
И никто не узнает,

Как пронзительно звёзды горят,
Передаренные наугад,
Как бормочут стихи невпопад
Полупьяные боги.
Ты идёшь неизвестно куда.
Снег – вода, но и слёзы – вода.
И уже не поймёшь никогда:
Было нам по дороге.
Очень холодно в этом окне.

Только ты не грусти обо мне:
Кроме памяти, демонов нет,
Да и этот нестрашен.
Белым золотом по волосам,
Чёрным бархатом по небесам –
Сновиденья даруются нам
По молитвам по нашим.

По социуму, по Соцу,
По маленькой жидкой реке,
Сама себе штурман и лоцман,
Со щёткой зубной в рюкзаке...

Не вырваться? Да и не надо!
Невесело? Это враньё:
В любом закоулке ада
Есть очарованье своё.

Побриться наголо, сверкать макушкой голой
И жечь сердца божественным глаголом.
Бенгальские огни палить публично,
О сущительное чиркнув спичкой.
Ко лбам горячим рифмы прилагать –
И прилагательным поклонников сжигать.
Дружить до гроба с лесбиянкой музой –
Затем, чтобы предлогом и союзом,
Наречием, частицей жечь сердца, -
Так вот он, кайф, и нет ему конца!

Погуляем с фокстерьером
По прохладе октября.
Неприметным экстерьером
Мы не выдадим себя.
По листве, ещё горячей,
По тропинке ледяной,

По погоде настоящей,
Обжигающей, родной.
Край ты, край ты мой Алтайский,
Моя родина Сибирь,
Как пуховичок китайский
Ловко на тебе сидит!
Тили-тили, трали-вали,
Нам Вселенная видна.
Дети отполировали
Башмаки у Шукшина.
Погуляем, погуляем,
Поваляем дурака.
Мы следов не оставляем,
Как река и облака.
Прыгай, милая собака!
Скоро будет Новый год,
Много света, много мрака
Он детишкам принесёт.

* * *

Под ногами — дерьмо и Венеция,
В голове — васильки и Флоренция.
Мы гуляем по темным дворам,
Равнодушные к звездным мирам.

То ли среднее, то ли вековье,
То ли просто пустые холмы. |
Пахнет летом невнятная специя
Прогоревшей сибирской зимы.

ПОДРАЖАНИЕ ГРИШИНУ

"Узбечка", приют богемы,
Демократический рай,
Любимая мифологема,
Клуб, караван-сарай!

Кто же из нас, ребята,

С рифмою на устах
Луковый дух "Арафата"
Не выносил в волосах?

После Шишковки стабильно,
Весь из себя таков,
Нас аккуратно, но сильно
Тащит сюда Токмаков.

Это такой обычай,
Это такая игра.
Дёшево и сердито,
Пламенно этсетера.

Я не особенно часто
Пишу такую фигню,
Но, пока дремлет Гришин,
Возьму да и сочиню!

Позвони мне, позвони,
Напиши хотя бы!
Знаю-знаю, монами,
Что все дуры - бабы.
Не хватает эскапад,
Солнца и простора.
Выйду замуж невпопад
За коммивояжёра.

Пойдём гулять по Осипенко,
По Пивоварке, по солярке!
Как незаметно, постепенно
Любовь меняет аватарки!

Как обольстительно смеётся,
Как беззастенчиво блефует!
Я знаю, пятна есть на Солнце.

Я на Земле перезимую.

Ты где-то рядом, чую носом,
Тебя по запаху узнаю.
"Пошив мешков для пылесосов" -
Какая вывеска смешная.

Пойду куплю сосисок, сигарет,
Пошляюсь по окраине вечерней.
Нет, Свет, не одиночество - привет
Судьбы, сухой и ломкой, как печенье.

Мы будем, ветераны всех частей,
Красиво погибать анфас и в профиль
В пучине мелких смыслов и страстей,
В стакане виски или в чашке кофе.

Попытка счастья

Пожалуйста, не бойся обмануть
Себя, или меня, или природу!
Идём вперёд, идём куда-нибудь,
Удаче улыбаясь и народу!

Мы - бабочки, летящие на свет,
Мы - школьники, сбежавшие с уроков.
На свете счастья нет? Наверно, нет.
А что у нас в подкорке - вне упрёков.

* * *

Порою, впотьмах, возникают внезапные смыслы...

Михаил Штыров

Телепатия, ты обостряешься после травы!
Проясняется суть, возникают внезапные смыслы.
Хохотать и любить - разве правила не таковы?
Мы - лихие, как ветер ночной, мы - простые, как числа.

Молодей, обольстительный ангел, лети, голубей,
Говори шелестящие звуки на фоне заката!
Как на площади венецианской, полно голубей,
И вибрирует сердце, невзорванная граната.

* * *

Последняя сигара октября.

Шпалерная моя, мои галеры!
Ледышка растоплённая моя
На дне стакана, на границе веры.
Закрой мои глаза, свои закрой -
И мы рассмотрим в зеркале экрана
Всё, что осядет пеплом и золой
На относительное дно стакана.

* * *

Посмотри на меня прямо.

Посмотри на меня страшно.
Посмотри на меня честно.
Посмотри на меня просто.
Я расширю глаза: - Мама! –
Небо скажет: - Тише, Наташа! –
Растекутся время и место –
И расплавят рамки контекста.
Сквозняки, потоки, огни...

Спаси, Господи, сохрани!

Постскриптум

Постскриптумов и просто скриптумов давно эпоха миновала.
Но я пишу тебе, поскрипывая, издалека, из-за Урала.
В горах Алтая и Сванетии — уже не промысел для нас.
И только встречи в Интернете ещё случаются сейчас.
Мы встретимся (прости за смелость) на берегах большой реки.
Но мне бы большего хотелось: ты напиши мне от руки.

* * *

ПОТОМУ ЧТО

Я дерусь, потому что дерусь (с) Портос

Я курю, потому что курю.
Предаю, потому что сука.
Дай мне нежную руку твою —
Откушу твою нежную руку.

Я — звезда уходящего дня,
За Зюганова голосовала.
Отвяжитесь все от меня,
Потому что устала Алла.

Я дышу, потому что жива,
На полчаса только заснула.
И летит моя голова
Над кварталами Барнаула.

Похоронили сороку

В тёплом осеннем бору.
Каждый подумал жестоко:
«Я никогда не умру».
Или, напротив, решили:
Смерть — бесконечный покой.
Мне бы такую могилу,
Мне бы сентябрь вот такой...

* * *

Поцелуй меня в темноте,

Под оранжевыми фонарями!
Человеческой мелкоте
Не угнаться уже за нами.

Вечереет. Время пришло
Обменяться слюной и кровью.
Очень близко, почти тепло,
На 17% - с любовью.

* * *

Прекрасно расставаться невпопад -

Да, на бегу, на вечер - не навечно!
За этот бутафорский снегопад -
Спасибо партии и северному ветру!

Заученно меланхоличный вид,
Прощальный взгляд, стакан горилки.
Ах, не от этого душа болит
И ловит кайф у газовой горилки.

Опошлись миг, чтобы утешить грусть,
Трагедию свести до водевиля.
И, кажется, не скоро соберусь
Купить билет - чтобы тебя увидеть.

Привет, комета Хейла-Боппа,
Свобода, выданная скупю!
Глазею на тебя из склепа,
Как нищий — на тарелку супа,

Как станция — на поезд скорый,
Как тело — на полёт души,
Как сфинкс — на путника, который
Вопрос смертельный разрешит.

В глубине одиночества есть наркоманский приют,
Где душа, как в раю: не разлюбят её, не убьют.

В глубине одиночества есть потайные колодцы:

Кто туда попадёт, тот уже никогда не вернётся.

Привычная лёгкость

Полунощных встреч.
Небрежная ловкость
Ладоней и плеч.
Ожог алкоголя,
Отрада руки.
Танцуем, как в школе,
До сноса башки.
Люблю вас, малышки,
Родное зверье!
Девчонки-мальчишки,
Войско моё.
Лихие панове,
Глаза – антрацит.
И в памяти номер,
Одиннадцать цифр.

Про галечный пляж в Кобулети,
Про тыщу прогулок с тобой,
Про то, как влюбляются дети,
Про эти стихи про любовь,

Про то, что Набоков в постели –
Снотворное круче иных,
Про легкое пламя истерик
И графику звезд голубых,

Про запахи книг и настурций,
Деленные пополам,
Про ересь английских инструкций
К твоим непонятным делам,

Про кофе, про кофе, про кофе,
Сбегающий от греха, -
К разрыву и катастрофе,
К трем выкрикам петуха,

Про музыку с черных пластинок-
Вернейшую из примет –
Про пепел ассоциативных
Рассветов и сигарет,

Про дождь, без ошибки разящий
С размаху под левую грудь,
Про лезвие строчки, изящной,
Как серебро и ртуть,

Про существованье наощупь,
Вне знания добра и зла,
Про позу детеныша кошки,
Ищущего тепла,

Про сто поцелуев послушных,
Про тысячу тысяч ласк,
Доверчивость нежной простушки
И стервы ревнивой лоск,

Про скорость изгнания из рая
И райских цветов кровать –
Затем лишь сейчас вспоминаю,
Чтоб больше не вспоминать.

* * *

ПРОГУЛКА

Я чувствую: ничто, ничто не поздно.
Давай бродить вдвоем и налегке!
Ведь зелен мир, и бесконечен воздух,
И синий лес — как горы вдалеке.
Такого солнца не было ни разу,
И карусель раскрашена пестро,
И на базаре весело и празднично,
И запах детства бередило нутро.

Продувает насквозь.

Ты повесишь на гвоздь

Свой потрепанный анорак.

В этом мире ты – гость,

Ты ему – в горле кость,

Ты ему – «сам дурак».

Пробирайся, не трусь!

Побирайся, тут Русь!

Нам бы только – к дому, к теплу.

Ты-то знаешь, где грусть,

Знаешь всё наизусть,

Как оркестр на балу.

И сиротский снежок,

И сердечный дружок

Добавляют в воздух тепла.

Оглянись, голубок,

На родной городок

Безо всякого зла.

Проезжие части тела.

Проезжие части дорог.
А что ты ещё хотела?
Пойдём-ка дальше, сурок!

Любимые части суши.
Глухие чащи тревог.
В этой тюрьме воздушной -
Танцуй, малышка Суок!

*

Пролетает время, как пуля.

Вот такая, дети, фигня.
И уже стоят в карауле
Не у Ленина - у меня.

Мы в одном, наверно, карассе,
В этом совпаденья секрет.
Есть ещё лет десять в запасе.
(Впрочем, их всегда десять - лет.)

Фарида играет нимфетку.
Я играю няню твою.
Скушай, детка, эту конфетку!
Будет упоенье в бою.

Обожая буквы и строчки,
Не считая книгу тюрьмой,
Мы не зря сошлись в этой точке,
Чтобы разойтись по прямой.

Я, как Мандельштам, не ревную,
Мне и так даров - будь здоров!
Дай-ка я тебя поцелую
Не в глаз, а в бровь!

Променяю коньяк на портер,
Стисну зубы и брови сдвину.
Я люблю тебя, Гарри Поттер,
Как малиновка любит малину.

Это старая песня о главном,
Это вопль молодой ослицы.
Это, в общем-то, даже забавно -
Никому никогда не сниться.

Превращается друг в зверушку,
Превращается ночь в мученье,
И из зеркала смотрит старушка -
Это всё не имеет значенья.

Ведь отлажены наши мётлы!
Отутюжены наши платья!
Гарри Поттер, трудно быть мёртвой,
Но для жизни - жизни не хватит.

Просто видеть тебя. Не потрогать, не разгадать,
Не сграбастать навеки по праву высоких чувств.
Просто видеть тебя. И трогать, и обладать,
И во рту держать, как сливочный чупа-чупс.

Простые рифмы

Восстановились клетки нервные.
(А думала, не восстановятся.)
Я снова возвращаюсь в первые
Умы, красавицы, любовницы.

Всего-то надо - сбросить кожицу

Страдания позавчерашнего
И вместо точки ставить рожу,
И всё, и ничего тут страшного.

Искать не саморазрушения,
А приключения амурного.
Не ради самовыражения,
Не ради подвига гламурного,

А чтобы все синицы-галочки
Заверещали охренительно,
И кто-то там поставил галочку:
Зачёт, мол, удовлетворительно.

Есть и кино мемориальное
На случай этакого разного...
Такая вот я ненормальная.
И, к сожалению, заразная.

Прощай, моя любовь! Такое солнце,
Что город стал песочными часами
И каждые глаза припорошило
Каленой струйкой желтого песка.
Троллейбусы сопят, исходят потом,
И толстые мороженщицы тают,
Отсчитывая липкие копейки
За свой волшебный, золушкин товар.

Прощай, моя любовь! Куда податься?
Под Шпилем - злая очередь за соком,
В кофейне - тарарам, поскольку лето,
Каникулы, безделье и жара.
И - жажда, жажда - пересохла глотка.
(Но как сегодня женщины красивы!
Смотри вон та, в короткой красной юбке.
Как бабочки, как выставка цветов).

Прощай, моя любовь! Пойдем базаром,
Спасемся от жары в кинотеатре.
Последняя, последняя прогулка -
И это солнце, плавящее лоб.
Ты купишь мне букетик на Октябрьской -
Немного жалкий, вялый, полумертвый -
И поглядишь от зноя томным взглядом,
И будешь яростно ловить такси.

Прощай, моя любовь! В такое время
Сказать "прощай" невыносимо трудно.
Уж лучше - в октябре, с листом последним.
Под флейту тонконового дождя.

* * *

Прощай, моя чайка,
Летающая над головой!
Мы выпили чаю,
И я собираюсь домой.
Мне выпили сердце,
Заполнив пустоты тоской,
И я возвращаюсь.
В мир прежний. Не тот. Не такой.

* * *

*

Пустота бывает абсолютной,
Только абсолютной и бывает.
Только редко-редко кто-то — кто-то
Тёплой сигаретой угощает.

*

Пятница

Прогуляюсь там, где хочется,
В телефон заброшу денежку.
SMS твои закончились -
Ничего, куда ты денешься!

Мы ещё пригубим знойные
Дни июльские, случайные.
Я, ты знаешь, не назойлива,
Но притом - незабываема.

Ради этого стоит жить!

Это мелочи, но – шикарные:
На двоих чизкейк разделить,
Проговаривать фразы парные,
Прогуляться из бара в бар
Очень милой родной компанией.
Мой загар, твой "аллах акбар"
И всеобщее обожание.
Мы не едем в аэропорт,
Мы гитару Илюхину слушаем.
Мимо шествует Раппопорт,
как видение самое лучшее.
Кочка пьёт голубой коктейль,
Люба блюзы поёт печальные,
Я сшибаю настольный хоккей,
зацепившись шалью нечаянно.
По-армянски шутит Сероф
над гламуром книжки девической...
Самый сладкий из вечеров,
удивительный и фантастический.
Что ещё у тебя просить,
Мир, отмытый до детской безгрешности?
Мы поедem в ночном такси
К сновидениям, полным нежности.

Разворачивается журнал,
Иллюстрированная пурга.
Голос флейты журил, журчал,
Раздевал донага.
Кто оставлен - идет босым,
Не отбрасывая теней,
Не дождем - так снежком косым,
Чтоб любили сильнеей.
Кто оставлен - ложится в ночь,
В глубину, под смертный сугроб.
Разворачивается сукно
Вьюги, черной, как эфиоп.
Разворачивается холст.
Полнолуние, метель, зима.
Пожалей этот гулкий холм –
Сердце, брошенное с холма.

* * *

Раздели меня на forte и piano,
Разломи на два неравных куска!
И солдатиков твоих оловянных
По периметру расставим войска.

Раздели судьбу на прежде и после,
Паутину натяни на столбы.
Сочинивший эту дикую повесть
Очень слабо разбирался в любви.

Разнежься, исчезни, усни,
в дожде растворись, в воде!
Из всей возможной фигни
ты выберешь добродетель.

Раненый дельфинёнок
(Кто поранил — Бог весть)

Жить не хотел спросонок,
Пить не хотел и есть.

Игры не занимали,
Не веселили друзья.
Где-то осталась мама,
Мягкая, как земля.

Кто молоком питает
Раненое дитя?
Пусть не родная стая —
Бог дельфиний хотя б.

Жизнь — такая простая,
Словно удар винта.
ты — сирота морская,
Значит — не сирота.

Вот сидят,
Не пьют, не едят,
Курят кальян электронный.
128 подростков в ряд
Занимают мой столик законный.

Я не ворчу,
Нет-нет, ничуть!
Мы ещё сами с усами. Так же хочу
От избытка чувств
Дурными блажить голосами.

Рахат-лукум

Давай устроим детский сад:

По подворотням обниматься,
Сюсюкать, гладить всё подряд,
Как будто нам опять двенадцать.

Давай забудем обо всём,
Что было, есть и окружает.
А если спросят - мы соврём
И спрячемся за гаражами.

Мы - в домике, нигде, не здесь,
Мы - привидения с мотором.
Плевать, что все, в ком зренье есть,
К своим прильнули мониторам.

Давай нарвём травы котам
И поваляемся на травке.
Потом заплатим по счетам,
Фальшивые сварганив справки.

Давай положим грудь на грудь,
А можно - голову на руки,
И мизансцена хоть чуть-чуть
Поможет в завтрашней разлуке.

Нахально будем пить винцо,
Везде оставим отпечатки.
Твоё волшебное лицо
Впечатано в мою сетчатку.

Давай засахарим судьбу,
Чтоб целый день напропалую -
Рахат-лукум любимых губ
И сладких, сладких поцелуев.

* * *

Ребёнок плачет за стеной —
И по ночам, и днем.
Младенец? Вредина? Больной?
И, в общем, что мне в нём?

Мужчина там же материт —
Наверное, жену.
Гуляка, ветреный пиит,
Отходит он ко сну.

Ответит женщина ему,
И голос некрасив.
Мне совершенно ни к чему
Их бытовой курсив.

Мне дела нет до их затей,
Их пищи и труда.
Оставьте только нас, детей,
В покое навсегда!

* * *

Ритмичный грохот поездов,
Ванильный хохот облаков,
Рябиновые капельки,
Снежные царапинки
На тёплом теле октября.
Свежо. Изысканно. Не зря.

* * *

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СТИШОК

Ночное яблоко на кухне поедая,
Сижу, румяная и молодая.
А тот, кто ведает румянцем и тоской,
Подушку греет нежною щекой.
А та, что на него до слез похожа,
Спит, становясь и старше, и моложе.
А тот, кто их оберегает сон,
Уже рожден.

* * *

РОЖДЕСТВО

Ангел на гусёнке,
Дальняя звезда.
Буду тонкой, звонкой
Всегда.
Девочки танцуют,
Мальчики молчат,
Зайчики рисуют
Волчат.
Улыбнётся ангел,
На тебя похож.
Если долго падать —
Уснёшь.
Очень тихо в мире,
И шаги твои.
Раз, два, три, четыре,
Живи!

Русские страдальческие лица

(Эта, скажем, милая семья) -
Будут, будут мне ночами сниться,
Раненую душу веселя.

Да, умрём. Наверно, постареем,
Будем плакать и по волосам...
Но, в конце концов, мы - не евреи
Для печали, равной небесам.

Эта рыба - раба - жаба снулось,
Этот отвратительный покой...
Тут-то мне девчонка улыбнулась,
Примирился с реальностью такой.
*

Рябина - ярче артериальной крови.

Лужи покрыты ледком.
Ты сводишь чёрные брови:

Холодно, холодно, хо-
Чешь тепла и смеха,
Дружеской болтовни.
Хочешь уехать
В предыдущие дни.
Голуби распушились,
Редкий летит снежок.
Это - последняя милость,
Это - октябрь, дружок.

С душой природа заодно,
Хоть это и звучит двояко.
И ты не бросишься в окно, _
Пока жива твоя собака.

Спусти все деньги на вино —
А не пьянит оно, однако!
Жива ли ты — мне всё равно,
Была б жива, твоя собака.

Без акваланга лечь на дно.
Там, наверху, идёт атака,
Трещит зелёное сукно.
Но — выживет твоя собака.

«Гринпис» спасает пауков.
Они из глубины веков
Расскажут о твоей печали.

И кто-то через много лет
Посмотрит на простой портрет
И холодно пожмёт плечами.

Саган, Саган, Саган и снегопад!
Банальней - только звезды, говорят,
Банальней - только парная рифмовка.

Примерю одиночество неловко
И формулу сонета повторю.
Прощай, прощай! - апрелю говорю.
Прощай, любовь, неверная чертовка!
Прощай, прощай, прощай - и снегопад.

Самоидентификация

Уши мои - аккуратные, чуткие, хищно прижатые.
Глаза мои - узкие, широко расставленные, часто
зелёные.
Нос мой - прямой, но приподнятый, острый,
любопытный.
Губы мои - маленькие, бледные, скрывающие
сладострастие.
Брови мои - соболиные, казачьи, тётини,
папины.
Щёки мои - нежно-розовые, детские,
беззащитные.
Лоб мой - невысокий, плотненько всё под ним
уложено.
Волосы мои... Да, маловато их, всё на ум пошло.
Шея моя - длинная, молодая, ни единой
складки.
Плечи мои - широкие, покатые, плаванье плюс
XIX век.
Дальше представьте себе всё стандартное, по
анатомическому атласу.
Крест на груди. Самоидентификация завершена.

Сверчки ушли на запад,
Стрекозы - на восток,
На север улетает
Волшебный лепесток.

Мне хочется смеяться,

Мне хочется рыдать,
Обняться, распрощаться
И стрекозою стать.

Свете Тезовой

Отращу себе длинные волосы,
Стану сразу красивее всех.
Ты отправишься вечером к Жолосам,
Я поеду в какой-нибудь Н-ск.
Мы пройдемся заснеженной улочкой
С человеком, которого нет.
Он кулемой и глупенькой дурочкой
Назовет меня. Я пистолет
Не достану из маленькой сумочки
И не выстрелю в этот портрет.
Потому что любовь не кончается,
Потому что за каждым ребром
Тыща тысяч любовей вмещается,
Потому что золой и огнем,
Теплым пеплом домашнего кладбища
Будут греть до последнего дня
Все любви - и эта, и та еще –
И тебя, и меня.

СВИДАНИЕ

Моя нервная дрожь начинается в полшестого.
Я - влюблённый маньяк, у меня потемнели глаза.
Как Наташа, глупа и в пальто, как Наташа Ростова,
Углубляюсь в дремучие мысли, шагаю в леса.

Перепуталось всё под шляпкой из серого фетра.
Ослепительный март открывает изнанку свою.
И меня так несёт, при полном отсутствии ветра,
Что, боюсь, занесёт. А, впрочем, уже не боюсь.

Мы, конечно же, пьём что-то острое и ледяное.
В облаках голова, из неё улетели слова.

И охранница тётенька заподозрит дурное,
Неприличное что-то. И, в общем-то, будет права.

СВИДАНИЕ

Моя нервная дрожь начинается в полшестого.
Я - влюблённый маньяк, у меня потемнели глаза.
Как Наташа, глупа и в пальто, как Наташа Ростова,
Углубляюсь в дремучие мысли, шагаю в леса.

Перепуталось всё под шляпкой из серого фетра.
Ослепительный март открывает изнанку свою.
И меня так несёт, при полном отсутствии ветра,
Что, боюсь, занесёт. А, впрочем, уже не боюсь.

Мы, конечно же, пьём что-то острое и ледяное.
В облаках голова, из неё улетели слова.
И охранница тётенька заподозрит дурное,
Неприличное что-то. И, в общем-то, будет права.

СВОБОДА

Выбрасывай, на хрен, обмылки,
Они тебе не пригодятся.
И вытряхни всё из копилки,
Все мелкие планы богатства.

Свобода на уровне бреда,
Свобода на уровне мыла.
Такая смешная победа.
И как это всё-таки мило.

* * *

Сегодня буду спать на влажных простынях —
Как будто в поезде.
И звёзды за окном, и книга в головах —
Как будто в поезде.
Молитва перед сном в моем купе ночном
На нижней полочке.
И главное — не знать, куда я перед сном
Лечу на поезде.

Сегодня слепой снег.
Сегодня тепло мне.
Сегодня молчит враг.
Молчит, потому что дурак.

Я знаю все семь нот.
Я знаю: мороз - жжёт.
Сегодня легко врать.
Сегодня - зима, брат.

* * *

Сентябрь. Идея дендрария.

Гербарий друзей на стене.
Мания грибокопания
В ботаническом волокне.
Природа сомкнула челюсти.
Пальцы пахнут землёй.
На сколько же это делится,
Господи Боже ты мой?

* * *

Сердце заплети - и расплети,
Будешь совладельцем артефакта.
Нарисуй мне звёзды на груди,
На асфальте Павловского тракта.
Полюби меня, повелевай,
Помоги замёрзнуть и согреться.
Баю-бай, мой ангел, маю-май!
Положи мне голову на сердце.

* * *

Сердце не поместится в руке.
Запишу себя в черновике.
Напишу, исправлю, напишу.
Будь, прошу! Не умирай, прошу!
Напечём картошки на костре
И в своей затихнем кожуре.

СЕРЕДИНА ИЮЛЯ

Плаваются от зноя
Африки-Америки.
Эскиммо ручное,
Сигарета в скверике.

Звуки лаун-тенниса
Аристократичные.
Скоро мы поженимся –
Впрочем, это личное.
Шоу продолжается,
Нежно-неприличное.
И цветы качаются
Яркие, публичные.

Сжимаешь ротик монашеский.

(Анна Андревна, привет!)
Я назову тебя Глашенькой,
Будет тебе двадцать лет.

Тонкие мягкие волосы,
Нежных ушей лепестки.
Здесь такие не водятся,
Здесь одни старики.

Ты напеваешь песенку
Дуре или вору.
Главное - не повеситься,
Даже в таком миру.

Силуэты, огни, голоса.

Память длится четыре мгновенья.
Я любила Вас полчаса,
С перерывом на сновиденья.
Ухмыляются небеса,
Голубые до самозабвенья.
Это - светлая полоса,
Херувимов кастратское пенье.

*

СКОЛОПЕНДРА

Я видела смерть сколопендры.
26-го числа
Она во внушительном темпе
Из-под стола ползла.

Кожаный чёрный ботинок
Бритого бугая
Крайне нелегитимно
Жизнь оборвал ея.

Красивая, золотая,
Кусачая, молодая...

Скоро кошки уйдут в подполье,
И собак оденут в пальто.
Налетит зима белой молью,
Не спасется никто.

Скудеет речь, игра не стоит свеч,
В Крещение зябнет даже зимородок.
И Дмитрий Анатольич узкоплеч,
И у второго скошен подбородок,
И Ринго стар, и Дитер занемог,
И нет пророка, братья, в Интернете,
И сказочку про синий ноготок
Уже осуществили наши дети.
О вечности вещает идиот.
Эстеты умирают от поноса.
Одна отрада: снег ещё идёт,
Бог стряхивает пепел с папиросы.
Оргазм перерождается в маразм,
И жить на свете - скука и наука.
Переложить бы как-то этот пазл! -
Но это тоже пройденная штука.

Скучаю по тебе, как роза по могиле,
Как ливень по земле, как по строке — тетрадь.
Я знаю, что меня ещё не разлюбили,
И можно выбирать.
Скучаю по смешным, нелепым разговорам,
По солнечным лучам на вымытом полу.
Давай уснём вдвоём — обнявшись, без зазоров,
Без «я тебя люблю».
Скучаю по себе, летящей невесомо,
С букетиком в руке, с улыбочкой, хи-хи.
Скрипичный ключ внутри, скрипичный, не басовый,
И детские стихи.

* * *

Скучно и грязно, и кровь засыхает, и грязь,
Жизнь обернулась свинцовой неласковой гранью.
Так отвернись и уйди, ничего не боясь,
Выпей ночное лекарство со вкусом герани.

Вкус героина у музыки, запах войны
Из подворотен и ртов, из прокисших журналов.
Чудны дела Твои, Господи. Нам не видны
Замыслы неба, мы — дети подземных вокзалов.

Скучно и чисто. Кто мысли отмыл от дерьма?
Лоботомия разлуки, разврат откровенья.
Не говори ничего — и наступит зима,
И заметёт кокаиновым снегом тела или тени.

Слово - не звук, но знак.
Дело - не акт, но дух.
Если не знаешь, как
Выбрать одно из двух -

Не опускай рук,
Вектора не меняй.
Будешь достоин, друг,
Имени и меня.

* * *

Смешно выбирать, с кем жить.

Логичнее - с кем умирать.

А лучше всего, пожалуй, -

Вовсе не выбирать.

Но это - не наш размер,

Совсем не русский размер.

Вот умер Христос - и что?

Все радовались, например.

* * *

Снег —

Это когда тише.

Снег —

Это когда чище.

Снег —

Это когда смерть.

*

Снег блестит, как нафталин,

Ядовитая отрада.

Убирайся, милый сплин,

От резных дверей Царьграда!

Знаю точно: я - была,

Но не точно знаю, есть ли.

Расчехлите зеркала,

Те, в которых вечно вместе!

Пусть беснуются, блестят,

Пусть летят куда хотят!

* * *

Совсем чуть-чуть припорошило —

И можно заново писать

Всё, что взрывало, жгло и ныло,

Всё, от чего нельзя спасать.
Немного снега в Барнауле:
Не снегопад – но снеголёт.
Зима скулит, ненастье рулит,
А смерть, естественно, придёт.
Но пусть сначала – Новый год!

СОНЕТ

Любимый, с крыши прыгает апрель,
Ломая хрупкий певчий позвоночник.
Зевака снова восклицает: "Кель
Ситуасьон!" — и музыка хохочет.
Попойки, сновиденья, дурняка,
Помойки, сигарет, Гребенщикова.
И петлей притворяется строка,
И флейтой притворяется, и снова —
Дождём, перевирающим слова,
Изгибом сибаритского кальяна.
Любимый, если музыка жива
И есть еще коньяк на дне стакана —
Звони, зови, кружится голова,
Летит апрель, самоубийца пьяный.

Сочинитель

Потеряв, понимаешь, чем ты владел,

Что слиняло, разбилось на мелкие части.
Потеряв, понимаешь: ты так хотел,
Ты напишешь об этом, угрюмый мастер.

Наконец отличаешь от крови - кров,
От любви - сквозняк, от боли - занозу.
Ты - жестокий уродец, властитель снов,
Извлекающий золото без наркоза.

* * *

Спокойно, коллега! Кровищу с ладоней стирай,
Рифмуй за Уильямом Ш., не страшась повторенья!
Мы в рай попадём, в орфоэпический рай,
Где нежно расставлены правильные ударенья.

* * *

Любовники уходят по утрам —
и это, в общем, правильно и мудро.
Любовники — уходят, стыд и срам!
Да, Винни-Пух, на то оно и утро.
Не надо, Боже, вечных величин,
вот только душу сохрани живую.
Я проживу без маленьких мужчин —
тем более, других не существует.

* * *

Старик стреляет сигарету —
И не пожадничала я.
Возможно, именно вот в этом —
Предназначения моя.

А то ведь девушек — до чёрта,

Да и поэтов — до фи́га.

Стирка, готовка, уборка,
Два сериала подряд.
Я по губам прочитаю,
Что обо мне говорят.

Под рок-н-ролл вечерами
Факелы жарко горят.
Так хорошо, что неважно,
Что обо мне говорят.

* * *

Стихи к завтраку

Представь, дитя, о яйцах я мечтаю
Уже примерно с четырёх утра.
Лежу, лижу, вдыхаю, осязаю
И умираю, да, и воскресаю -
И всё ж маниакально представляю,
Как выйду утром к первому трамваю
(И дворнику скажу своё "ура",
И песенку спою, и полетаю...) -
И вот я с наслажденьем покупаю
Яиц десяток, круглых, как Земля,
И гармоничных, как душа ребёнка.
И газ зажгу, и с ножкою цыплёнка,
И с огурцом - со всем, что в доме есть -
Поджарю утренний омлет герою,
Чтоб любоваться, как он будет есть.

* * *

Стихи этого лета

Дельфиниум, ирисы, лютики,

Цветут подорожника стрелы.
Стучат поезда круглосуточно,
взмывая в иные пределы.

там фронт грозовой надвигается
Сиреневыми полосами,
там бабочки размножаются —
Секунду, в одно касанье.

там нет ни печали, ни страстности,
Ни холода, ни огня —
Лишь тихие теплые радости
Единственного дня.

Ступай по траве поселянкою,
Над книжкой склонясь головой.
Живой притворяйся смуглянкою —
ведь летом нельзя неживой.

Сто двадцать ночлегов впишу в реестр.
(А встречи уже подсчитать слабо.)
Не бойся напялить мой череп на перст -
Не больно будет, а бибабо.

Дактилоскопируя наш приют,
Отыщут немало прямых улик.
И, в крайнем случае, нас убьют,
А всё остальное - фигня, старик.

* * *

Так заканчиваются сказки.
Не хочу никакой развязки,
Ни печальной и ни смешной —
Ни одной.
Дирижируй моей ангиной,
Нарисуй мой портрет сангиной.
(Я забыла, что это такое.)

Не хочу ни тоски, ни покоя –
Тебя.
Кафианствоо не терпит чванства,
Детство – замкнутого пространства,
Сердце требует постоянства,
Как морфина гидрохлорида.
По любви твоей панихида
Утешает меня, утешает.
Снег и пламя перемешает
Твой спасительный карандаш.
Не хочу быть одной из Наташ –
Ни единственной, ни последней,
Ни шести-, ни сороколетней,
Не хочу - помещённой в графу,
Лучше – спать в хрустальном гробу.
Посему – искушаю судьбу
Доказательством ошибки.
Жизнь моя – словно рынок блошиный,
Где бесплатно брильянт перепал.
Не хочу выяснять, с кем спал
(Переспал, недоспал, пропал,
Откопал самородок золота
Или бросился в море с фрегата...).
Не хочу.
Помолчу.
Дочь больна.
Не до сна.
И душа, как луна, полна.
Я – люблю тебя.
Я – не одна.

Твои египетские руки.
Твои зелёные глаза.
Твои любви и разлуки
Нетрудно в сказочке сказать.

И, может, вовсе не напрасно
Ты прячешь голову в песок?
Жизнь - справедлива и прекрасна.

А смерть прошла наискосок.

Твой геморрой - уже не мой геморрой.

И это - совсем не метафора, мой дорогой.

Твоя жена измучена, как флейта.

Весна не может превратиться в лето.

Любовь вообще не может ничего.

Как говорит бедняга Альмодовар,

Предельный стиль - вульгарен, словно доллар.

Спи, флейта, Белоснежка, волшебство.

Ум истощился в прозе повторений.

Лет пять не вздрагиваем от прозрений.

Лет десять как не носим красный цвет.

Где наши шарфы, наши эпатажи?

С кефирчиком садимся в экипажи

И вместо «sure» отвечаем «нет!».

Телевизор отгорел.

Спички отсырели.

Ты осталась не у дел

Посреди метели.

Очень маленький рассказ

Подошел к финалу.

Кто-нибудь напишет нас

С самого начала.

Кто-нибудь найдет мотив,

Притчу и причину,
Все длинноты сократит
Он наполовину.

И останется в веках
Вроде анекдота:
Кто-то умирал в снегах,
Полюбив кого-то...

Телепатия, ты обостряешься после травы!

Проясняется суть, возникают внезапные смыслы.
Хохотать и любить — разве правила не таковы?
Мы — лихие, как ветер ночной, мы — простые, как числа.
Молодей, обольстительный ангел, лети, голубей,
Говори шелестящие звуки на фоне заката!
Как на площади венецианской, полно голубей,
И вибрирует сердце, невзорванная граната.

Тихо-тихо прокрасться

Из себя – в никуда.
В этой точке пространства
Ты – звезда.

Тихо-тихо напиться
И тихонько уснуть,
Пока чёрные птицы
Продолжают свой путь.

Очень тихий и скромный
Апокалипсис твой.
И идёшь ты неровно

По кривой.

Только в рапиде

Увидишь
Распускающийся цветок.
Только в обиде
Изыдешь
Копотью между строк.
А в Антарктиде
Прилепишь
Жвачку на ось - зер гут!
Только Фемиде
Ответишь,
Если калёным прижгут.

Только один день

Этот цветёт цветок –
Но Богу было не лень,
Много их создал Бог.
Впрочем, и в космосе время
Иначе, чем наше, течёт.
Так что цветку – цветково,
Богу – зачёт.

Тонкий запах туалета,

Мужики водяру пьют.
Только в этой части света –
Мой покой и мой уют,
Моя радость, моя сладость,
Моя вечная любовь,
Моя сила, моя слабость,

Мой кораблик голубой,
Мои вредные привычки,
Мои нежные друзья...
Загораемся от спички,
Начинаемся с нуля.

Тонко музыка пилила

По живому, без наркоза.

Я любовников делила

На мышьяк и сахарозу.

Мышьяк — не значит пошляк,

Сахар — не значит рыцарь.

О Боже, хотелось так —

И сладкого, и отравиться.

Тонко флейта извивалась —

То травинкой, то гадюкой.

На одну любовь — зевалось,

Над другою — издевалась,

Словно Шива над безрукой.

А значит — мимо прошла

И та, и другая, и третья.

А значит — лицо по швам,

Помада на сигарете.

Тот спас от холода, а этот - от тоски,

А есть еще - от смерти, от постели...

И значит - одинаково близки

Все лица, имена и дни недели.

Покуда не приспичит умирать
Иль выбирать единственного мужа -
Вольно мне врать и вписывать в тетрадь,
Что, мол, совсем-совсем никто не нужен.

Травинкой ящерицу гладить

И зайца жирного спугнуть,
Писать граффити над кроватью,
Что надо делать что-нибудь,
Упасть в траву под звездопадом,
Расстреливающим в упор,
И безыскусностью нарядов
Смягчить искусный разговор,
В лицо костра глядеть ночами,
На пляже прожигая дни,
Понять среди людей случайных,
Что не случайные они,
Сто двадцать чашек чаю выпить
И ногу ножкой называть.
Иосиф, проданный в Египет,
Не мог сильнее тосковать.

Три дня, похожих на наркоз,
Декабрь трагический принёс;
Четыре года избавленья
От нищенского исступленья;
И, может, несколько минут,
Которые не предадут.

И жалок жадный мой подсчет,
И, может, всё наоборот:

Чем дальше счастье — тем страшнее

Гирлянда, яркая на шее.
Невянущие есть цветы,
Их до меня растратил ты.
Но нежности твоей остатки
Бьют в сердце, леденят лопатки.
А мне не надо ничего!
И подступает Рождество
Комком под горло подростковым
И психиатром участковым.
Так ночью дочь во сне бормочет,
Так сновидение не хочет
Утешить душу и согреть,
Так женщины спешат стареть,
Куря на лестничной площадке,
Так истина играет в прятки
С искателями чёрных дыр,
Так рушится прекрасный мир
Предчувствий и повествований,
Воспоминаний и желаний.
Так пульса тоненький пунктир
Пронзает сумерки квартир.

ТРИСТАН И ИЗОЛЬДА

Сигарету в окно брось.
Мы с тобою всегда - врозь.
Разговоры идут вкось.
Хочешь - брось, все равно - врозь.
Ну, а если в постель лечь –
Между нами всегда меч.
Только я не хочу так,
Ляг поближе, прижмись, враг!

ТРИСТАН И ИЗОЛЬДА

Сигарету в окно брось.
Мы с тобою всегда - врозь.
Разговоры идут вкось.

Хочешь - брось, все равно - врозь.

Ну, а если в постель лечь -
Между нами всегда мечь.
Только я не хочу так,
Ляг поближе, прижмись, враг.

Триумф

Шампанское - всего лишь ритуал,
Всего лишь пузырьки на водоёме.
То, что Гундарин обо мне сказал,
Напишут дети в лифтах в каждом доме.
Кто разберёт, где правда, где враньё,
Где чушь собачья, где оно-моё?

* * *

Тщета - просить, тщета - понять,
И остается отстраняться.
На фотографиях сиять,
На фотографиях - смеяться.

Ты - тварь красивая, земная, осторожная,
Любить тебя - мне не положено.

("Не влезай: убьет!" "Хода нет."
"Меняю бабу на марафет.")

Мальчик женится удачно.
(Впрочем, был ли мальчик?
Был ли он в меня влюблен,
Как в монахиню - Вийон?)

Не ходите в сутенеры,
Мои бывшие партнеры!
Я вас чаем угощу,
Я вас весело прощу.

* * *

Ты была непутёвой дурой,
Ты влюблялась сто двадцать раз.
Но когда траванулась микстурой –
Глупый ангел зачем-то спас.
Он хранит тебя про запас.

Ты была непутёвой дурой,
Ты влюблялась сто двадцать раз.
Но когда траванулась микстурой –
Глупый ангел зачем-то спас.
Он хранит тебя про запас.

Ты вернёшься в родные края,
Узнавая смешные приметы:
Вот любимая книга твоя,
Вот на стуле твои сигареты.

Очень мало найдётся вещей,
По которым тебя опознают.
Лучше их не иметь вообще.
Так жуки-мотыльки исчезают,

Растворившись в природе родной,
В перегнутое её пищевода.
И проклюнется травка весной,
И прекрасная будет погода.

* * *

Ты меня уже не забудешь,
Я рифмую на тыщу лет.
Ты меня уже не разлюбишь,
Потому что времени нет.
Ты меня уже не оставишь,
Ты меня уже не предашь,
А на полочку в шкаф поставишь
Среди прочих Наташ.

Ты меня уже не помнишь.
Снег - несвежая простынка.
Я не выхожу из комнат.
Я - больная, я простыла.

Ты меня уже не просишь
Сочинить статью-другую.
Ты меня уже не бросишь,
Если бросишь - так другую.

Ты меня уже не видишь
В облаках и снегопадах.
Ты со мной уже не выпьешь
-И спасибо, и не надо.

Справедливо, грустно, пошло,
Как спектакли в местной драме.
Ты меня уже не помнишь,
Потому что Бог - не фраер.

Закурю и выпью кофе,
И пластинку поменяю.
Я тебя уже не помню,
Я тебе - припоминаю.

* * *

Ты не видишь, как бегают белки
По зеленой от крови земле,
Ты не слышишь, как жалобно бесы
Обращаются прямо к тебе.

Твои волосы пахнут пожаром,
Толстый шмель залетает в окно.
Подчиняясь вчерашним кошмарам,
Ты снимаешься в этом кино.

Полупьяное расположение
Сновидений, деревьев, небес.
Только музыка будет движеньем
В направленьи, обратном тебе.

Отойди от прохладного ада,
Выйди из лесу, как из гостей.
Ничего не исправит бригада
Из двенадцати милых чертей.

Ты плакала, как маленькая дура, —
Такая у тебя клавиатура.

Ты приедешь в пологе медвежьем
И откинешь полог, как медведь.
Я умру измученной и нежной,
Люди соберутся посмотреть.

Может, соболиными бровями
Я ещё успею повести,
Чтобы, запахнувшись соболями,
Прохрипеть последнее "прости".

Может быть, цыгане и медведи
Будут в этот день приглашены.

Может, дядя Миша для соседей
Водочку значит от жены.

Может, время побежит обратно,
С золотых веков купоны стричь.
Может, сам вальяжный губернатор
Скажет вам высокопарный спич.

И начнется праздник небывалый,
И у дальней церкви зазвонят.
Под полозья полетят бокалы,
Ты посмотришь прямо на меня.

Может, сосны грянут вековые
В честь такой неслыханной гульбы:
Человека человек впервые
Умыкнуть пытался у судьбы.

Ты пройди со мной, пожалуйста,
До окраины Земли!
Там в озерах отражаются
Облака и корабли.

На слонах, на черепахе ли
Мы летим среди миров.
Мало жили, много плакали
И любили дураков.

Ты пройди со мной, пожалуйста,
Через лес и через ад!
Самым грустным будет занавес
И веселый путь назад.

Но пока мы только в термосы
Наливаем кофеек,
Проверяем наши компасы
И от спички огонек.

Все пути еще заснежены,
Не растаяла лыжня.

Все слова уже заезжены
До тебя и до меня.

Но - открыто, как красавица,
Улыбается февраль.
И деревья расступаются,
Словно поняли пароль.

Мы пройдем через окрестности,
Мимо смерти и реки,
Через маленькие мерзости
И большие пустыки.

Назови меня по имени,
Как травинку и щегла!
Жизнь казалась просто длинною -
А теперь она щедра.

Ты пройди со мной, пожалуйста,
До окраины Земли!
Там в озерах отражаются
Облака и корабли.

На слонах, на черепахе ли
Мы летим среди миров.
Мало жили, много плакали
И любили дураков.

Ты пройди со мной, пожалуйста,
Через лес и через ад!
Самым грустным будет занавес
И веселый путь назад.

Но пока мы только в термосы
Наливаем кофеёк,
Проверяем наши компасы
И от спички огонёк.

Все пути еще заснежены,
Не растаяла лыжня.

Все слова уже заезжены
До тебя и до меня.

Но – открыто, как красавица,
Улыбается февраль.
И деревья расступаются,
Словно поняли пароль.

Мы пройдем через окрестности,
Мимо смерти и реки,
Через маленькие мерзости
И большие пустыки.

Назови меня по имени,
Как травинку и щегла!
Жизнь казалась просто длинною –
А теперь она щедра.

Ты, как беззубый людоед,
Вгрызаешься в людей,
Не разбирая на обед
Ни трусов, ни вождей.

Ты, как стеклянный Водолей,
Не можешь ничего —
Ни превратить зверей в людей,
Ни более того.

Ты, как шкатулка без нутра,
Глядишь на белый свет:
Скорее злобна, чем добра,
Скорей глупа, чем нет.

Но: если «чистая доска» —
Не кличка, а итог,
Тогда — да здравствует тоска!
Всё — так, как хочет Бог.

У глухонемых особенные глаза,
Внимательные, потому что внимают.
Можно объяснить знаками, но объяснить нельзя:
Ангелы, знаешь, людей не понимают.

Не то с рыбалки подлёдной вернулись, чего-то пьют,
Беседуют на автобусной остановке.
И душу тихонечко переворачивают мою:
Шипит и брызгает, словно котлета в столовке.

* * *

У Усыниных

Подогрев портвейн, мы сели пить.
Как бы рук в слезах не замочить?
Мы напьёмся, словно на прощанье.
То ли пиццу ставить на огонь,
То ль тереть ладонью о ладонь,
Расставаясь с юностью прыщавой?

Мы увиделись в миллионный раз,
Словно все в один ходили класс,
Словно все с рождения знакомы.
В чем причина старости — Бог весть,
Но сейчас мы постареем здесь
И с трудом дотащимся до дома.

Дай портвейна тёплого глотнуть,
Зеркало пошевели чуть-чуть,
Лет на десять пусть помолодеет.
Мы в разлуку выйдем, словно в путь,
И холодный май ударит в грудь,
И последний вдох заледенеет.

Усынины, Елена и Владимир, - многолетние активные участники множества культурных проектов в Барнауле, придававшие тёплую дружескую атмосферу этим проектам. Усынины - лучшие друзья для многих барнаульских художников и поэтов, дорогие близкие люди, как близкие родственники, или даже ближе.

Улетели бабочки, улетели.

Улетели, легкие, как вороны.

Мы с тобой подсчитываем недели:

Не осталось ли чего на полкроны?

Мы с тобой подсчитываем потери,

Мы с тобою - бедные, как китайцы.

Улетели бабочки, улетели,

Только пепел пыльцы на пальцах.

Утром маешься от стыда,

Вспоминая вчера осторожно?

Восхитительно: ты - молода,

Безответственна, безнадёжна.

Ватсон, элементарно: стареть -

Значит, к лучшему измениться,

Научиться не сожалеть,

Не оправдываться, не стыдиться.

А пока это мутное утро -

Твоя карма и Камасутра.

На, пососи леденец,
Чтобы хоть чем-то заняться!
Это ещё не конец,
Будем глупить и смеяться,
Будем конфеты дарить
Всем, под горячую руку,
И вдохновенно курить
Осени сладкую трубку.

Февраль, бессонница снова
Велит душой холодеть.
В лицо снегопада ночного
Бесстрастно и молча глядеть.

И ощутить, поднатужась,
Хлебнув тоски и вина,
Свою никому ненужность -
Как тайной доблести знак.

Хемингуэи, Джиоконды,
Эйнштейн, опять же, по стенам...
Родителей молодые годы
Отностаьгированы нам.

Смотри: вот свитер водолазный,
Ремарк, "бабетта" на башке,
Транзисторы, make up отвязный,
Тринадцать стульев в кабачке.

Онассис, Кеннеди, Массандра,
Коктейль иллюзий и идей... -
Немиротворческим десантом
Заброшены из yesterday.

Телепортированы ловко,
Как детских книжек персонаж.
И эта нуль-транспортировка

Одушевляет наш пейзаж.

Жертвы поэтических турниров,
Жертвы диетических гарниров,
Символов фаллических, сатиров
И биологических сортиров,
Жертвы буколических просторов,
Жертвы металлических приборов,
Жертвы патетической брехни -
Это мы. Не мы. Они. Усни.

Холодные уколы дождика
В июне знойном и большом.
Картину модного художника
Пристроила я хорошо.

В стакан добавим позитива,
Не будем сочинять стишков.
Перехожу на детективы:
Кровища, трупы и любофф!

Спасибо, милосердный Господи,
За то, что тучи изобрёл!
Сегодня я видала поползня,
Он бы отважен, как орёл.

Хорошо курить на заправке,
Хорошо курить в октябре,
Хорошо валяться на травке,
Хорошо не стареть.

Хорошо, когда воду дали,
Есть изысканный мягкий сыр.
И ложатся мои медали
В основание чёрных дыр.

Хорошо: можно снять перчатки.
Хорошо: можно не говорить.
Я люблю курить на заправке.
Я люблю курить.

Храните письма,
В маленьких коробках,
Храните сердце
В отдалённых шкафчиках,
Храните память
В недоступных ящичках,
Но тщательнее прочего храните
Молчание.

ХРИЗАНТЕМЫ

Японцы едят цветы.
В Японии секса нет.
А я забыла, что ты
Дарил мне этот букет.
Сиреневые лепестки,
Я знаю, горьки на вкус.
А мне хризантемы сладки,
А я до тебя доберусь.

Цикорий, клевер, лебеда,
Тугие тромбы кровохлёбки...
Ты разбираешь без труда
Цветного лета заголовки.

Ложись в траву, пусть муравей
Переползает Гулливера.
Дыши, смотри – и стань живой,
Насколько хватит глазомера.

Цифры есть счастливые,
всякие приметы.
Я хочу любить тебя
Хотя бы до лета.

время режет остриём
Застывшего сиропа.
Скоро-скоро все умрём,
Чай, не Европа.

Что бы ни случилось —
Сама виновата.
Нежность измеряется
в вольтах и ваттах.

вы не бойтесь за меня,
Живучая порода.
Знает горло вкус глотка
Кислорода.

Чай с мелиссой, смородиной, мятой -
Я вдыхаю его, а не пью.
До чего же прохладный, приятный,
Упоительный был июнь!

И дождливый необычайно,
И душевных полный наград...
Говорят, что такое случилось
Сотню с четвертью лет назад.

Мы с друзьями волшебно тусили,
Как герои любимых книг,
Словно ампулу раскусили,

Богом вшитую в воротник.

Межпланетные переговоры.
Резюме: никто не умрёт.
Буйной зеленью прут косогоры,
И в крови бурлит кислород.

Чёрно-белое кино

Судя по всему, дождя не будет,
Не получится ч/б кино.
Кто меня не выдаст, не осудит,
Кто не съест - заучено давно.

Я люблю дожди 60-х,
Обновляющие всё подряд:
Грязь смывают, намывают золото
И надежды детские поят.

* * *

Читай стихи, на лайки нажимай,
Ворочай уголь, вспахивай гектары,
Верь в декабре, что будет Первомай,
Не пей, не лги, умей держать удары,
Из черепа крамолу удаляй,
Размножься, в обязательном порядке,
И никогда себе не позволяй
Забиться в истерическом припадке,
Убей в себе раба, убей жлоба,
Прости плебеям пошлость и измену –
И скучная, прекрасная судьба
Достанется тебе всенепременно.

ЧТОБЫ ВСТРЕТИТЬСЯ

Чтобы встретились два человека,
Нужно, чтобы совпали сны,
И глаза совпали, как реки,
И созвездия были равны.

Нужно сомнамбулически красться
Мимо всех, кто с другим лицом,
Мимо времени, мимо пространства,
Мимо страха перед концом.

Нужно память засыпать снегом,
Тополиным прахом до плеч.
Чтобы встретились два человека,
Нужно вечностью пренебречь.

Что-то сердце болеть начинает.

Что-то номер не отвечает.
Что-то муж головой качает,
Не подносит мне спичку, злодей.
Я пойду в темноте прогуляться –
Ничего, что домашние злятся
Я дойду до конца декораций
И увижу картонных людей.

Чьи-то чувства горячи,
Как последняя награда.
И весна - уже почти
Предпоследняя услада.

Чертыхаются грачи
Из-забрызги винограда.
И спешат, спешат врачи,

Предпоследняя бригада.

* * *

Шао сегодня пел, как бог,
Бедную душу распотрошил.
Мой депресняк захирел и сдох,
Мне небеса шепнули: - Дыши!

- Я тебя... - Я тебя тоже... - Yes!
Как я люблю эту часть Земли!
Несколько маленьких SMS
Чуть до экстаза не довели.

Вечер crescendo летит вперёд.
Вот Адонис, а вот Дионис.
Нет, Николенкова не умрёт!
Вверх по дороге, ведущей вниз!

Боль испаряется без следа.
Люди - волшебны, судьба - добра.
Что ж это делается, господа?
Чем заслужила я этот рай?

* * *

Шекспир

Победа - условность, она - в голове,
Когда разжимаешь объятья.
Четыре победы разделим по две,
Поскольку мы сёстры и братья.
В истории страсти не сыщешь концов,
Зашкаливает промилле.
Пора за кулисы тащить мертвецов
И выпить за старого Билли.

* * *

Шмель жужжит, как газонокосилка.

Комары кусают, как сёстры.
Выдыхается лета бутылка -
А была бездонной и пёстрой.

Ядовитые ягоды зреют,
Выцветают любимые платья.
Что сгорит, то уже не истлеет.
И расплакаться - тоже расплата.

* * *

Штирлиц

Он не курил натошак, как гой,
Водочку пил раз в год,
Деток любил, словно Лев Толстой,
Если Семёнов не врёт.

Зоологический пуст музей.
Где чуваку потусить?
А у разведчика нет друзей,
Путина можешь спросить.

Жил по секундам, как пел Кобзон,
Слушал Москву, грустил.
Вне эрогенных держался зон,
Габи - и ту пропустил.

Кофе глотнув, хотя бы эрзац,
Ждал письмеца от жены.
Унтер денЛинден - это абзац
В самом конце войны.

Наш не-Берлин от ненастья сер.
Гопники на углу.

Радиограмму примите, сэр:
Штирлиц, я Вас люблю!

Щелкаем семечки, на корточках сидим,
Вот кофе в средний род произвели...
Останется ли город невредим?
Кто защитит родной клочок земли
От писающих пивом по углам,
От гуннов, убивающих язык?
Меня сегодня цапнула пчела,
И это был не самый худший миг.

ЭПИГРАММА НА ГРИШИНА

С "Окаянными днями" в руках,
С головой в облаках,
Он идёт по холодной аллее
К Лорелее.

ЭПИКРИЗ

Волшебная анестезия
Мне выстилает путь из роз.
Прощай, моя тахикардия,
Гипотония и понос!

Настали времена другие –
И я мила, как добрый пёс.
Прощай, моя неврастения,
Шизофрения и склероз!

Меня немного починили,
Как в "Детском мире" паровоз.
Прощай, моя циклотимия,
Алкоголизм, психоз, невроз!

Играя мышцами тугими,
Стою в эффектнейшей из поз.
Прощайте, тремор, анемия,
Ринит и остеохондроз!

Бодра, как новенький ботинок,
Я выбегаю на мороз.
Прощай, энцефалопатия,
Бронхит, ангина... А больше у меня ничего и не было.

Эротика

Держать, кусать, посасывать, лизать,
Вдыхать и осознать, глотать со вкусом...
Как я люблю по городу гулять
Без видимых причин, спонтанным курсом,
Опустошая вафельный рожок
С бесстыдством подростковой Камасутры.
Свобода, лето, воскресенье, супер,
Пломбира эротический ожог.

* * *

Эротический кризис - в прошлом,
Сексуальный коллапс - тем паче.
Да, я стану такой хорошей,
Как ты видишь меня, мой мальчик!

Под завалами гардероба
Отыщу нарядные блузки.
Ведь теперь я - твоя зазноба

И нуждаюсь в перезагрузке.

Прохожу королевой в изгнание,
В каждом взгляде - жгучая тайна.
Ты мне пишешь такие посланья,
Что душа, как мороженко, тает.

Да, давненько эти созвездья
Нам, землянам, не открывались!
А всего-то курили вместе,
Пили кофе и улыбались.

Эта картина

Выводит из сплина.
Эта картина —
Глоток никотина.
Эта картина —
Зараза, ангина.
Эта картина —
Тебе, скотина.

Эти тайные встречи, отмазки на пять,
Неизбежные дома предъявы -
Тоже повод пока ещё не умирать,
Погонять лошадей до заставы.

Эти юные лица с восторгом в глазах:
Смотрят в рот, и на грудь, и на ноги -
Тоже повод ещё что-нибудь да сказать,
Чтобы целое вышло в итоге.

* * *

Эпикриз

Эти яблоки - белый налив –

Ночью падают выстрела глуше.

Денис Новиков

Эти яблоки падают вверх,

Очень медленно, роса а роса.

Не тошнит тебя, маленький червь,

В тесном круглом домишке без окон?

Задирают зеваки носы,

Ньютон перевернулся в могиле.

Как люблю я в такие часы,

Чтобы мне о любви говорили!

Это не кровь, это клюквенный сок,

Пиротехнический выстрел в висок,

Это круги, и у каждого свой,

Это мозги на краю винтовой

Лестницы, движущейся впотьмах,

Как манекен на шарнирных ногах.

О, пропустите из круга в круг!

О, центробежная сила разлук!

Не перейти за чужую черту! -

Лучше Метелицу перечту,

Чтобы понять, что трамвай — ад,

Что тополя — говорят.

Каждый бывал одинок, как бог,

Каждый заведомо одинок.

И если встречи — не в "Петухе",

То и зачаты — не во грехе.
(Для обожанья друзей и врагов,
Для одиночества без берегов.)

* * *

Это ничья квартира.
Это ничьи полмира.
Это не мой мужчина.
Тундра и чертовщина.

Это октябрь нежнейший.
Это движение женщин
Из никуда - к победе,
Черным по белому.

Подъезжала электричка.
Я дрожала, словно спичка,
Обгорелая, как точка
В завершающей строке.

Кто собачку утешает,
Тот и живота лишает,
Смотрит - и не понимает,
Видя бритвочку в руке.

Это стихи на случай.
Это трава в падучей -
Маленькая, живая,
Для виноделов края.

Это молчанье страха.
Это ничья рубаха.
Пошевели рукав:
Выпадет мертвый птах.

* * *

Это слишком тепло, чтоб надолго,
Слишком больно, чтоб стало больней,
Слишком даром, чтоб было дорого,
Слишком дорого, чтобы - мне,
Слишком всласть, чтоб пуститься по миру,
Слишком щедро, чтоб подарить,
Слишком вечно, чтоб вечно помнить,
Слишком глупо, чтоб повторить.

Это только капля воды, сползающая по ноге.
Нарисуй себе девушку с белкой - и наступит лето.
Стань красивой, как ведьма, утони в незнакомой реке,
Напиши про это роман и забудь про это.

Это только осколок любви воткнулся в ребро.
Это так же легко забудется, как сочинилось.
Нарисуй себе облако: золото и серебро,
Улети подальше и сдайся на чью-нибудь милость.

Я - красивая, я - хорошая,
У меня проблемы с подошвами,
С каблуками, носками, колготками,
С дураками и идиотками,
С сапогами, парфюмом, косметикой,
Чувством долга, моралью и этикой,
С авторучками и блокнотами,
С ремешком на часах и банкнотами,
С неразборчивым, видимо, почерком,
С отношением к маленьким почестям,
Со старушками в летних троллейбусах,
С женским кризисом тридцатилетних,

С дочкой-ангелом, с мужем-блондином,
С местным климатом, с английским джином,
С каждым днем и, похоже, с начальством...
Здесь прервемся: бумага кончается.

Я буду цинична, я буду нагла.

Жаль, раньше такую я быть не могла.
Однажды в студёную зимнюю пору
Я из дому выйду, пряма, как игла.

Ручные мужчины идут в поводке,
Сонеты Шекспира лепечут в тоске.
А я попиваю прохладный мартини
В шезлонге на белом приморском песке.

Я - чайка, я - чайка! Я буду орлом!
Любая монета мне ляжет орлом.
Быть женщиной - древний испытанный способ
В извечной борьбе позитива со злом.

Я видела, как загорается сердце
В ночном фонаре, в одинокой груди.
Я видела, как умирает желанье
В гниющих прожилках опавшей листвы.
Я видела, как серебрится улыбка
На лицах дождя, разрывающих ночь.

Я живу носить пальто,
Ты живёшь не умирать.
М.Гундарин

По сравнению с остальными,
Мои ноги длинны.
Я любила книги иные
Тогда, до войны.

Вы Гундарина не читали?
Я – для носки пальто.
Я забыла, с кем воевали.
Я забыла, за что.

Я знаю бездомье, я знаю уют,
Я знаю, где в городе сидр продают.
Я знаю, как вечером жрут комары,
Как выиграть даже без правил игры,
Как выиграть без объявления войны,
Как мысли читать, заколдовывать сны,
Как жизнь обесточить, как душу спасти,
Как тело во времени перенести.
Я знаю, как «нет» превращается в «да»,
И как до воды называлась вода,

Как миг превращается в пепел и снег,
Кто будет последний живой человек.

Я найду тебя в зарослях дрока,
Ты найдешь меня только во сне.
Почему говорят, что жестока
Эта жизнь со звездой на спине?

Протяженные гласные звуки
Протянулись в такие края,
Где смешны и слова, и разлуки,
И твоя нелюбовь, и моя.

Я научу тебя пить абсент -
Если захочешь, потом.
Я одолжу тебе под процент
Счастья шестнадцать тонн.

Буду твой ангел и твой кумир,
Так-то вот, абстинент!
Мы разбомбим этот скучный мир!
Только сначала - абсент.

* * *

Я не хочу есть, я хочу только спать -
Долго-долго, всегда.
Черно-белые образы перебирать,
Чтобы слезы были вода.
Помнишь, Марина, бумажных писем тепло,
В Бресте твоём — кофе и новые шляпки?
Господи, как все ушло, куда все ушло?
Ветер и снег, и пустота в охапке.

* * *

Я опишу сто оттенков тоски,
Я перейду на легчайшую прозу.
Смелые вымыслы будут тонки,
Будут отточены смелые позы.

Мерзнут ладони, глаза не горят.
Дети растут, кометы летят.

Я от ненужных дружб, как от больниц устала.
Смотри на мир, дурак, оттаяло окно.
Смеются зеркала, летают одеяла,
Все лица королей сливаются в одно.

Друзья - колода карт, разбитая колода.
Опять одна? Не плачь, до свадьбы заживет.
И только пошляки шепнут: "Чего угодно?..."
И только дама пик, оскалась, подмигнет.

Я помню запах лебеды,
Зловонье пареной калины —
Всё это запахи еды,
Несытой жизни и недлинной,
И не моей, и не твоей,
И не соседа-оборванца.
Я знаю запахи полей,
Ванили, мокачино, глянца,
Помойки, ДДТ, дерьма,
Морского берега, озона...
Я их запомнила сама,
Без всякой цели и резона.

Я руки на себя не наложила.
Вообще не наложила ничего.
Сверкающая радостью пружина –
Частица организма моего.

Люблю я Ленинский в начале мая.
(О, не таким он будет к ноябрю!)
И, кажется, всех встречных понимаю
И всех люблю. Но им не говорю.

Да, было дело, смерти я хотела
В лихие пубертатные года.
...Что зацвело – ещё не облетело.
Смирись, мой ангел, это – навсегда.

Я сижу на зелёной траве,
У меня облака в голове,
У меня золотые волосы,
У меня на запястьях полосы.

Я сижу на зелёной земле.
И понятно, что дело к зиме –
Но какая-то птица вверху
Обещает ку-ку да ку-ку.

Я сложно — не могу, а просто — страшновато:
Как примитивна жизнь, и женщина, и стих!
Ты — белый человек, я — чукча, Гайавата,
Мне до утра плутать в метафорах твоих.

Есть ложь в моих глазах и запах пепла — в розе.
От детских дежа вю я головой слаба.

Была бы я пьяна — я б написала в прозе,
И объяснила всё, и поняла сама.

И, видишь ли, больней моё непониманье
От близости к твоим мифическим местам.
Я сделаюсь равна твоим воспоминаньям,
Мы обретем язык, мы встретимся, но — там...

Я чищу мундштук: "БТ - дефицит.
А в Н-ске любовь моя с кем-нибудь спит.

Эх, жаль, не могу - ого-го, эге-гей!-
Я морду начистить любви моей.

Я чувствую, ничто, ничто не поздно.
Давай бродить вдвоём и налегке!

Ведь зелен мир, и бесконечен воздух,
И синий лес – как горы вдалеке.

Такого солнца не было ни разу,
И карусель раскрашена пестро,
И на базаре весело и празднично,
И запах детства беречит нутро.

Японцы едят цветы.
В Японии секса нет.
А я забыла, что ты
Дарил мне этот букет.
Сиреневые лепестки,

Я знаю, горьки на вкус.
А мне хризантемы сладки.
А я до тебя доберусь.

Часть вторая

Интервью

06.03.2008 02:54

Наталья Николенкова: Наверное, я меньше всех знаю, что на самом деле значит быть женщиной

Известная алтайская поэтесса размышляет, что это значит - быть женщиной

Владимир Токмаков (Барнаул)

Читайте наш канал в Telegram [Актуальные новости о значимых событиях нашей жизни](#) Подписаться

По мнению многих критиков, известная барнаульская поэтесса, теле- и радиоведущая Наталья Николенкова - один из немногих алтайских авторов, кому удалось создать свой поэтический стиль, свою поэтику. Она лауреат Демидовской премии в области литературы, ее стихи узнаваемы, их не спутаешь ни с какими другими. В то же время она всегда остается символом настоящей женской красоты, предметом воздыхания многих мужчин.

Российская газета: Наташа, накануне Международного женского дня 8 Марта я хотел задать тебе вопрос о...

Наталья Николенкова: Только давай не будем про любовь. Эти высокопарные вопросы, которые обычно задают поэтессам.

РГ: Хорошо, тогда другой обычный вопрос, который задают поэтессам, - ты помнишь, когда написала свои первые стихи?

Николенкова: Первое стихотворение было написано во втором классе после падения зимой с забора вниз головой. Причем на лед - дело было на дворовом катке. В результате - сотрясение мозга и... первые стихи. Школьные стихи! Все эти сюси-пусы, беспомощный, детский лепет.

В университете, на филфаке, все сочиняли, переписывали на лекциях любимые стихи в тетрадки, читали друг другу по телефону. Там у меня появилась своя аудитория, свой круг, и оказалось, что мои стихи кому-то интересны. А вообще, я свой личный литературный архив не собираю, хоть и фетишистка.

РГ: Тебе было 23 года, когда вышел твой первый сборник стихов. В советские годы в таком возрасте авторы редко издавали свои книжки - ты, должно быть, сразу проснулась знаменитой, было много отзывов?

Николенкова: Ага, в одной рецензии в каком-то советском журнале написали: "У автора в стихах много образов дождя, но ведь дождь может быть разный - может быть на пользу урожаю, а может быть и во вред". А проснулась я обычной учительницей русского языка и литературы в деревенской школе. После четвертого курса я ушла в академический отпуск и уехала в деревню Большая Шелковка Рубцовского района работать в школе. И о выходе своего сборника узнала много позже, когда дошли новости от барнаульских друзей.

Что касается издания сборников, я по своей сути человек очень неорганизованный - долго не могла собрать рукопись, отнести редактору. Помню, мне позвонили из издательства и попросили фотографию. А у меня не было такой, какая бы мне нравилась. И я отнесла им фото моей мамы в молодости. Редактор даже не заметил, потом, когда книжка уже была в верстке, я все-таки призналась в подмене, и фото заменили.

Я никогда не суежилась, чтобы издать свои стихи. Просто мне везло на хороших людей. Вторую книгу "Девятое марта" помог опубликовать Валерий Тихонов, третью, которую я назвала "Карманная психиатрия", издал Виталий Коньшин.

РГ: А гонорар за первую книгу заплатили?

Николенкова: Заплатили - и по тем временам очень приличный, больше тысячи рублей. Я таких денег сроду в руках не держала!

РГ: За полторы тысячи в 1980-х годах можно было купить мотоцикл "Ява" - мечта всех советских парней. А на что ты потратила первый гонорар?

Николенкова: Я отдала деньги маме, правда-правда!

РГ: А как богемная, городская, как сейчас бы сказали, модная поэтесса оказалась в деревне?

Николенкова: Моя однокурсница написала мне: хочешь по-настоящему почувствовать свою социальную полезность - приезжай работать в деревню. И я поехала, думаю, стану ближе к земле, придут покой и умиротворение... Мне достался пятый класс. Помню, кто-то из моих учеников подходит ко мне и говорит: "Знаете, Наталья Михайловна, моя бабушка сказала: ваша новая учительница сумасшедшая. Она идет за водой к колонке и поет!". С детьми у меня сложились отличные отношения, доверительные. Я носила в

школе книги на голове - ну, хорошее у человека настроение! А мне говорили: у нас так не принято или - в таких юбках у нас не ходят.

РГ: Юбка была слишком короткая?

Николенкова: Наоборот, длинная, но красного цвета и особого покроя. Я не жалею о времени, которое я провела в деревне, - новые стихи, переписка с друзьями, тогда еще был жив эпистолярный жанр, а сейчас даже не помню, когда последнее письмо написала.

РГ: Сейчас тоже пишут письма, только по электронной почте.

Николенкова: Нет, эти письма какие-то поспешные и неживые, слишком функциональные и по стилю, и по содержанию. Я вообще чувствую себя человеком XIX века. Раньше думала, что проблемы отцов и детей не существует, а сейчас, когда у самой 16-летняя дочь Саша, поняла, что ошибалась. Они другие. Если я в ее возрасте читала книжки, ее увлечения - компьютер, современная музыка, она меня иногда спрашивает: "Мама, неужели ты не знаешь эту певицу"? А я в ответ: "А ты знаешь, кто такой Шопенгауэр?"

РГ: Как сложилась твоя жизнь после первого поэтического успеха?

Николенкова: Пошли публикации в московских журналах, альманахах, антологиях, а потом наступили 1990-е годы - и все закончилось, как будто бы поэзию запретили, - она почти исчезла из жизни страны.

РГ: В стихах ты предстаешь человеком глубоко одиноким, но, насколько я знаю, ты всегда окружена друзьями, поклонниками, любимыми мужчинами?

Николенкова: Я же пишу не о физическом, а о душевном одиночестве. Внешняя жизнь и внутренняя идут параллельно. Разве человек не рождается один и не уходит из жизни один? По большому счету, я замкнутый, депрессивный человек, хотя многие меня считают безумной оптимисткой.

РГ: Ты никогда не задумывалась, почему у русских поэтесс такие трагические судьбы?

Николенкова: Они сами часто пишут в стихах страшные вещи - а слово имеет особенность материализоваться: "Дай мне долгие годы недуга, задыханья, бессонницы, жара, отними ребенка и друга..." Опасно писать такие вещи.

РГ: Почему ты не уехала в Москву или Петербург? У тебя были бы другие возможности, более широкая известность...

Николенкова: Я люблю свой город, в этом вопросе я, наверное, человек консервативный, провинциалка по натуре, что ли... Здесь, даже если я потеряю работу, я никогда не останусь голодной, всегда найдутся люди, которые меня покормят, дадут переночевать. Мне уютно в Барнауле, этот город соразмерен моему миру, большие города меня пугают. Со студенческих времен люблю аллею от Октябрьской до площади Советов

или место у памятника Василию Макаровичу Шукшину на Солнечной Поляне, где часто гуляю.

РГ: А возможно ли реализовать поэту в провинции?

Николенкова: В наше время это - вопрос пиара, рекламы, продвижения, рыночных технологий. Ты можешь сидеть в тьмутаракани, но при наличии хороших литературных агентов тебя будут издавать и читать везде. В каком бы городе ни жил поэт, на его таланте это никак не сказывается.

Сегодня, мне кажется, у молодых нет настоящего драйва, веры в будущее, надежд на большие перемены, которые были у нас на заре перестройки в конце 1980-х годах, когда наша молодость совпала с новыми временами.

РГ: У тебя очень открытые стихи, читая их, можешь все узнать о поэте, не боишься такой самообнаженности?

Николенкова: Это скорее психотерапия такая. Моя мама прочитала сборник "Девятое марта", вижу - вроде довольная, гордится дочерью, но в то же время говорит: "Наташа, ну представь, прочитает эти стихи человек, который тебя не знает. Что он подумает? Что ты только пьешь, куришь да другими непотребствами занимаешься?"

РГ: "Избранное" не хочешь издать?

Николенкова: Пока рано! Может, как сказал один местный поэт, уж лучше посмертно. Моя подруга Фарида Габдраупова решила издать книгу на свои деньги, а перед этим говорит: "Вот хожу и думаю, что сделать - шубку купить или книгу издать?" Книга победила!

РГ: Трудно поэту вписываться в социум?

Николенкова: Мне нет, я всегда занималась только тем, что мне нравится. Хотя телевидение было в большей степени случайностью, чем радио. На радио мне нравится то, что общения много и тебя не видно (я всегда без прически). Не люблю, чтобы на меня смотрели, и на телевидении, где я веду программу "Быть женщиной", мне кажется, что я кривляюсь. Ведь я меньше всех, наверное, знаю, что на самом деле это такое - быть женщиной...

Наталья Николенкова объяснила читателям, из какого сора растут стихи

Источник: Свободный курс

Автор Вячеслав Кондаков

21 марта все прогрессивное человечество отмечало учрежденный ЮНЕСКО Всемирный день поэзии. По такому поводу мы пригласили в гости лучшего,

по мнению критиков и множества читателей, поэта нашего края.

Башкой с забора

– Я пишу стихи со второго класса, после знаменитого падения башкой с забора на каток. Хронологически так, по крайней мере.

– В 90-х годах мы еще были социально и сексуально активны, мы были достаточно молоды, время было еще нашим.

– Сначала появились люди, в головах у которых было много букв. Они что-то писали, что-то писала я; это было интересно и им, и мне. А потом после этих студий и прочих общений был долгий период затишья, я в вообще думала, что уже вся эта жизнь умерла. Но все началось снова. Я с ужасом и счастьем осознаю, что люди пишут, читают и все это им нужно. Потрясающе.

– Тот же Мухачев, конечно, будет покруче меня. Я его начиталась – блин, думаю, а у меня розы-морозы, все так примитивно. Мне, как человеку, рожденному второго числа, и так-то свойственна патологическая неуверенность в себе...

– У этих детей вообще другой способ жонглирования словами, чем у нас, и мозги не такие заржавленные, чего скрывать.

– В свое время, лет двадцать назад, мне очень понравилась одна фраза Михаила Гундарина. Как раз пошли политические пертурбации, и я комплексовала – мне это было скучно, неинтересно. И Миша сказал мудрую вещь: "Наташа, девушка должна любить пирожные с кремом и не разбираться в политике".

Звезда Интернета

– Поэзия более простой способ организации речи, чем проза, мне кажется. На какой-то встрече в школе дети меня спросили: "Вы, наверное, любите рок, а как вы относитесь к рэпу? Не считаете ли вы, что в рэпе порой попадаются философские глубины?" Я им говорю: "Дети, я вашим рэпом могу весь день разговаривать".

– Я работаю на радио, вот и все. Я, конечно, не хочу обратно на телевидение, это совершенно не мое, я не люблю, когда меня видят. Не люблю расчесываться, краситься...

– Моя дочка уже в 12 лет сама покупала себе сапоги. У нее хороший вкус, она все это любит, она еще в школу не могла пойти, не подкрасившись. И я думаю – вот она проживет мою женскую жизнь непрожитую, со всеми эти вашими женскими штучками.

– Сейчас, во времена Интернета, поэзия может быть здесь, там... везде. В чем-то она обесценивается от этого. Поэт – звезда Интернета... Не знаю, как сказать.

– Я плохо знаю современную поэзию, да. Вот ткнули меня носом в Верочку Полозкову – я прочитала. Подарили сборник Веры Павловой. Двадцать страниц читаю – хорошо. Сорок – зачем? Читаю шестьдесят – и в результате пишу в записной книжке: "Тратататататата, в общем неплохи гинекологические женские стихи". Не хочу рифмовать сперматозоид... Это физиология

– Когда вот так пишешь, то думаешь: ну какой я профессионал. Я должна сидеть, корпеть, зачеркивать, рвать волосы на голове. А я просто села и написала. Значит, я дилетант.

– Мне стали ближе заметки Маяковского о поэзии: сначала ритм появляется, ноги вышагивают какое-то слово... Поэзия – это физиология. Все равно – физиология. Я вышла, может, в лужу наступила, донесся запах с помойки – причем я не утрирую, какой-то стих был именно запахом с помойки навеян. Ну, естественно, гормональные какие-то дела – грубо говоря, в кого-то влюбилась. А иногда я начитаюсь хороших чьих-нибудь стихов, пишу и, мне кажется, эпигонствую напропалую.

– Мне всю жизнь казалось, что я как-то незаслуженно обласкана, любима и люди вокруг всегда хорошие. Но потом успокаиваю себя, что подобное притягивается подобным, хе-хе.
Наталья Николенкова о том, как рождаются стихи и создаются фильмы

Интервью:

Георгий Байдуков

№1. Ваша газета на Алтае

№ 122

Досье: Наталья Николенкова

В нашей постоянной рубрике «Стиль жизни» замечательная поэтесса, а также ведущая телевизионных и радиопрограмм рассказывает о себе и своих увлечениях. Наталья Николенкова — личность многогранная: за свою жизнь она успела выпустить три сборника стихов, окончила музыкальную школу, ее голос звучит каждый вечер в радиоэфире, а еще Наталья призналась, что очень любит читать. Но обо всем по порядку.

На одно из любимейших занятий — чтение — у нее уходит практически все свободное время. «Могу читать даже на ходу. В детстве по ночам забиралась под одеяло с фонариком и погружалась в мир любимых героев. Мама старательно прятала от меня книжки, чтобы я в итоге не потеряла зрение, но я всегда знала, где хранятся сокровища, тайком доставала их, а потом возвращала обратно.

Если говорить о взрослых предпочтениях, признаюсь, что уже давно испытываю огромную и неизменную любовь к Набокову, Бродскому. Вообще, мои литературные пристрастия весьма разнообразны. К примеру, в последнее время я всерьез увлеклась творчеством Дмитрия Быкова, хоть он и несколько однообразен в своих мрачных политических и социальных размышлениях.

Коллеги даже подшучивают надо мной: «Благодаря таким, как ты, Россия еще сохраняет звание самой читающей страны».

Страсть к книгам приоткрыла еще одну дверцу в моей карьере. В последнее время в передаче «Культурная среда», которую ведут Аня Ветрова и Никита Лойк, в разделе «Прочтение» у меня маленькая рубрика — «Книжный обзор». Каждую неделю беру шесть книг, изучаю их и высказываюсь по поводу прочитанного.

И за строкой рождается строка...

По мнению Натальи, чтобы писать стихотворения, нужно быть мужчиной, ведь это серьезная формальная работа. Для нее же творчество — просто выплеск эмоций. «Я начала писать после того, как во втором классе упала с забора и ударилась головой об лед на катке», — шутит Наталья. По словам поэтессы, для создания стихотворений нужен некий внешний импульс. Внутренняя же готовность к написанию есть всегда.

— Сейчас мне близка теория Маяковского, раньше казавшаяся совершенно бессмысленной. Она о том, что сначала рождается ритм, а следом за ним все остальное. У меня чаще всего появляются одна-две строчки — как правило, начало и конец, а потом заполняется дистанция между ними.

Специально не занималась составлением сборников, но со временем у меня вышли три книги — «Чтобы встретиться», «Девятое марта» и «Карманная психиатрия».

О важнейшем из искусств

— Кино предпочитаю авторское — картины Киры Муратовой, Андрея Тарковского. Вообще сейчас стало приятно ходить в кинотеатры на любые фильмы, — говорит Наталья.

Сама Николенкова однажды снялась в полноформатном документальном фильме Игоря Голованова «Улыбка на лице дождя», в котором поэтесса сыграла саму себя. А вот на телевидении она задействована сразу в нескольких проектах.

— Впервые на телевидение я попала благодаря Евгению Бедареву. Он пригласил меня в качестве гостя на одну из передач, на меня посмотрели и подумали: почему бы не попробовать в качестве ведущей? Получилось неплохо, и я стала вести утреннюю программу «Доброе утро, Алтай!», а потом и другие. Сейчас на ГТРК «Алтай» веду передачу «Быть женщиной», — делится Наталья. — Кроме того, на «Радио 7» в вечернем эфире веду Club 7, где общаюсь с радиослушателями на различные темы.

На волне

Кроме классического образования (филологический факультет АГУ. — Прим. ред.), Николенкова получила и музыкальное, окончив школу по классу фортепиано.

— В детстве не выносила скрипку, а когда выросла, поняла почему — она на меня сильно действовала в эмоциональном плане. Мне нравится классическая музыка, джаз. К сожалению, в этом году еще ни разу не была на симфоническом концерте, мечтаю сходить в филармонию. А еще люблю бывать на выставках многих алтайских художников.

Барнаул навсегда

— В детстве часто бывала в Петербурге, очень хорошо знала каждый уголок Эрмитажа, каждую картину. Я в восторге от этого города, но жить там никогда не хотела, чтобы не привыкать ко всей этой прелести и не воспринимать его как просто среду обитания. Я и сейчас приезжаю туда как домой, но жить хочу в Барнауле.

http://www.litkarta.ru/dossier/nikolaenkova-rg/dossier_20607/view_print/

Наталья Николенкова: «Мое детство еще не кончилось»

Статья по теме

Григорий КУЗНЕЦОВ. Дорогой подарок

Поэтический талант Натальи Николенковой был признан очень рано. Известная далеко за пределами Алтайского края, она, как героиня популярной песни Андрея Макаревича, идет по жизни смеясь, и пишет книжки, в которых вызывающе несерьезно и шутливо рассуждает о предметах важных. Чем и привлекает не одно поколение читателей и читательниц.

Из автобиографии Николенковой:

«Родилась в Барнауле в семье инженеров. Отец из астраханских казаков, мама из питерских крестьян. Окончила среднюю школу №25 с золотой медалью, музыкальную школу №3 по классу фортепиано без орденов. Читаю с трёх лет. Стихи пишу со второго класса, активно – с поступления на филологический факультет Алтайского госуниверситета. Рост 1.72, вес 60, глаза серо-рыжие, иногда зелёные. Характер остический, мягкий. Достижения: одна дочь, четыре книжки («Чтобы встретиться», «Девятое марта», «Карманная психиатрия», «Малютка жизнь»), миллион друзей, божественно прекрасных».

– Вопрос первый и нескромный... Наталья, скрываете ли вы свои года? Необходимо ли это женщине, а в особенности поэтессе?

– Нет, не скрываю. Я как раз из тех женщин, о которых Оскар Уайльд сказал: «От женщины, которая не скрывает своего возраста, можно ждать чего угодно». Тем более, всё равно скоро попаду в энциклопедии, а там всё конкретно сообщат (это не шутка). С другой стороны, психология: тебя считают молодой, а скажешь возраст – начнут замечать морщины и т.п.

Раньше наши с Фаридой дочери (мы однокурсницы, родили довольно поздно) нас молодили, а сейчас выросли, кобылицы, и наш сороковничек стал явным. Вот Фарида, кстати, свой возраст не выдаст даже под пыткой. Хотя, согласитесь, скрыть свои годы может Марь Иванна Пупкина, а мы, знаменитости вроде Людмилы Гурченко – нет. Двадцать лет в литературе, и это все знают.

– Каждый человек творит о себе легенду. Расскажите вашу легенду.

– Пусть легенды обо мне появятся в чьих-нибудь, как говорила мама Мумитролля, «мемаурах». Единственное и всем уже известное: упала во втором классе с забора головой на каток – и с тех пор стала писать стихи. Ну, и ещё знаменитая встреча с Андреем Вознесенским...

– Говорят, что всё у поэта из детства. Что «утащили» из детства вы?

– Мне кажется, моё детство ещё не кончилось. Некий инфантилизм, он же непосредственность, наверно, скоро будет выглядеть комично, да и бог с ним. Мне кажется, осталось внимание к мельчайшим деталям. Например, многие люди даже головы не поднимут, чтобы увидеть радугу. И тут на них налетаю я: «Смотрите, радуга! Смотрите, снегирь!»

...Запахи – моё всё. До трёх лет (когда мама научила читать) приносила папе свежую газету, выбрав её из всех по запаху.

– Чем, на ваш взгляд, мужчина может удивить женщину?

– Ничем. И всем. Тем, что взял и влюбился в неё (с чего бы?) Дарили мне, конечно, ведро роз – но эти материальные эквиваленты чувства, по большому счёту, фигня. Вот стихи – уже кое-что (их было предостаточно, и продолжаются.) Просто неожиданная волшебная встреча. Шубы-побрякушки-белые жеребцы-чёрные автомобили – их прелести не поняла до сих пор.

А вообще, мужчина сначала вовсю старается удивить-поразить, создаёт образ мачо или падишаха, а потом оказывается ровно таким же, как ты, тонким, ранимым, рефлексирующим – короче, человеком.

– Храните ли вы свои рукописи? Любите ли свой почерк? Какой он у вас?

– Совсем ранних школьных стихов не сохранилось. А так – лежат в шкафу тетрадки, в хронологическом порядке. Я, при внешней безалаберности – учёный малый, но педант. Почерк у меня круглый (видно, я – мягкая и пушистая?), без наклона. Буквы п, ж, г, у разобрать практически невозможно, если пишу кому-то – выписываю их специально поразборчивей. Кто-то говорил, похоже на арабскую вязь. Пишу, кстати, не точно на строчке, а повыше. Мне почерк, конечно, нравится. Нам ведь и собственные козюльки из носа нравятся, да?

– Когда вас впервые назвали поэтом?

– Не помню, честное слово. Я, по крайней мере, до сих пор себя так не называю. А при слове «творчество» моя рука тянется к пистолету.

– Творческий человек любит эпатаж. Одни скандалят в жизни, другие – на бумаге... Нужен ли эпатаж вам?

– Мой эпатаж, если он есть, неволен. Всегда любила не в перьях-блестках на сцене стоять, а тихонечко в уголке сидеть, других слушать. Алёна Воеводина (двадцати лет) в один из заездов компании Корнева в Красилово сказала мне: «Ты делаешь много такого, чего я сделать бы не смогла». Я в недоумении: чего я такого делаю? Живу себе и живу как попало. Одеваюсь, например, как Бог на душу положит (отмазка: стиль фьюжн), и слышу: «Стильно, необычно...» или: «Курт Кобейн родился?» Захочется – буду прыгать-скакать, в снегу валяться...

В стихи проникают слова из сегодняшней жизни. Понимаю, что общение с молодыми стихотворцами, и не только, на мою лексику-синтаксис повлияло. Бытие определяет стихосложение, это нормально.

Сознательный эпатаж не моё. Я скромное дитя советской эпохи, когда все деревья были большими, а все пальто одинаковыми. Мама всё детство долбила: «Ты ничем не лучше других, надо быть скромнее...» (В школе все «пятёрки», золотая медаль, все дела. А я устные уроки никогда дома не учила, всё с лёту запоминала).

Не знаю, в тему ли. Один батюшка после причастия сказал обо мне: «Хорошая девочка. Только гордыню немного победить...» Да я всю жизнь искренне отреклась от тщеславия и его производных! Видно, это и есть один из признаков гордыни. А, вот ещё дочь моя Саша меня не читает. В период алтапрессовских баталий на литературные темы я, для поддержания материнского авторитета, прочла ей вслух отзыв Вячеслава Корнева (самого Корнева!) о моих стихах. Там столько было восторженных эпитетов, что я сама едва не поверила в собственную гениальность. И тут Сашечка моя ласково так говорит: «Мама, осторожно, осторожно! Корона свалится...» Вообще, мы с Фаридой, как правило, работаем на контрасте: королева – и серая мышь. Угадайте, кто мышь.

– По Пушкину, «мы все глядим в Наполеоны». Какие у вас наполеоновские планы?

– Ни наполеоновских, ни кутузовских. Абсолютно не плановое у меня хозяйство. Если это не фатализм, то пофигизм... Плыву по течению, пока (тьфу-тьфу-тьфу!) удачно. Хотя если завтра принесут Нобелевскую премию – не откажусь, возьму, не побрезгую. Книжки-то все как-то сами собой издались (точнее, благодаря Алтайскому книжному издательству, Валере Тихонову, Виталию Коньшину, Михаилу Гундарину). Паразит я на теле общества...

– Хотите ли вы, чтобы ваши дети писали стихи?

– Дитя стихи писало, сейчас, вроде, нет. Интернет, шоппинг, салоны красоты – это ей ближе, и слава Богу. Пусть живёт как девочка, а не как безумец. Саша, проживи все эти женские радости за меня! А я за тебя, так и быть, ещё тысячу книг прочитаю. И что-нибудь напишу.

– Женщина хранит житейскую мудрость, а потому любит афоризм. Ваш девиз?

– Любимых афоризмов много, включая матерные из Ирвина Уэлша. Они возникают в связи с жизненными ситуациями и настроением. Франц Кафка: «Вы перенесли встречу со смертью. Это укрепляет». Есть и собственные, например: «И будешь ты царицей мира, Голубка дряхлая моя!» Или: «Жизнь – дерьмо, но плыть надо».

Записал Константин Гришин

<https://altai.aif.ru/culture/52750>

22 октября 2010 15:21

Барнаульская поэтесса Наталья Николенкова презентовала новый сборник стихов "Малютка жизнь"

21 октября героиня вечера появилась в конференц-зале Интернет-образования АлтГУ как волна, которая смывая песок обыденности, захватывает тебя в своё морское пространство. И с этой волной твоя душа-щепка вдруг оживает и превращается в парусник.

Наталья Николенкова презентовала свою новую книгу.

Наталья Николенкова презентовала свою новую книгу.

Олег Богданов

Наталья Николенкова презентовала свою новую книгу. Источник: Олег Богданов

Из сборника Натальи Николенковой "Малютка жизнь":

Вот главное: не выпадай из ритма.
Вот главное: не выпускай из рук
Малютку жизнь, как маленькую скрипку.
Любовь иль ничего - одно их двух.
Вот главное: отдаться, как течению,
Непостижимым волнам звуковым.
И пусть известно место назначения.
Путь - есть, и остаётся таковым.

Маленькая белая книжица с бабочкой в уголке обложки - третья книга поэтессы, ставшей в этом году победительницей конкурса журнала "Барнаул – Литературный" в номинации "Мастер".

Открывая презентацию, поэтесса поблагодарила трёх китов "Ликбеза": Михаила Гундарина, Вячеслава Корнева и Владимира Токмакова. Наталья Николенкова, поэтесса, радиоведущая:

Токмакова прежде всего за то, что он меня поцеловал в хрустальном гробу, в смысле вытащил на свет Божий. Я тогда сто лет никого не видела, ничего почти не писала, И вдруг он вытащил меня на какую-то литературную тусовку и как-то снова в голове всё заработало. Корневу низкий поклон - за "Ликбез" и киноклуб, и Гундарину за эту книжицу.

Михаил Гундарин,
редактор журнала "Барнаул - Литературный":

Этот конкурс проводился впервые в двух номинациях: "Мастер" и "Первая книга". Мы сразу решили, что главным призом будет безвозмездное издание книжек авторов-победителей. В жюри входили и представители редакции, и маститые филологи, в частности профессор Вячеслав Десятов. Заявки на конкурс подали около 30 человек, поэтому рукописей было представлено достаточно много.

Практически единодушно мы пришли к выводу, что лучшая рукопись в номинации "Мастер" у Натальи Николенковой, а в номинации "Первая Книга" у Дмитрия Мухачёва.

Потом эти книги были изданы, не без приключений. Мы обещали их выпустить ко Дню города и презентовать с чтением стихов, музыкой на площади Сахарова. И вот 1 сентября получаем тираж, и у нас глаза начинают вылезать из орбит. Все книги были с типографским браком. Мы из этих 500 экземпляров отобрали шесть, более или менее приличных и довольно стыдливо вручили авторам. После этого пришли с типографией к соглашению, и они нам через месяц весь тираж перепечатали. Сейчас, все эти книги у авторов, которые вправе распоряжаться ими по своему смотрению. Если всё будет нормально, то мы объявим новый конкурс в январе и к следующему Дню рождения города выпустим ещё две новые книги.

Презентация "Малютки" состоится также 30 октября в актовом зале библиотеки имени Шишкова.

Марина Кочнева

<https://altapress.ru/afisha/story/barnaulskaya-poetessa-natalya-nikolenkova-prezentovala-noviy-sbornik-stihov-malyutka-zhizn-57885>

Часть третья

Материалы к биографии

Наталья Николенкова родилась 2 февраля 1964 года в городе Барнауле, в интеллигентной семье. Папа родом из Астрахани, мама – коренная ленинградка. Поэтому не случайно Петербург – один из любимых городов, «культурное пространство» Наташи. Наталья росла вместе с младшей сестрой Таней.

Успешно училась в музыкальной школе по классу фортепиано и очень любила читать. Поэтесса признаётся: «Могу читать даже на ходу. В детстве по ночам забиралась под одеяло с фонариком и погружалась в мир любимых героев. Мама старательно прятала от меня книжки, чтобы я в итоге не потеряла зрение, но я всегда знала, где хранятся сокровища, тайком доставала их, а потом возвращала обратно». Наташа с сестрой Таней.

Первые стихи «Первое стихотворение было написано во втором классе после падения зимой с забора вниз головой. Причем на лед дело было на дворовом катке. «В результате сотрясение мозга и... первые стихи», так говорит о себе Наталья Николенкова.

Детство в поэзии Натальи Николенковой – тёплый мир, наполненный радостью и светом, пропитанный запахами кондитерской, вкусом мороженого и цукатов.

В 1981 году Наталья Николенкова поступает на филологический факультет АГУ. Преподаватели, друзья, интересные лекции – всё это филфак. В памяти остались «античная» Дина Ивановна Мещерякова, «строгая, стройная, лаконичная латынь» – Ирина Михайловна Камова, «царственный, академичный» Владимир Дмитриевич Морозов, «странный, надземный» Николай Данилович Голев...

По окончании университета Наталья Николенкова год проработала учителем в школе села Большая Шелковка Рубцовского района. Возвратившись в Барнаул, Наталья сотрудничала с редакциями известных газет.

1991 году Наталья Николенкова выходит замуж. Название второго сборника стихов «Девятое марта» навеяно встречей с будущим мужем, отцом дочери Саши, Алексеем Третьяковым – востребованный человек. В течение нескольких лет она работала на телевидении: вела передачу «Быть женщиной». Сегодня поэтесса на музыкальном радио «Ретро ФМ» участвует в выпуске программы «Феличита».

<http://22df.ru/persona/nikolenkova-natalya-mihaylovna>

Родилась 2 апреля 1964 г. в г. Барнауле. Окончила среднюю школу № 25 с золотой медалью и музыкальную школу № 3 по классу фортепиано. В 1986 г. окончила филологический факультет Алтайского государственного университета.

После университета год работала учителем в школе с. Большая Шелковка Рубцовского района, затем корреспондентом газет «Алтайский текстильщик» и «Молодежь Алтая». Вела программы на ГТРК «Алтай». Много лет была диджеем на музыкальных радиостанциях, в программе «Нам пишут» в телепроекте «Наши новости».

Публиковалась в газетах и журналах: «Алтай», «Барнаул», «Встреча», «Наш современник», «Арион», «День и ночь», киевском «Крещатик» и др.

Автор книг: «Чтобы встретиться» (1987), «Девятое марта» (1993), «Карманная психиатрия» (2001), «Малютка жизнь» (2010), «Завтрак на траве» (2014), «100 главных стихотворений» (2017), «Da capo al fine» (2019). Более подробную библиографию смотрите в Электронном каталоге АКУНБ.

Лауреат Демидовской премии в области литературы за сборники стихов «Чтобы встретиться» и «Девятое марта» (1996). Победитель конкурса журнала «Барнаул литературный» в номинации «Мастер» (2010), краевого конкурса на издание литературных произведений (сборник «Завтрак на траве», 2014).

<https://altlib.ru/personalii/nikolenkova-natalya-mihaylovna/>

Родилась в Барнауле в 1968 году. Окончила филологический факультет Алтайского государственного университета.

Автор поэтических книг «Чтобы встретиться» (1987), «Девятое марта» (1995), «Карманная психиатрия» (2001), «Малютка жизнь» (2010), «Завтрак на траве» (2014), «100 главных стихотворений» (2017). Публиковалась в краевой периодике, в литературном альманахе «Ликбез», журналах «Алтай», «Знамя», «Крещатик» и др.

Лауреат Демидовской премии в номинации «Литература» (1996).
Победитель краевого конкурса «Лучшая книга Алтая — 2017» в номинации «Лучший стихотворный сборник».

Член Союза российских писателей. Живет в Барнауле.

Юность №10(777)/2020

Стихи

Алтай №3/2020

Стихи

Культура Алтайского края №2(38)/2020

Рецензия на книгу Михаила Максимова «Переживать»

После 12 №1-2/2019

Стихи

Чаша круговая №18 (2019)

Стихи

Культура Алтайского края №4(32)/2018

Книжный инстинкт

Культура Алтайского края №3(31)/2018

«Чтиво» в «Спичке»

Культура Алтайского края №3(31)/2018

Книжный инстинкт

Алтай №3/2018

Очень холодно, очень тепло

Культура Алтайского края №2(30)/2018

Книжный инстинкт: рецензии на книги Александра Строганова, Фариды Габдрауповой, сборник «Твои немцы, Алтай!»

Культура Алтайского края №2(30)/2018

Андрей Вознесенский: «Я сидел в моей избирательной компании»

Алтай №2/2018

Крылатая улитка

Огни над Бией №38/2016
Сердце не поместится в руке

<https://журнальныймир.рф/avtor/nikolenkova-natalya?page=1>

Наталья Николенкова: «Я не Кармен!»

— 01 июля 2020 —

Для чего людям стихи, сколько денег тратят на жизнь поэты, с чем рифмуется слово «Алтай» и бывает ли несчастная любовь — об этом и о много другом — в интервью барнаульского поэта Натальи Николенковой новосибирцу Юрию Татаренко.

Николенкова Наталья Михайловна родилась в Барнауле в 1964 году. Закончила филфак Алтайского государственного университета. Публиковалась в краевой периодике, в журналах «Знамя», «Сибирские огни», «Смена», «Арион», «Наш современник», «День и ночь», «Крещатик», «Ликбез», «Алтай». Лауреат Демидовской премии (1997), победитель конкурса журнала «Барнаул литературный» в номинации «Мастер» (2010) и краевого конкурса на издание литературных произведений (2014). Автор поэтических сборников «Девятое марта», «Карманная психиатрия», «Малютка жизнь», «Завтрак на траве» и др. Живет в Барнауле.

— Для чего вам стихи — свои и чужие?

— Для чего стихи? Задавать такой вопрос человеку, который стихов в руки не брал и никогда не слушал, — бессмысленно, правда? Для нормальных же людей стихи — простая и легальная форма гармонизации времени, пространства и себя в них. Структурирование. (Вспомнила диалог героев фильма Бертрана Блие «Вальсирующие». Сидят, курят утром на берегу канала. Один замечает: «Первая сигарета — самая лучшая». Второй подхватывает: «Да. Она придаёт форму рту».) Так вот, стихи придают форму (ритм, смысл, дарят очевидные подсказки, неожиданные прозрения) каждому дню, ночи, всей жизни.

Мне еще в детском саду воспитатели дарили на день рождения книги (читаю с трех лет). Или усаживали с книжкой (чаще всего это были Михалков, Барто, Чуковский, Маршак) на стульчик перед группой: «Наташа, читай! Дети, слушайте!» — а сами уходили по своим делам.

Первый стишок придумался во втором классе после сотрясения мозга, когда упала на каток с довольно высокого забора (может, есть связь?). Потом это стало чем-то вроде физиологической потребности. Без творческих замыслов и предварительных планов, просто некое естественное отправление. Потом появились друзья-поэты, мы были интересны друг другу, обменивались текстами.

Стихотворная речь более проста и естественна, чем прозаическая. Забавно слышать, что стихи (жалостливые) помогают в трудную минуту, когда неразделенная любовь, плохая погода и нечего курить. Стихи — помогают, да, но только настоящие. Порой войдешь в резонанс с каким-нибудь самым депрессивным прекрасным стихотворением — и твоей депрессии как не бывало. Мне (похвастаюсь) говорили, что и мои стишки помогали.

Есть еще один миф: стихи пишутся только от несчастной любви. Если у человека все хорошо — он идет в кафе-мороженое или в зоопарк, безо всяких стихов. Вранье. Любая сильная эмоция, особенно если она последняя среди накопленного, — и вот вам стихотворение. Счастье в этом смысле ничуть не хуже печали.

И — да, важен ритм. Совпадение с ритмом окружающего, что ли, и (или) внутреннего. Тут я согласна с Маяковским. Сама часто придумываю на ходу. Иду по городу и «пишу» в голове.

Чужие стихи? Если легли на душу — они уже не чужие. Они нужны, как пища. Как камертон. Как вредная или полезная привычка. Порой прочтешь дрянь и думаешь: о, я-то еще ого-го! Прочтешь гениальное (из современного) — и полезли комплексы... И конечно, все когда-то прочитанное неизбежно используешь, чаще подсознательно, порой осознанно. Иначе никак. Это уже в нас, встроено в метаболизм,росло в органы, удаляется только хирургически.

— Правда ли, что поэты тратят денег меньше, чем обычные люди?

— Откуда ж мне знать? У меня деньги долго не держатся. На Западе, как известно, поэты кормятся не поэзией. У нас научились кормиться и поэзией, раскрутившись и гастролируя, перелетая с фестиваля на съезд. Есть гранты, опять же, бесплатные сборники...

Мне денег надо мало. Потребности минимальны. Среди своих знакомых поэтов особых франтов, снобов и гурманов не наблюдала. Почти все

элегантны, кое-кто не без экстравагантности, одна печет сногшибательные пирожки, у другой 128 пар сапог, кто-то жмот, кто-то пьет, кто-то идет пешком через весь город, экономя на автобусе. Короче, люди как люди. К одним деньги липнут, другие транжирят, третьи, как птичка божия, не знают ни заботы, ни труда.

— Замечаете ли, как меняется русский язык, в том числе поэтический?

— Как меняется русская речь, устная и письменная, разумеется, замечаю и периодически на эту тему печалюсь, хотя, может, и не стоит. Орфография, пунктуация, орфоэпия почили в бозе. Но мы, надеюсь, успеем дожить в том мире, где кофе — мужского рода, а пуловеры надевают. Никогда не исправляю ошибки чужих и тем более незнакомых людей. Только у дочери, внучки, племянника, близких друзей. Говорить и писать правильно — так же важно, как переходить улицу на зеленый свет и не бросать банановую кожуру мимо урны.

Что касается поэзии... Увы, я довольно плохо представляю себе картину современной русской поэзии целиком. Читаю бессистемно. Но в том же «Фейсбуке» встречаю много вдохновляющего: Ирина Евса, Дмитрий Артис, Марина Кудимова, Владимир Берязев, Слава Михайлов, Игорь Караулов, Виталий Пуханов... Сейчас в стихах много сегодняшних реалий. Поймут ли потомки, о чем речь, или полезут за разъяснениями в словари? Или мы будем для них, как для нас — Третьяковский, Языков, Державин? Однако русский язык — такая глыба, его одним ногтем не скovyрнешь. Так что будем верить в лучшее.

— Литературный Барнаул XXI века — это Наталья Николенкова плюс кто?

— Юрий, не смешите мои гланды, как говорят у нас в Одессе. Задумалась: кого назвала бы лучшим поэтом Барнаула? Наверное, по-прежнему Михаила Гундарина (хотя он сейчас работает в Москве). Александр Строганов, Елена Клишина (Ожич). Владимир Башунов, хоть он и остался в XX веке. Валерий Котеленец как поэт (он еще и прозаик) в юности казался мне скучновато-прямолинейно-назидательным — а сейчас наконец смогла оценить лаконичность и глубину его стихов. Снова в последнее время стали поэтически активными Елена Безрукова и Фарида Габдраупова. Интересный поэт Константин Гришин, но пора ему вырваться из однажды обретенной «фирменной» формы и пойти, может быть, в другую сторону, посмотреть, что там.

Прозу нашу знаю плохо. Читаю Владимира Токмакова как собрата по поколению, тех же Александра Строганова, Елену Клишину да Анатолия Кирилина как старшего мудрого товарища. Но, повторюсь, наверняка многое просто проходит мимо меня, так что общей картины не вижу. В последнее время в очередной раз немного выпала из околослитературного процесса, не знаю, что там и как происходит, кто новый родился, кто старый воскрес.

А книг издается много, только успевай рецензировать. И, кстати говоря, литературный Барнаул XXI века — это еще и публикации в журнале «Алтай». Там не только географически «наши» — но там именно наши, спасибо главному редактору Ларисе Вигандт за пристальный, пристрастный, честный и точный отбор.

— Что предшествует тому, что вы берете в руки книгу прозы?

— Отключение Интернета (прошу прощения за трюизм). У меня (как и у многих, наверное) есть несколько десятков книг, которые перечитываю постоянно. Порой тянет перечитать что-то определенное. Ну, вот как хочется орехов или шоколада. Набокова могу открыть на любой странице и «съесть» несколько кусочков, смакуя. Или Романа Гари. После последней экранизации «Анны Карениной» не смогла не перечитать роман. Новинки читаю чаще всего по наводке проверенных критиков и знакомых, потому что прочесть все, что сейчас издается (хорошее, разумеется) просто нереально. Люблю хорошие детективы, в основном английские и французские. Из наших — ранний Акунин и Татьяна Устинова. Почитать перед сном — святое дело.

Многие знакомые перешли на аудиокниги, я пока нет. И ридера мне не надо. Хочу нюхать страницы, осязать обложку, постукивать по переплету, уточнять выходные данные, имя редактора и иллюстратора...

— На каких условиях напишете гимн алтайских мукомолов?

— На любых. Я уже не раз писала стихи на заказ — отдельным людям или организациям. Стараюсь делать это без халтуры, не на уровне «...но от души тебе желаю с хорошим мальчиком дружить». Кстати, писала я и для мукомолов! Не буду упоминать фирму — но это был крутой календарь с крутыми снимками крутого фотографа и моими стихами на каждый месяц.

— С чем рифмуется слово «Алтай»?

— В прямом смысле? «Шалтай-Болтай», конечно. «Курултай» — ну это этнографическое. «Китай», «Индокитай». «Болтай» или «не болтай». «Летай», «читай», «считай»... В общем, много побудительных глаголов. А еще — «Феличита».

— Участвуете ли в анонимных литконкурсах — Кубке Балтии и других?

— Нет, никогда не участвовала и даже не знаю, честно говоря, как это делается. Уважаю своих товарищей, которые постоянно литературно-конкурсно-фестивально активничают (наша Ирина Цхай, например), но сама, наверно, слишком ленива для подобных действий.

— Какие знания позарез необходимы поэту — по истории, музыке, живописи, театру, кино?

— В идеале все гуманитарные знания позарез необходимы всякому нормальному человеку. Не только с прикладной точки зрения — это же просто интересно, господа! С другой стороны, именно поэт может себе позволить писать как Бог на душу положит (в том случае, если Бог его в свое время действительно поцеловал) — всяческую заумь и не понять что, «ритмическую прозу, поэму модерновую экстаза», по Зощенко. Другое дело, что своих предшественников (а желательно и современников) надо бы знать, чтобы заново не изобретать велосипед.

— Какие эксперименты в поэзии приветствуете, а какие — нет?

— Юра, вопрос подразумевает, что я знаток литературных экспериментов, а я вовсе не знаток. Вот приезжал к нам на гастроль поэт Горохов (давненько это было, только начинались подобные выступления). Зал собрался. Вежливо слушали. Но когда гастролер начал читать «Парус» Лермонтова, просто перетасовывая строчки, я взяла и свистнула в четыре пальца. Поэт неосмотрительно объявил антракт. Публика разбежалась.

Печалит меня, что замусолили Бродского. Что у многих авторов теперь разноразмерные «бродские» строки...

А вот эксперименты Антона Метелькова приветствую. У него очень интересная игра со словом, которая у меня вызывает мурашки восторга. Вообще, это универсальный безошибочный тест на подлинность — мурашки!

— Самый интересный собеседник в жизни — это?..

— Из великих мертвецов хотелось бы поговорить с Пушкиным, Цветаевой, Высоцким. Из современников — с Захаром Прилепиным, Сергеем Шаргуновым, Иваном Охлобыстиным, Александром Невзоровым, да не шокирует вас мой «попсовый» выбор. И все мои близкие друзья. Все они — красавцы, все они — таланты, все они — поэты. Сумасшедшие есть, дураков нет. А вообще, господа, как говорится, учите латынь: в аду по-русски не говорят. Опять же, в раю — климат, зато в аду — общество. Кажется, все трюизмы собрала? (Улыбается.)

— Какого памятника не хватает Барнаулу?

— Памятника Александру Родионову, большому знатоку истории Барнаула, Алтая, Сибири. Вот прямо возле Шишковки (наша главная библиотека) и поставить. А еще надо тихонечко, под покровом ночи, убрать всю «городскую скульптуру» в виде бесконечных мишек и прочей фауны. Мы-то ладно, эстетически перестрадаем, а вдруг наши дети и внуки чем-нибудь заразятся?

— Скоро в Новосибирске поставят спектакль по текстам Янки Дягилевой и Егора Летова — приедете?

— Загадывать не буду, но очень хотелось бы. Видела-слышала и Янку, и Егора, когда они приезжали в Барнаул. Не назову себя фанаткой, но переоценить вклад обоих в мировоззрение как минимум двух поколений невозможно. Да и меня, нефанатку, некоторые тексты пробирают до костей.

— Бывало, что бросали стихи? А они вас? Как надолго?

— По-разному. Порой наткнешься на недописанное — и как раз в эту минуту потянет дописать, и что-то получается.

Перерывы, конечно, бывают. То семь стишков за ночь — то два месяца ничего. Это как в сексе: нужно время от времени воздержание. Кто в это время кого бросает (я их или они меня) — не знаю.

— Следующий вопрос — не про воздержание! — что такое любовь для поэта Николенковой?

— Любовь — это все, что угодно. И что не угодно. Все зримое, незримое, видимое, слышимое, обоняемое, осязаемое. Когда она есть. Вспомнились давние стихи Валерия Котеленца: «Нет несчастной любви, / Есть несчастные

судьбы людские». Стихотворение — о том, что любовь сама по себе великий дар, а потому не может быть несчастной.

А по-моему (это многолетние наблюдения, опыты, поставленные на себе), безответной, несчастной любви не может быть в принципе. Ведь коль скоро любовь — химия, и этот человек тебе химически подходит, то и ты ему должен подходить. Простите мне мой примитивизм. У меня любовь всегда была взаимной (тьфу-тьфу-тьфу!).

Любовь, как музыка, разная. Есть форте, есть пиано, крещендо, диминуэндо, разные темпы и жанры. Реквием, наверное, есть. Но всех, кого мы когда-нибудь любили, мы любим всегда. Они оседают на стенках сосудов. Если гештальт был не завершен — это немного беспокоит.

Короче, я — не Кармен. По крайней мере, на взгляд постороннего, не близкого мне человека. А близкие навидались всякого, да.

— Стихи не в рифму — для ленивых поэтов?

— Нет, конечно. Иногда текст сам противится рифме, самопроизвольно «белеет». Или отсутствие рифмы в определенной строке становится дополнительным смысловым акцентом. Вспомним, наконец, стишки-пирожки и стишки-порошки, где отсутствие рифмы «там, где надо» как раз и производит нужный комический или трагикомический эффект.

Мне всегда казалось, что писать верлибр — значит брать на себя дополнительные огромные обязательства. Тут не почирикаешь лирически, тут все должно быть сложно, глубоко, концептуально. В юности был период увлечения Иммануилом Зиедонисом и другими прибалтийскими мастерами верлибра. Сама написала крайне мало верлибров, очень давно. Я лучше почирикаю...

— Должен ли поэт придерживаться какой-либо литературной традиции? Или надо непременно выламываться за рамки — в жизни и в творчестве?

— Ничего никому поэт, конечно, не должен. Но если он настоящий поэт, то будет и выламываться за рамки, и в то же время точно отражать свое время, в той форме, которой оно требует. Все поэтические выкрутасы суть выкрутасы именно сегодняшнего дня — а значит, вполне себе в рамках. Тут речь, конечно, о настоящих стихах и настоящих поэтах, умных и начитанных, а не о юношах бледных со взором горящим, которые, прочитав за всю

жизнь полторы книги, пишут пятистопным ямбом «любовь — морковь»: мол, и Пушкин так писал, чем я хуже?

— Ваш любимый стихотворный размер и объем поэтического текста?

— Впервые задумалась над любимым размером. Все, конечно. Хорей — он пободрей, четырехстопный хорош для детских стихов. Люблю я, наверное, больше всего трехсложные размеры — дактиль, анапест и амфибрахий. Это что-то физиологическое. Или пошло от музыкальной школы. Хотя наверняка, если подсчитать по стихам количество используемых размеров, ямб победит.

Стихотворения творю, как правило, небольшие: 8 — 12 стихов. Бывают и подлиннее, конечно (смотря сколько километров надо пройти или сколько времени простоять в пробке). Чаще всего сначала появляется первая или последняя строфа, а потом нарастают внутренности.

— К слову, о километрах. Умеете ли водить машину? Куда рванули бы за рулем?

— Не умею, не собираюсь учиться — и это сохранит жизни множества людей. Нервы ни к черту. А так — поехала бы на Черное море, с друзьями и к друзьям, маршрут проверен. Ну и, конечно, всегда привлекает Горный Алтай: самые отдаленные, дикие, не туристические места.

— Коронавирус спутал все карты, но это не навсегда. Желаю чудесному поэту Наталье Николенковой новых приятных впечатлений, удивительных открытий, сильного неба над головой!

Беседовал Юрий Татаренко
Фото Кристины Кармалиты

<https://сибирскиеогни.рф/content/natalya-nikolenkova-ya-ne-karmen>

ПОЭТИКА БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТИ

21 февраля 2019

103 прочитали

Руины; предгорья — мелкие речки, крупные булыжники, редкие рощи; обломки древней породы да ржавый болт в пыльной витрине. Все это показывают как красоты и достоинства Алтая. А должны бы — Наталью Николенкову. И ее стихи, да и ее саму — образец настоящего современного стихотворца. Не знаю только, добавлять ли, что стихотворца, живущего в русской провинции? Или стихотворца вообще? Да что лукавить: знаю.

Всего четыре книги, четыре вехи. Возвращаться по которым нам, помнящим еще эйфорию 80-х и горько, и страшно. А куда деваться!

«Чтобы встретиться», 1987: таков пароль всякого любителя современных искусств, жившего ли ранее, живущего ли сейчас в Барнауле. Случайно вышедшая в махровом Алтайском книжном издательстве, чудом проскочившая среди босоногих детств и рассветных полей, тонкая книжка. Многие и сейчас считают ее лучшей; сильно ошибаются. Пожалуй, юношеские стихи Ни-коленковой примечательны только интонацией, которая «перемалывает» стандартные девичьи образцы для подражания той поры — Анну, Марину, Беллу да Юнну. В итоге вполне себе абстрактные понятия приобретают неожиданную зримость и вещность. Ну, то есть какую такую вещность? Не большую, чем у предутреннего сна; в некотором смысле, самую конкретную из возможных. «Чтобы встретились два человека, Нужно, чтобы совпали сны, И глаза совпали, как реки, И созвездия были равны. Нужно сомнамбулически красться Мимо всех, кто с другим лицом, Мимо времени, мимо пространства, Мимо страха перед концом. Нужно память засыпать снегом, Тополиным прахом до плеч. Чтобы встретились два человека, Нужно вечностью пренебречь». Через 25 лет услышим отзвук, эхо этого стиха (о чем еще скажу).

Айдар Хусаинов не даст соврать: юная Николенкова вела себя как герой культа, была тесно окружена поклонниками и поклонницами, а с коллегами по цеху обращалась, натурально, как Ахматова с Мандельштамом: с царственной дружественностью. Да кто из нас в то время вел себя иначе!

«Девятое марта», 1993: трагические стихи, но такие светлые, если читать их из дня сегодняшнего! Молодость продолжается; сил все больше; завтрашний день принесет нечто невообразимое. И опять же, прямое попадание в нерв поколения, которое до того живуче, что не верит в свою смерть — да и, правда, способно ли умереть всерьез? Тогда мы в этом сомневались. «Разворачивается журнал, Иллюстрированная пурга, Голос флейты журил, журчал, Раздевал донага. Кто оставлен — идет босым, Не отбрасывая теней, Не дождем, так снежком косым, Чтоб любили сильнее. Кто оставлен, ложится в ночь, В глубину, под смертный сугроб.

Разворачивается сукно Вьюги черной, как эфиоп. Разворачивается холст. Полнолуние, метель, зима. Пожалей этот гулкий холм — Сердце, брошенное с холма».

«Карманная психиатрия», 2001: космическая одиссея и впрямь. В пустом, безнадежном, черном пространстве. Это уже не трагедия, это какой-то данс макабр — потусторонние пляски. Важный пункт для карьеры Николенковой: именно тут ее поклонники бежали в ужасе, не же-

Михаил ГУНДАРИН

лая узнавать себя. Оно и правда, это зеркало все время врало, ибо, как казалось, его настройки сбиты безнадежно. Поэтому можно не стараться, говорить вещи и неискренние, и необязательные. В некотором смысле, это самая грустная книга. «Ты люби меня, пожалуйста, Потому что давит твердь — Голубая, обожаемая И апрельская, как смерть. Ты люби меня, пожалуйста, Потому что смерти нет — Только песня оруджавская И ведьмаческий портрет. Ты прости меня, пожалуйста, Потому что я курю, И нелепые, и глупые, Злые вещи говорю.

«Малютка жизнь», 2010: рождение нового автора, после тяжелого кризиса, серьезного перерыва. В самом деле, нового — окончательно преодолевшего помпезную ли, лирическую метафизику юности, отказавшегося видеть в вещах и явлениях «знаки». Учащегося радоваться всему просто так. И — не научающегося этому. Мы больше не верим Николенковой, мы наблюдаем и оцениваем ее усилия, ее попытки заставить нас (и весь окружающий мир) ей поверить. Эти усилия таковы же (тяжелы, тщетны), как и у нас. «Мне одинаково приятно Смотреть на солнечные пятна, Рисунок облаков невнятный И первый осторожный снег. Как золотая сигарета, Сгорело праздничное лето. Дочь вечерами учит Фета, Мечтая совершить побег Туда, где Фетом не пытаются, Тепло, и бабочки летают».

Те стихи, которые вы прочитаете, совсем новые. И поэтика их нова. Думаю, не только для Николенковой. Поэт не научился любить мелочи, эти «дрожжи мира». Его по прежнему с души воротит от пошлой повседневной эмпирики. От пассажиров общественного транспорта, например. Или от мебели. Или от домов, улиц и площадей. Что же остается?

Не принимать ничего из этого всерьез. Скользить по поверхности, срывая по пути доступные цветы удовольствия. Ни за что не отвечать, в том числе за свои слова и даже чувства. «Курить на балконе зеленую траву, Без

галстуков, то есть совсем без ничего. И все рецепторы утверждают: живу! И все отдам за два сантиметра языка твоего». Это — поэтика безответственности. В разведку я бы с Николенковой не пошел.

Думаете, так жить легко? А попробуйте пренебречь своим социальным и трудовым долгом. Попробуйте стать полузнакомцем для всего этого, назойливо напрашивающегося в близкие приятели, мира. «Ватсон, элементарно: стареть — Значит, к лучшему измениться, Научиться не сожалеть, Не оправдываться, не стыдиться».

«Я вежлив с жизнью современной, но между нами есть преграда» — сказано некогда. Тут то, да не то. Та, легендарная, николенковская легкость превратилась в нелегкий для всякого отказ от контактов с окружающим пространством, из которого бы и выбраться. Но некуда.

И вот ответ самому себе на то, юношеское, написанное с великолепным непониманием и королевскими надеждами. Тогда — предлагалось «красться мимо всех, кто с другим лицом, Мимо времени, мимо пространства, Мимо страха перед концом». Куда? Навстречу другому. Теперь — другого не будет. Собственно, не будет ничего — там, но ничего нет и здесь. «Тихо-тихо прокрасться Из себя — в никуда. В этой точке пространства Ты — звезда. Тихо-тихо напиться И тихонько уснуть, Пока черные птицы Продолжают свой путь. Очень тихий и скромный Апокалипсис твой. И идешь ты неровно По кривой».

Тяжелый, плохой вариант для жизни. Но выигрышный для стихов. Поэт проходит до конца путь, который нам, публике, только мерещится — то в сладких, то в опасных мечтаниях. Стоит ли пускаться вослед за этим ненадежным, безответственным проводником? Решайте сами.

<https://dzen.ru/a/XG2U1U5mZQDAkLbw>

Биография и творчество (МОУ «Лицей73» Г. Барнаул)

2 Автопортрет

Желанная, разнеженная, юная,

Покинутая, найденная, разная,

Я – клавишная, духовая, струнная,
Влюблённая и потому – заразная,
Застенчивая, милая, циничная,
Невидимая, яркая и шумная,
Обычная, смешная, необычная,
Загадочная, умная, безумная,
Печальная, лихая, бесшабашная,
Заботливая, тонкая, душевная,
Нелепая, красивая и страшная,
Какая хочешь. В общем-то, волшебная.

3 Горячим стремительным стихотвореньем
случайных прохожих согреть. Наталья Николенкова

4 Наталья Николенкова родилась 2 февраля 1964 года в городе Барнауле, в интеллигентной семье. Папа родом из Астрахани, мама - коренная ленинградка. Поэтому не случайно Петербург – один из любимых городов, «культурное пространство» Наташи.

5 Как пацан, неосторожна,
Сероглаза, как пацан.
Я на маму не похожа,
Я похожа на отца.
У меня веснушки летом,
Щёки – роза с молоком.
Я – с букетом, я - с приветом,
Я -с беспечным языком.
Я могу с забора падать-

Чтоб крапивой по костям,
Я свистеть в четыре пальца
Научилась запростяк.

Детская романтика

6 Воспоминания о детстве

Родители молоды, в Волге - ракушки,
В начале июня бушует мошка.
Всё выгорит, что проросло на макушке,
Всё выгорит, что у виска.
В заброшенной церкви вороны ликуют,
И вётры пылятся у каждых ворот.
Растут баклажаны, на солнце бликуют,
Их южная пыль не берёт.
У самого берега водятся раки,
Ночная красавица ночью цветёт,
И дедушка Костя сазанчиком дразнит
За маленький розовый рот...

7 МАМЕ

Зелёный плащ и синий зонт.
Как не рифмуются два этих цвета!
Это же мама моя идёт,
Мама моя это.
Мама, ты будешь всегда молода,
Будешь красиво, красиво одета.
И гармонировать будут цвета,

Как у Ренуаровых гризеток.
И дочерям твоим повезёт –
Только не плачь, не плачь!
Куплю тебе самый зелёный зонт
И самый синий плащ.

8 Наталья росла вместе с младшей сестрой Таней. Успешно училась в музыкальной школе по классу фортепиано и очень любила читать. Поэтесса признаётся: «Могу читать даже на ходу. В детстве по ночам забиралась под одеяло с фонариком и погружалась в мир любимых героев. Мама старательно прятала от меня книжки, чтобы я в итоге не потеряла зрение, но я всегда знала, где хранятся сокровища, тайком доставала их, а потом возвращала обратно». Наташа с сестрой Таней

9 «Первое стихотворение было написано во втором классе после падения зимой с забора вниз головой. Причем на лед - дело было на дворовом катке. В результате - сотрясение мозга и... первые стихи. Школьные стихи! Все эти сюси-пусы, беспомощный, детский лепет». (Н. Николенкова)

10 Детство в поэзии Натальи Николенковой – тёплый мир, наполненный радостью и светом, пропитанный запахами кондитерской, вкусом мороженого и цукатов. Это место «возвращения» и покоя. Рисунок А. Третьякова

11

Мы выросли в хрущёвской тесноте,
В стандартных сотах с люстрами смешными.
Приучены от книги фанатеть,
Читать, читать, читать, как заводные.
Мы от китайцев бегали во сне,
Играли в ГДРовские куклы

И, если в доме отключали свет,
Травили байки при свечах на кухне.
Мы были позади планеты всей,
На шее, как кулон, ключи носили,
Любили грызть в брикетиках кисель,
Как итальянцы, ездили в "Россию".
Всем классом зажигали в "казаки-
Разбойники", сольфеджио учили,
Записочки писали от руки,
Сочувствовали Бангладеш и Чили.
И, словно одуванчики в венке,
Не тосковали мы без Интернета:
Хоть и была граница на замке,
Но бесконечной виделась планета.

12 Любимые с детства авторы – Вл. Набоков, И. Бродский, Юнна Мориц.
Любимая музыка – классическая (И. Бах, И. Гайдн, В. А. Моцарт), джаз.
Любимые художники – А. Ренуар, Э. Мане, К. Моне, П. Сезанн.

13 В 1981 году Наталья Николенкова поступает на филологический факультет АГУ. Преподаватели, друзья, интересные лекции – всё это филфак. В памяти остались «античная» Дина Ивановна Мещерякова, «строгая, стройная, лаконичная латынь» – Ирина Михайловна Камова, «царственный, академичный» Владимир Дмитриевич Морозов, «странный, надземный» Николай Данилович Голев...

14

А счастья - много: универ,
Пустой перед последней парой,

Когда потом выходишь в сквер,
Бренча полупустою тарой,
Когда в автобусе трещишь
С подругой, словно гимназистка,
И этот шум, и эта тишь,
И звёзды, высоко и низко.

15 Именно в университете к Николенковой пришло признание. Она наряду с Фаридой Габдрауповой входит в число первых поэтов вуза. Наталья вспоминает: « В университете, на филфаке, все сочиняли, переписывали на лекциях любимые стихи в тетрадки, читали друг другу по телефону. Там у меня появилась своя аудитория, свой круг, и оказалось, что мои стихи кому-то интересны».

16 Ливень. Прекрасная погода.
Бежит промокшая толпа
И небеса ругает длинно.
Под этот ливень сладко спать
Или играть на пианино.
Размыты лица и слова,
Размыты рифмы и страницы.
Под этим ливнем забывать
Ещё прекрасней, чем влюбиться.
Прекрасен каждый, кто промок,
Прекрасен каждый, кто навстречу!
И тучи бархатный комок
Тем и прекрасен, что не вечен.
Летит с небес журчащий свет
С такой же скоростью, как время, -

Прекрасный аккомпанемент
Для длинного стихотворенья!

17 По окончании университета Наталья Николенкова год проработала учителем в школе села Большая Шелковка Рубцовского района. Возвратившись в Барнаул, Наталья сотрудничала с редакциями известных газет.

18 В 1991 году Наталья Николенкова выходит замуж. Название второго сборника стихов «Девятое марта» навеяно встречей с будущим мужем, отцом дочери Саши, Алексеем Третьяковым. Н. Николенкова с мужем и дочерью

19

Мой муж красив, и это очевидно,
Все шизофреники об этом говорят,
И на него в троллейбусах, трамваях
Все девушки внимательно глядят.
Мой муж красив, он так похож на дочку,
Он «Тополя» божественно поёт.
Душа не выбирает оболочку,
Но, безусловно, делает её.

20 В синих сумерках пойдем прогуляться,
Там собаки и деревья без листьев.
Я надену тебе теплые штанишки,
А сама покрашусь, как актриса.
В синих сумерках пойдем прогуляться,
Держась за руки, чтоб ветер не унес.

Нам ведь главное - не потеряться,
Это наш единственный вопрос.
Рисунок А. Третьякова

21 Хочу беременности, как
Восточных сладостей из детства.
Не у груди, не на руках –
В себе самой носить младенца.
Прислушиваться - к животу? -
Нет, к космосу и первородству.
Хочу - вон ту, вон ту, вон ту,
Вот эту девочку – как солнце.
В могиле чёрной, снеговой,
В суицидальных заворотах,
Как радуги над головой.
И заклинаю, как воровка:
-Прости мне, Боже, всякий грех
И перед тем, как отречёшься,
Дай силы выстрадать за всех
И – дай мне моего детёныша!

22 Наталья Николенкова – востребованный человек. В течение нескольких лет она работала на телевидении: вела передачу «Быть женщиной». Сегодня поэтесса на музыкальном радио «Ретро ФМ» участвует в выпуске программы «Феличита».

23 Наталья Николенкова выпустила четыре сборника стихов: «Чтобы встретиться» 1987 год «Девятое марта» 1993 год «Карманная психиатрия» 2001 год «Малютка жизнь» 2010 год

24 Наталье Николенковой от природы даны особый дар и право сказать:
«Остановись, мгновение...» Валерий Тихонов

25 В первом сборнике «Чтобы встретиться» любовь – прекрасное романтическое чувство. Лирическая героиня – «девочка, верящая в неизбежность счастья». Влюблённые должны встретиться, в этом есть знак судьбы.

26

Чтобы встретиться

Чтобы встретились два человека,
Нужно, чтобы совпали сны,
И глаза совпали, как реки,
И созвездия были равны.
Нужно сомнамбулически красться
Мимо всех, кто с другим лицом,
Мимо времени, мимо пространства,
Мимо страха перед концом.
Нужно память засыпать снегом,
Тополиным прахом до плеч.
Чтобы встретились два человека,
Нужно вечностью пренебречь.

27 Сборник «Девятое марта» о невозможности любви. Героиня тоскует по НЕМУ, ощущая эту невозможность соединения. «Мы с тобою всегда врозь», - подчёркивает она. Мотивы непонимания, несовпадения, разлуки, прощания становятся основными.

Мы не увидимся нигде,
Мой мальчик, глаз моих отрада.
Прощай! Так грезят о дожде
Замёрзшие под снегопадом.

28 Разворачивается журнал,
Иллюстрированная пурга,
Голос флейты журил, журчал,
Раздевал донага.
Кто оставлен – идёт босым,
Не отбрасывая теней,
Не дождём, так снежком косым,
Чтоб любили сильнеей.
Кто оставлен, ложится в ночь,
В глубину, под смертный сугроб.
Разворачивается сукно В
ьюги чёрной, как эфиоп.
Разворачивается холст.
Полнолуние, метель, зима.
Пожалей этот гулкий холм-
Сердце, брошенное с холма.

29 В двух последних сборниках любовь - своеобразная мозаика. Возлюбленный для лирической героини – это всегда ссоры, разлука, боль («и, кажется, не скоро соберусь купить билет, чтобы тебя увидеть»). Автор как бы зачёркивает «мы», исключая возможность соединения героев (« Прости, я знаю, не бывает «мы», А только небеса, леса, холмы»). Любовь для лирической героини обесценивается, становится «вещью»: Любовь –

блестящая вещица, Фигня, татарская серьга. Не стоит тщиться и тащиться По чёрным, выжженным снегам.

30 Любовь начинается в области глаз. Поэтому я не увидела вас. Любовь затеряется в области слёз- И всё, до свидания, ветер унёс. Не называй меня по имени И не буди по пустякам. Мы – две извилистые линии Внутри ладони старика. Переплетаются, скитаются (Кому-то логика ясна) И даже как-то называются- Но я забыла имена.

31 Ты люби меня, пожалуйста, Потому что давит твердь- Голубая, обожаемая И апрельская, как смерть. Ты люби меня, пожалуйста, Потому что смерти нет- Только песня оруджавская И ведьмаческий портрет. Ты прости меня, пожалуйста, Потому что я курю, И нелепые, и глупые, Злые вещи говорю.

32 Николенкова – одна из немногих современных поэтесс, воспевающих дружбу. В этих стихах «мы» превалирует над «я». Дружба крепче любви, она проходит испытания годами. Дружба свята – друг от Бога. Он обладает животворящей силой, как человек, отношения с которым основаны на духовной близости. Разлука с другом вызывает желание его увидеть, почувствовать родную ладонь в своей руке: Нет ничего прекрасней Летящей навстречу руки.

33 В лирике Николенковой много посвящений: Фариде Габдрауповой, Ольге Боряковой, Виолетте Метелице, Наташе Пономарёвой, Виталию Коньшину, Михаилу Гундарину и другим. Мы жили весело и шумно, Не загружаясь мелочами, И это радует безумно, Хотя немного и печалит. А мы докажем мужикам В их тьме ужасно низких истин, Что дружба женская крепка И БТРы наши быстры.

34 Друзьям За то, что навстречу бросаюсь с разбега, Не выбрав ни места, ни дня, За то, что из серы, за то, что из снега,- Простите меня! За то, что горюю в разлуке короткой, Когда, потихоньку звеня, Слеза добирается до подбородка, Простите меня! За то, что готова душа несвятая Июль на сентябрь променять, За то, что ладонь о ладони мечтает,- Простите меня! Но

вы отстраняетесь невыносимо От слёз, от руки, от огня. За то, что люблю вас,
-хотя бы вполсилы Любите меня!

35 Николенкова – «городская» поэтесса. Её пространство – это пространство города, наполненное узнаваемыми улицами, зданиями, площадями: гастроном под Шпилем, Ленинский, Шукшина. Городской мир распадается на тысячи кусочков, но строчки нанизываются друг на друга, и в итоге составляется единое целое, «скреплённое» ощущением лирической героини. Всё – предмет её поэзии и лирического переживания. Идя по улицам, героиня «оставляет» горести позади; город лечит её. Прощай, моя любовь! Куда податься? Под Шпилем – Злая очередь за соком, В кофейне – тарарам, Поскольку лето...

36 На Ленинском позёмка начинается, Нас возвращая из тоски в себя. В «кофейнике» икона подновляется, И мальчики кровавые сидят. И кофе чёрный, и миндаль поджаренный Приносит мне старушка, семена, В углу бесстрастный гитарист лагается, Вытягивая нервы из меня. Саксонского фарфора, антикварные, Благоухая, чашечки стоят. На стенках знаки противопожарные И маски завсегдаев висят....

37 Как любому поэту, Н.Николенковой не чужда тема поэта и поэзии. Обращаясь к ней, она не обходит стороной то, что писали об этом классики. Ей это необходимо, чтобы показать, что в современном мире положение поэта изменилось. Так, одно из стихотворений отсылает нас к «Пророку» А.С.Пушкина. Обыгрывая слова поэта «глаголом жечь сердца людей», Н. Николенкова приходит к парадоксальному выводу: в 20 веке только сам поэт получает «кайф» от того, что он делает. Рисунок А. Третьякова

38 Побриться наголо, сверкать макушкой голой И жечь сердца божественным глаголом. Бенгальские огни палить публично, О существительное чиркнув спичкой. Ко лбам горячим рифмы прилагать – И прилагательным поклонников сжигать. Дружить до гроба с лесбиянкой музой – Затем, чтобы предлогом и союзом, Наречием, частицей жечь сердца,- Так вот он, кайф, и нет ему конца!

39 Ноябрь Последние невыцветшие листики. Последние несломанные пестики. Последнее молчание ягнят. Молчаньем разбавляем звукоряд. Ранеток капли на асфальте сереньком. Густая, золотая кровь осенняя. И птичий мат, и мятый самиздат... Мороз и солнце скоро победят! Поэзия Н.Николенковой полна литературных аллюзий, реминисценций, не прямых цитирований. Это делает стихи более объёмными, выпуклыми, многозначными. Отсылки к известным произведениям позволяют Н.Николенковой играть словом, бросая его, как мячик, своему читателю: поймает – не поймает; поймет – не поймет.

40 В целом лирическая героиня Н.Николенковой – человек с чутким, ранимым сердцем, всё пропускающим через себя. Ей близки 60-е годы XX века с героями, устремленными в будущее, романтиками, открытыми миру. И сама она принимает весь мир. Предметом её лирического переживания становится и искусство далёких эпох, и чёрно-белое кино, и апрельский дождь, и «злая очередь за соком». Иными словами – ЖИЗНЬ.

41 Ведущая к храму дорога Заводит порой не туда. Прощенья проси не у Бога: Он занят тобой не всегда. Любая дорога - от Бога. Я верю в его города.

42 Маслакова Дарья, ученица 10Б класса МОУ «Лицей73» города Барнаула Ерёмкина Е. В, Волошко И. В., преподаватели русского языка и литературы. Барнаул 2011

<http://www.myshared.ru/slide/69835/>

Часть четвертая

Стихи, посвященные Наталье Николенковой

Ихтиандр Обмокни

ВОСКРЕСНЫЙ ПОЛДНИК[1] С ПОЭТЕССОЙ Н.Н.[2]

(стихотворение с комментариями Консерванта Порогова)

Я могу приехать в гости [\[3\]](#)(скажем, в полдень - в воскресенье)[\[4\]](#),
Ты поставишь [\[5\]](#) чай с вареньем, не забыв о пирожках...
И меня от этой мысли посещает вдохновенье,
И со скромным обаяньем [\[6\]](#) я пишу о том в стихах.

Я мужчина-лесбиянец тоже и нуждаюсь в Музе,
Ну а ты, помимо оной, - в Муже [\[7\]](#). Это хорошо.
Славно донимать друг дружку, в щастливом живя союзе:
"Где моя Большая Ложка [\[8\]](#), кружка где да щей горшок?.." [\[9\]](#)

Мы с тобою повстречались в Малом Храме Терпсихоры [\[10\]](#).
Ты ль так чудно изменилась, я ль совсем тебя забыл?
"Нинимуша!" [\[11\]](#) - почему-то пелись кудри, губы, взоры [\[12\]](#),
"Нинимуша!" - пелся облик твой во мне. (В златую пору
Лексикон Детей Природы по Лонгфелло я учил.) [\[13\]](#)

+ + +

Эта местность нам знакома как лирическая кома [\[14\]](#).
Отраженья водоема... в парке некоем... на холме...
Растворившиеся своды и метнувшиеся птицы [\[15\]](#)...
Плеск слепого откровенья, пятна судорожных роз...

Не умею объясниться. Все к чему-то ум стремится -
А к чему? Какой-такою радостью теснится грудь?
Мне бы Радугой-Дугою над лугами распуститься
И умолкнуть... Да ногою моря не перешагнуть!

Мы живем, не совпадая, но ведь рядом? Это много!
Все бывало и грустнее в этом лучшем из миров! [\[16\]](#)
От колючего истока до поющего итога [\[17\]](#)
Прошагаем мы не в ногу сквозь круженье голосов!

Боже, как он стал прозрачен, Твой секрет мироустройства! [\[18\]](#)
В умиленьи плачу, плачу, словно Горький, надо всем [\[19\]](#).
В умиленьи пусть телячьем, но возвышенного свойства:
Вижу, бегаю, читаю, а вот эту дыню - съем!

Но куда мне за тобою, N.! Ты звонко окликаешь,
Ты бликуешь, восторгаешь, воспитуешь и цветешь.

Ты по вкусу добавляешь, ты латаешь и летаешь,
Ускользаешь, излучаешь, смотришь, плаваешь, поешь!..
(И Пегаса обуздаешь, и в огонь избы войдешь![\[20\]](#))

Мы живем, не совпадая... Даже в Риме не сойдемся,
В Петербурге и подавно, и Чугуев[\[21\]](#) не про нас;
Ни в предгорьях Алтая[\[22\]](#), ни в Замбези[\[23\]](#) не столкнемся,
Но зато не разминемся в Энном месте в Энный час!

В Энске[\[24\]](#). Там, куда заманчив вход, а выход неизвестен,
Где свирепые команчи тайный шлют тебе поклон,
Где герой твоих элегий притворяется, бесчестен,
Для монахини Вийоном и аббатом для Манон!.[\[25\]](#).

.....
.....
.....
.....

+ + +

Век-беглец уже не помнит несвободы и свободы;
В гуле бед-побед народных, фейерверках и пальбе
Я тебе слагаю оды, дочь Гармоний и Природы[\[26\]](#),
Дождь - прекрасную погоду - я пою вослед тебе![\[27\]](#)

Три к пяти - огонь и небо. Проливное. Кубок Гебы[\[28\]](#):
Состязания гурманов в песнопеньях о воде
Неземной. В одежде клейкой мы бежим. Послушай, где бы
Израсходовать копейку?[\[29\]](#) Я не верю, что нигде.

В братском склепе липкой пачкой недотрог почили спички[\[30\]](#);
Не горячая утрата[\[31\]](#), и монетка не на то:
В честь божественной горячки мы глотнем еще водички -
Из ладоней газировки у грошового авто![\[32\]](#)..

И еще в таком же духе строф 15 - до финала[\[33\]](#):

Путник![\[34\]](#) Коль идти на запад, а потом свернуть на север,
И еще на север, запад, то, покинув жалкий плен
Сплина, спиды, тлена, спады, ступишь ты в салат и клевер,
В зной потерянного сада[\[35\]](#) и воскликнешь: "Здравствуй, N.!"[\[36\]](#)

[1] Название сразу задает главную тему стихотворения- тему *невстречи* (говоря по-Ахматовски). «Воскресный полдень» пародирует многочисленные названия типа «субботний ужин», «праздничный обед» и проч., причем, в отличие от названных сочетаний, выглядит несколько абсурдно, т.е., *невозможно*. Это и не случайно – ведь речь идет о *полуденном времени дня воскресенья*. С точки зрения европейской (христианской) культуры – абсолютно идеальном времени и месте (ср. утопическую повесть бр. Стругацких «Полдень, XXI век»). Потому и – с любой точки зрения - свидание с поэтессой НН представляется герою абсолютно несбыточным!

[2] С одной стороны, НН – это удвоенная (для усиления) литера анонима, с другой – речь идет о поэтессе Наталье Николенковой (стихотворения полно многочисленных отсылок к ее произведениям, каковые, кстати, исходя из задач нашего – реального, а не стиховедческого – комментирования без особой нужды не оговариваются).

[3] Один из наиболее важных претекстов данного стихотворения (в том числе и по ритмическому строению) – известное произведение А.Ахматовой «Я пришла к поэту в гости...», посвященное А.Блоку. Хотя описанная в нем встреча формально состоялась, но по большому счету герой героиню не заметил, т.е., как раз *невстреча по-Ахматовски* там и произошла. Здесь – не было даже формальной встречи.

[4] Ближе всего по жанру данное стихотворение к посланию – жанру, распространенному в ГРИАДКовском обиходе (вслед за возродившим жанр Т.Кибировым). С посланиями в конце 80-х-начале 90-х обращались друг к другу М.Гундарин и В.Десятов. Адресатами посланий выступали и другие литературные деятели того времени. Послание И.Обмокни завершает этот ряд – и хронологически, и идейно-художественно.

[5] «Поставишь» - куда? Не напоминает ли это известный пассаж из анонимной поэмы «Утехи императрицы», где Екатерина Великая предлагает своему любовнику Григорию Орлову «поставить первый самовар»? Герой предлагает даже *этим* заняться героине, что сразу же характеризует его в полной мере! См. также примечание 29 и следующие.

[6] Герой иронически принижает свое творение, объявляя его *буржуазным* (имеется в виду известный фильм Л.Бюньюэля). А с другой стороны – всего

через несколько строк его идеал изложен вполне по-буржуазному, даже помещански! (Это мы про «щей горшок», см. далее).

[7] Довольно двусмысленное выражении. Означает же оно вот что: «давай, что ли, поженимся!». «Лесбиянство» же тут применимо исключительно к отношениям НН и героя с Музой (формально – женского рода).

[8] Имеется в виду приз в виде деревянной ложки и кувшина, полученный Н.Николенковой за победу во всероссийском поэтическом фестивале «Мастерские модерна» (Барнаул, 1994). Получили его, среди прочих, и М.Гундарин, Д.Латышев и В.Десятов. А вот Ихтиандр Обмокни – нет! Поэтому его предположение-мечта о семейном союзе выглядит вдвойне недостижимым, мол, вот если бы я тоже ложку получил...вот тогда... Кроме того, фаллический символ Большой Ложки открывает тему тщетных эротических терзаний героя.

[9] Ср. «и щей горшок, и сам большой» - провокативно-мещанское кредо семейной жизни, демонстративно приписанное себе А.С.Пушкиным. Впрочем, кое-кто считает, что это было сделано для удовлетворения цензуры.

[10] Сказано пышно, хотя имеется в виду какой-нибудь Дом культуры. Но тут важнее, что эта полувстреча тоже мнимая – Терпсихора, она и есть театральная иллюзия!

[11] Согласно словарю индейских слов, приложенных к переводу «Песни о Гайавате», «нинимуша» означает «милый друг». См. также следующие примечания.

[12] У В.Хлебникова «бобэоби», помимо кое-чего из перечисленного, пелись еще и цепи. Думается, они, хотя и не называются здесь, но в виду автором имеются!

[13] Еще один важный претекст (также включающий и ритмическую основу) – «Песня о Гайавате», бунинский перевод Лонгфелло. Лирический герой данного стихотворения, действительно, делает важное лицо и сохраняет внешнюю невозмутимость при бушующих внутри страстях – что твой индеец! Ср. далее – «свирепые команчи».

[14] Ср. «Эта местность мне знакома, как окраина Китая» (И.Бродский, «Представление»). Серьезное геополитическое прозрение классика – и точное указание на географию происходящего у И.О. И, в общем, какая там в Китае лирика!

[15] Мотив метнувшейся птицы достаточно распространен в русской поэзии начала XX века (когда были созданы главные претексты данного стихотворения). Как правило, такое сочетание является эмблематичным для состояния внезапного появления, порыва чувств и т.п. Ср. стихотворение О.Мандельштама 1908 года « И как туманом одевает лица, // И слово замирает на устах, // И кажется -- испуганная птица // метнулась в вечеряющих кустах», В.Шершеневича «.Воспоминаний рой, как траурная птица, // Метнулся от меня, простертого в пыли».

[16] См. известный роман Вольтера. В самом деле, по количеству карикатурных страданий, выпавших на долю Кандида, он вполне может сравниться с героем данного произведения (у которого, правда, все страдания воображаемые).

[17] Ср. детскую песню 80-х гг. XX века «От чистого истока в прекрасное далеко // я начинаю путь». Искажена в связи с мрачным настроением героя. Для него, впрочем, также важно и обращение к далекому, невозвратимому прошлому.

[18] Следует обратить внимание – «чертеж мира» стал прозрачен в результате *слепого* откровенья. Зачем, собственно, слепому прозрачность?

[19] См. многочисленные мемуарные свидетельства на этот счет. Впрочем, слезы эти были слегка крокодильими – ведь классика умиляло просто то, что человек чегой-то там пишет... А на завтра он мог на этого человека и телегу накатать... Так что герой плачет тоже с умыслом (в частности, как прямо сказано в следующих строках, рассчитывая кой-что «съесть»!).

[20] «Огонь избы» - это, как выразился М.Гундарин, Некрасов в обратном переводе с французского.

[21] С Римом (куда ведут все дороги), и Петербургом (культовым местом для провинциальных поэтов) все понятно. Чугуев же, помимо классического топонима-символа захолустья (типа Урюпинска), известен как столица аракчеевских военных поселений, т.е., символ «дисциплинарного санатория» - как антонима (в культурном смысле) славным Петербургу и Риму.

[22] А уж где, казалось бы, как ни здесь! Рукой подать!

[23] Река в Зимбабве (рядом с более знаменитой рекой Лимпопо). А еще – одно из последних стихотворений Н.Гумилева (1921). В нем рассказывается, в частности, о предстоящей встрече героя-воина со слонем-убийцей – встрече, которая обернется для героя смертью и

вознесением в африканский рай. Кроме того, у Гумилева утверждается, что «Шар земной обтекающих муз// Непреложны повсюду веленья!».

[24] Энск (равно как и перечисленные выше Энный час и Энное место) – это, конечно, «город Н.» (в смысле, *ее город*). Впрочем, не откажу себе в удовольствии процитировать знаменитое четверостишие Н.Николенковой: «Я чищу мундштук// «БТ» - дефицит// А в Н-ске любовь моя с кем-то спит// Эх, жаль не могу – ого-го, эге-гей// Я морду начистить любви своей!». Именно это стихотворение (вместе с некоторыми другими) имеет в виду автор в следующих строках. Встреча вот в этом Н-ске героя и НН совершенно невозможна! См. следующее примечание.

[25] Образы стихотворений Н.Николенковой здесь даются, так сказать, в негативе. У Николенковой «и только выход ясен» - здесь наоборот. Герой, влюбленный «как в монахиню Виньон» (Н.Николенкова) здесь оборачивается каким-то мошенником (ревность!). То есть, даже Энск оборачивается «антимиром». Положительно, герой всячески пытается встречи избежать!

[26] Пример остроумия автора. Здесь мы имеем место с каламбуром. «Гармоний и природы» звучит как «гармонии природы». (никаких гармоний во множественном числе не существует – если речь не идет о тальянках!). даже комплимент он в простоте сказать не может! Ну а про *гармонию природы* см. во многих стихах – от Тютчева до Заболоцкого. Ср. также в индуистской мифологии понятие пракрити (санскр.: prakṛti – природа, производящая основа) – не проявленная основа (ее женская часть), воплощающая гармонию трех гун.

[27] Еще одно обращение к претексту А.Ахматовой. Ср. в стихотворении ахматовского героя – А.Блока - «Пушкинскому Дому» : «Пушкин! Тайную свободу пели мы вослед тебе». Герой данного стихотворения поет куда менее пафосные вещи, но также вслед за своим кумиром!

[28] Все ж-таки это скорее Северянин, чем Тютчев!

[29] Явственна эротическая коннотация. Израсходовать копейку (в случае, например, с газировкой или телефоном-автоматом) – опустить ее в *щель* (монетоприемник) автомата. Да и сам процесс изливания газировки из автомата (по виду и звукам) явственно напоминает *известно что* .См. также следующее примечание.

[30] Продолжение эротической тематики. Если относительно «копейки» можно говорить о том, что герой хочет, да не с кем, то здесь он признается в

своим бессилием. Зажег бы огонь страсти, да спички (вполне себе фаллический символ) отсырели. Ср. песню В.Цоя «Мы ждем перемен»: «коробка спичек пуста//но на кухне синим цветком горит газ». Герой Цоя отказывается от примитивной эротики в пользу любви великой, символической («синий цветок»). Герой данного произведения также не прочь произвести аналогичную замену: «В честь *божественной горячки* мы глотнем еще водички». См. также примечание 7.

[31] Помимо каламбура («горючий» от «горя» и «гореть»), здесь важная отсылка к одной из знаменитых невест русской литературы. Речь идет о том месте романа В.Набокова «Лолита», где Гумберт находит Лолиту «в положении» (и вне положения нимфетки): «Я прикрыл лицо руками и разразился слезами — самыми горячими из всех, пролитых мной. Я чувствовал, как они выются промеж моих пальцев и стекают по подбородку, и обжигают меня, и нос у меня был заложен, и я не мог перестать рыдать». Заметим, что здесь «горючие» (от «горя») слезы *обжигают* рассказчика. И не от этих ли слез промокли спички нашего героя?

[32] Впрочем, не будем забывать и социально-политический контекст. Напомним, что некогда, в 80-х годах, 1 копейку стоил стакан газировки без сиропа и коробок спичек. Т.е., герой предлагает еще одно – принципиально несбыточное- место встречи, прошлое. Примечание 23 см. все равно!

[33] Строфы существовали (числом, правда, менее 15), но были уничтожены из соображений личных и цензурных. Но не пропали, став зернами будущих теоретических работ И.О. Так, из одной из них выросла статья «О поэтике Ахматовой» (та самая, где И.О. непочтительно называет А.А.А. «поэтиком»), а из другой - известные рассуждения «О расстреле Белого дома» (про новые версии смерти А.Белого). Так что грядущие специалисты, в принципе, могут восстановить утраченные строфы по названным и другим произведениям.

[34] Вот уже и до древнегреческих эпитафий дело дошло. Положительно, герой отгораживается от встречи с НН всей мировой культурой! Будто для этого она (культура) создавалась! См. также следующее примечание.

[35] Куда возврата нет в аккурат до постапокалиптического воскресенья.

[36] Итак, в финале автор выкладывает полный каталог невозможных для встречи мест, и еще обвиняет НН в том, что невеста – это ее вина (собственно, это и есть главное содержание стихотворение)! Эх, что тут скажешь!

Вознесенский Андрей

Барнаульская булла

1
15 марта меня выбрали в Папы российского авангарда.
Почему в Барнауле? а то б пырнули.
Мои буколики
Вызывают колики.
Благословляю черные квадраты
Госагропромавангарда!
Белые квадраты, разорванные над Гималаями,
Благословляю.
Благословляю театр Абсурда
От Марса и досюда.
Благословляю кота-отказника
Есть наши заказы к празднику.
Моя паства
Съела всю зубную пасту.
Моих избирателей
из Барнаула и Бурятии
не пустил в гостиницу сторожевой пост.
Наступил Великий пост.
Поставангардизм...
Постсталинизм.
Колокол, по ком?
Благословляю великий хвост
За треугольным молоком.
Дырбулщил!
Д-р Булшит.
Народ прошел тайный кубизм
Избирательных кабин.
Выборы, выборы!
Пол-обкомов выбили.
Девушка, вы – Барнаул?
Это выборы на ул.
Барнаул! Караул!

Где кассет порнобаул?!
Бл. Августин
у нас бы не загрустил.

II

На каждом кирпиче вцарапаны имена,
Полусъеденные грибком
И заиндевелым ворсом.
Колокол, по ком?
Каин, где брат твой Авель?
Где Вацлав Гавел?
Сказанное вчера по Голосу, а нынче госсоловьями –
Благословляю.
Не возите в воронках
Барнаульский авангард.
Достоевский здесь стал эпилептиком,
- нет на Рихтера билетика?
Арьергард? Бабыгад?
Аввакум? Афонград?
Огонек? Молодогвард?
Дух по форме – авангард,
Как свидетельствует граф
(о. Сергей б. кавалергард):
«Красный, белый, квадратный, раздирающий душу...»
Сколько барнаульских роз!
Гипноз. Осанна!
Летят не сани,
А японские «Нисаны».
Выборные листовки читайте сами
«ПЕРЕСТРОЙКА
ПАСТЕР...ЕРОЙ
ПАСТЕРНАК
ГЕРОЙ
ПЕРЕСТРОЙКИ»
«Иду на вы!
Череп свой вымой и выпари.
Иду на выборы!»
«Вышли к Жениху
Художник и Женаху.
Отказали с маху
Художник и Женаху»

«АВАНГАРД
АНГАРВАД
ДАРГАВНА
АГААНДРВ
АГРАГРАД
ДВАРАНГА»

Я сидел в моей избирательной компании.
Ира корейнка
Мелькала, как палочка Караяна,
Со взглядом, настоящим на корне золотом.

Потом
Дев обидчик
Захлопывал балконы, как коробки спичек.
И прикуривал от соска.
Другой писал «Спартак» и «ЦСКА».

Пой, слепой,
Надежду, что ты один видел!
Тут я вспомнил про свой титул
Надел на голову табуретку
И пошел ножками по потолку
Ку-ку!
Благословляю ваш бунт и понт,
И огонь бородки а'ля Бальмонт.
Властей терпимость благословляю.

В вас проступают Гималаи.
«Пускай про вас мелют
Хр их знает что –
К вам Рерих
Шел по струящемуся плато».

Барнаульский авангард,
в вас - духовный предугад.
Лапой мирового духа
Благослови меня, Белуха
Паранойей моих булл
Выбираю Барнаул.
По предчувствиям моим,
Барнаул - четвертый Рим.
Аминь.
Пятому не бывать.
Печать.

Андрей Вознесенский «Россия – поэзия» с такими строчками: «Для меня суть России – не в ее супостатах, а в Заболоцком, Тарковском и юной Николенковой из Барнаула, выдохнувшей хрустальную строку».

- Было очень приятно, хотя упоминание моего имени в таком ряду до сих пор вызывает во мне нервную дрожь, – продолжает она. – А потом было эссе «Минута немолчания», в котором вдруг Вознесенский написал о своем визите в Барнаул, где упомянул Володю Токмакова, еще кого-то и меня. «Глуховато-спокойно читает Наталья Николенкова, статная суриковская боярышня с котиковой стрижкой, будто отросшей после бритья наголо...».

СЕРГЕЙ КЛЮШНИКОВ

Задаёт метель вопросы,

О былом заводит речь.

Я живу у тети Фроси,

Тетя Фрося топит печь.

Я живу не очень складно,

Не в куплет и не в припев,

Я живу не очень жадно,

Не сумев и не успев.

А метель у самых окон

Снеговые кольца вьёт.

Может, в гости ненароком

Николенкова зайдёт.

Из пурги войдёт здоровой,

Отвергающей покой,
Никакой не Гончаровой
И тем паче не Ланской.
Просто явится Натальей
Посреди большой зимы,
И забудут про печали
Наши вздорные умы.
Будет бойкое полено
В печке маленькой трещать.
Будем мы непринужденно,
Даже весело молчать.

Ирина Гришина(Афанасьева)

Поэтессе 21 века Наташе Николенковой.

У неё в груди сердце Данко,
Без акцента шепчет: - "Bonjour"!
По ночам сочиняет танку,
Носит летом чулки-ажур.
В современных купаясь ритмах,
Зарифмует любви пожар.
В изощрённых участвуя битвах,
Вспоминает Кассандры дар.

Николенковой

Юлия Кречетова

Рахат- лукум, застывший на губах
И привкус жарко-бодрого глинтвейна,
Неповторимый опий в чьих-то снах,
Который из фантазий жизни склеен...
То ль бабочкой, то ль ведьмой в небесах она
Летала. может быть и феей.
И я, слегка склонившись перед ней
Смотрю ей в рот, как несравненной музе.
И ничерта не действует глинтвейн
Нуждается душа в перезагрузе.
Бессонный вечер. Черно-белый снег.
Наивный кайф от грубого Годара.
И от нее далекий километр
И жизнь молчит в тумане перегара.

Михаил Гундарин

Все возможно на этом свете,
Невозможное ждёт на том.
Если верить твоей примете,
Значит, долго ещё проживем
Крепко помня свои ошибки,
Не забудем, что всё равно
Горизонты как прежде зыбки
А за ними темным-темно
(Это жалость грозит расплатой

За сомнительный оборот,
Это день роковой утратой
Над вчерашним миром встаёт...)
Так с каким дорогим товаром
Мы пойдём на рынки весны?
Слишком много досталось даром,
Остальному же нет цены.

Александра ВАЙС

Наталье Николенковой

Рот затыкает соской мама.
Одета не броско, потерянная вся.
Злые бабки и добрые дяди
отвлекают спокойствия ради,
развлекают, шипят, пьются.
Но если судить здраво —
это его право, это его правда.
Я бы дала много,
чтобы орать дорогу,
этой свободой став,
да только ведь не дадут.
Тут
заметут,
те, что взрослыми себя мнят.
А я за тебя — всей душой.

Маленький, я с тобой.

Прокричись за меня.

Фарида Габдраупова

Наташе Николенковой

+++

Девушка с родинкой над губой,
с лицом, капризно курносым.
выпало - юность делить с тобой,
и в одиночку уехать в осень.

Где ты, богиня? в каком едешь такси,
облагораживая собою провинцию?
или шагаешь - глазами в синь,
пренебрегая случайными лицами?

или блеснешь серьгой серебром,
лира в руках сокровенным скарбом.
рядом с тобою должен быть трон
и слава Греты Гарбо...

Владимир Токмаков

* * *

Наталье Николенковой

Кто-нибудь прочитал полного Л. Н. Толстого?
Льва Николаевича - до тома так сорок второго?
Значит никто... Скажу вам как пить дать я прямо -
скоро наступит великий кирдык Фукуяма -
Чу! Это мчится последнее утро планеты,
в общую кучу – скелеты, котлеты, сонеты,
не победить нам нашествие диких пиитов -
это похлеще всех варваров, гуннов и бриттов, -
поздно гутарить, мол, чушь и полнейшая лажа -

мазаться кетчупом, из крематория сажей,
стать исламистом, а может быть американцем, -
выслать на Кубу последние штанцы и сланцы,
слайды, иконы, осколки бывшего величья -
(это не вонь, а тушка коптится девичья) -
галеты, кареты и золотые монеты, -
забуди о Толстом! - подумай о свете и лете,
нырни вместо Библии в околплодные воды -
верни нам любовь, забытой, небесной природы...
2011 г.

Айдар Хусаинов

Стихи к Наталье Николенковой

Собеседница! ангел моих вечеров,
И теперь я живу, ты согласишься едва,
И приходят ко мне Соловьев и Петров,
Я читаю стихи, забываю слова,
Отмечаю цезуру мгновенною жизнью своей,
Наливаю стакан допотопного местного пива
И бросаю строку в золотистый туман елисейских полей,
И смотрю за окно, где растет голубая крапива,
Где бледнеет луна и зачем-то сияет звезда.
Соловьев и Петров отдыхают от скуки и лени.
В умывальнике снова к утру цепенеет вода,
За окном перед смертью дрожат золотые растенья.

Собеседница! я повторю, что живу,
Мне хватает куска плесневелого черствого хлеба.
За окошком опять задышал паровоз, как корова в хлеву,
И дыханье столбом потянулось в открытое небо.

1987

Н.Н.(1)

Чтобы встретились два человека...

Н. Николенкова

Разрывается тело конверта,
Выпадает наружу душа.
За четыреста три километра
Уже слышно, как листья дрожат.

Постепенно вторгается осень,
И домов улетающих сны
Замерзают, и лето уносит
Беззащитное тело луны.

Где-то в воздухе мокрого снега
Высоту набирает звезда,
А деревья, как гроб Магомета,
Не летят ни туда, ни сюда.

В этом мире холодной печали
Я живу постепенно, а ты
Умираешь в конце и в начале,
И не видишь полета звезды.

Я смотрю в уходящее лето,
Я ищу незабудку в себе,
Чтобы встретились два человека,
Чтобы встретились два челове...

Н.Н./2/

Беглая странница, жившая в светлой аллее, привет!
Как ты сейчас среди темных, и серых, и блеклых предметов?
Легким дыханьем проносится время, и вот его нет.
Скоро зима, или, может, весна, или это желанное лето?

Перебои размеров и обморок черных цезур,
Ты сидишь у окна и считаешь количество милых и правых.
Разгорается утренний шорох, и птицы щебечут внизу,
И с белесой страницы на землю стекает отрав.

Остается опять перемена столетий, часов и минут.
Перемена пространства уже не дает перемены.
Если кто-то забыл, что его позабыли и ждут,
Он уже не придет, и не встанет, как царь, на колени.

Через тысячи лет я тебя окликаю - привет!
Ты прекрасна, как соль, и нежна, и не любишь упреков.
Ты читаешь стихи, и слова улетают, как свет
От горящих сердец умиравших когда-то пророков.

1987

Я вижу огонь за деревьями. Это любовь.
Я не знаю, что будет со мной, если это не так.
В этой жизни нет смысла,
Это значит,
что ничто не мешает мне быть собой.
Я иду на восход, даже если это закат.

Государство и право, надежда и слово,
Это, право, не то, что горит за деревьями мне.
И я говорю себе - будь свободен,
Ты не можешь быть вечно новым,
Зато ты можешь сгореть в огне,
В огне за деревьями. Это любовь.

30.09.88

Плоть не хочет печали и гнева,
Неотвязчивой боли разлуки.
С кем вы нынче, Наталия, где Вы?
Где роскошные юные девы,
Простиравшие ласково руки?

Сны не тешат и слово не лечит,
И укрылись глаза под стекло.

Это жизнь, это колокол певчий,
Погоди, час от часу не легче,
Я не знаю, что в душу легло.

Вот и кончилась юность, и повесть
Перелистана, несколько строчек
Я запомнил и знаю на совесть.
Погоди, я замечу короче -
Дело к старости, деньги на бочку.
Это самая страшная новость.

2.11.89

A la Вертинский

В белом платьице, в золоте гусениц,
В безнадежной любви к мертвецам
Есть какая-то странная путаница.
Так что я не советую вам.

А желаю возвышенной милости
Все на свете считать за пустяк.
Все на свете так странно, таинственно.
Все на свете почти что так.

В темноте, поражающей очи,
Есть граница движения тьмы,
То, что ты объясняешь, как прочерк,
Это почерк, невидимый очерк,
То, что раньше не видели мы.

Тьма и тьма не сливаются, Нэтти.
Я назвал бы тебя дорогой,
Как себя называешь на свете,
Но в мое пребывание в нетях
Так тебя называет другой.

Так живи свою жизнь в хороводе,
Но, пожалуйста, только без нас.
Не почувствовав даже в природе
Что всегда называется вроде
Наблюдающих издали глаз.

1990

Перелет из Москвы в Барнаул не потребует сил.
Это проще, чем выйти из дома во двор.
Я не помню, о чем, но о чем-то себя я спросил,
И ответ я держал в голове, и держу до сих пор.

Я хотел успокоить собой всех безмужних девиц,
Я хотел бы прижаться к груди всех моих одиноких отцов.
Но свобода моя не имеет каких-то границ,
И теперь я спокойно смотрю этим людям в лицо.

Белозубой улыбки держава,
Дароносица ломаных плеч,
Никакая посмертная слава
Не заменит загубленных встреч.

Что сказать тебе, ангел Наташа,
Далеко, в чужедальнюю даль?
Что родиться и выжить не страшно?
Что прошедшего времени жаль?

Не беда, что родились и жили,
Что судьба утекла, как вода.
А беда, что остались чужими
И украдкой смотрели в глаза.

Наталье Николенковой

Дорогой ты мой товарищ,
Драгоценная моя!
Хорошо бы встать пораньше
И поехать до тебя.

Запродать все то, что было,
За билет до тех краев,
Где меня ты не любила,
Не хотела, е-моё!

Дорогой ты мой товарищ,
За косой десяток лет,
Нет страны, где жили раньше,
И людей, что были, нет.

Только во поле березка
Да ракита над рекой,
Только в поле перекресток,
Только воля и покой.

Дорогой ты мой товарищ,
Дорогой ты мой поэт,
Ничего уж не поправишь
За семнадцать долгих лет.

Можно только неизменно
По утрам вставать с колен
И идти вперед, как Ленин,
От кремлевских красных стен.

27 декабря 1996 года

Проходит день, который нами прожит,
И я закрыл усталые глаза.
Жизнь - только день, он лучше быть не может,
Один поэт когда-то мне сказал.

Я против истины печально возражаю,
Немного выпью, буду во хмелю.
Но вижу я, что дни не приближают

Тебя, тебя, которую люблю.

Вот будет день, я думал, будет пища,
Весь белый свет, работа по плечу.
И был мне день, и яства, и жилище,
Но где же ты, которую хочу?

Жизнь коротка, с любовью не играют.
Который день сгорел уже дотла,
И я глаза покрепче закрываю
Затем, чтоб ты из мыслей не ушла.

Не уходи, побудь еще немного,
Я не хочу сказать тебе прости.
Твоя спина как длинная дорога
С изгибами и тайнами пути.

Шалтай-Болтай стоит у стены,
Шалтай-Болтай видит странные сны
Что он уже ангел, что он не Шалтай,
Что он навещает равнинный Алтай.

Играй, играй, Радио Край,
А ты говори, ты не умирай.

Шалтай-Болтай отходит ко сну,
Шалтай-Болтай покидает страну,
Он издает торжествующий крик,
Теперь он живет в стране "Heretic".

Играй, играй, Радио Край,
А ты говори, ты не умирай.

Нет, не поедem мы с тобою в Занзибар
Н.Николенкова

Нет, не поедem мы с тобою в Занзибар,

Там ходят люди исключительно в угаре,
И вместо слов у них выходит только пар,
И каждой твари исключительно по паре.

А наша грусть не ведает границ,
и где б мы ни были, в каких бы странах страстных,
Нам не забыть когда-то милых лиц,
Всех этих граждан исключительно опасных.

Нет, не поедем мы с тобою в Гондурас,
Нас не дождется ни одна страна на свете.
А что любовь бывает только раз,
Об этом знают даже маленькие дети.

Придет пора сначала все начать,
С душой новой выйдешь, как в обнове,
Ну, а пока нам остается только ждать,
Не умирая от любви и нелюбови.

5 января 2002

ПИСЬМО ПОЭТЕССЕ

Варлам Шаламов так толково,

Как зверя гонят егеря,

Сказал, что в жизни только злоба

Превозмогает лагеря.

Но ты умна и благородна,

В тебе той злобы ни на грош.

Как оправдаться пред народом

За то, что любишь и живешь?

А люди радости не знают,

Ее найти всего трудней.
А холод жизни пронизает
С годами прямо до костей.
Не знавших радости болванов
Не одолеть, что там ни пой,
И как в забой идёт Стаханов,
Ты отправляешься в запой.
Как это, в общем, все по детски!
Как пусто в жизни и судьбе!
Как тает ангел, он немецкий,
Он восклицает: «Бе-бе-бе!»
Родная, милая, ну что бы
Сказать, какую правду-ложь!
Тебе всучить немного злобы —
Но ты — и будет — не возьмёшь!

23.11.2015

Богиня

Ни за руку не взять, ни головой уткнуться,
Ни зарыдать в отчаянье-тоске,
Ни утешения найти не получается в тебе,
Ведь ты не станешь мудрою старухой,
А все ребёнок, не смотря на годы.

Великая, бессмертная богиня,
Улыбочка Чеширского кота,
Любовь небесная, твой мальчик за тобой
Бредёт по жизни, слезы утирая,
Всегда незамечаемый, как тень.

Когда ж ты станешь мудрою старухой!..

27 января 2017 года

Не взрослея

Ребенок, наркоман адреналиновый,
Как ты прелестна в шапочке малиновой,
С улыбкою тончайшей набекрень!
О, оставайся нежное чудовище,
Живи и пой, и говори: “Ну вот ещё”!
Неси, неси любую чушь и хрень!

Зачем же быть унылой теткой адовой,
Таких раскладов ни за что не надо бы,
А надо бы все только пить и петь,
И все болтать над пропастью грозящею,
Все лепетать легко и исчезающе,
Когда все ближе грубиянка твердь.

Полны глаза щипающею водкой.

Куда собраться взломанной походкой,
Как будто жизнь -улыбчивый фокстрот,

Как будто по аксаковской аллее
Идти, идти, ни капли не взрослея,
И там исчезнуть вдруг за поворот.

Все это хорошо бы, но трезвея,
Пора бы стать не Золушкой, но феей,
Не красной шапочкой смущая белый свет.
Пусть эти красным тронутые губы
Вершат теперь уже чужие судьбы,
Своей судьбе сказав упрямо -нет!

2 июня 2017 года

Ящик Пандоры

Ребёнок милый, ты засовывала руку,
Вытаскивала новую игрушку
И убегала, заливаясь смехом,
Так счастлива от новых ощущений,
Что вообще не помнила себя.
И это продолжалось очень долго,
И по большому счёту длилось вечность,
Но почему-то кончилось внезапно,
Всего два дня, три года, десять лет.

Так отчего же радости не стало?
Да что ж такое, отчего случилось,
Что больше не засунуть в Сердце руку
И ничего не вытащить на свет?
Раз нет на свете радости -не стоит
И жить теперь - решила ты, и вправду
Взяла и очень быстро умерла.

Но ты могла бы, как поэт Юнусов,
Ещё скитаться в поисках забвенья
И с каждым встречным или поперечным
Пить по ночам летейской той воды.
Или могла бы, как поэт Тарковский,
Забиться в башню из слоновой кости,
Забраться на восьмой этаж повыше
И звёздам о тоске своей шептать.
Все, все, лишь для того, чтоб не оплакать
Своё смешное детство золотое,
Чтоб не проститься с ним, не повзрослеть,
Не вновь наполнить ящик от Пандоры
Своим трудом упорным, беззаветным
Любить кого-то, кроме как себя.

26 июня 2017 года

Пьяный ребёнок

Когда спивается ребёнок,
К тому же девочка, любимец
Всеобщий, хохоторезвушка,
Никто -никто и не заметит,
Как это враз произошло.

Ведь было весело, прикольно,
Гедонистически приятно,
Ну так зачем же возмущаться
И неприятности иметь?

А человек, она ребёнок!
Она живет ну так, как может,
Да нет, не так, а как избрала
Тому уж много лет назад!

Но то, что выбрала -не помнит,
Что выбирала - и не знает,
А вот спивается тихонько,
И вот, наверное, спилась.

Но вот и вы, друзья-родные,
Вы что же, думаете, сами
Живёте лишь своею волей?
Да вот же фигурки -не так!

У вас ведь тоже был моментик,
Когда в душе перевернулось,
Когда схватил вас жуткий ужас
И вы решили про себя,

Что вот теперь-то уж, наверно,
Вы жить-то будете иначе,
А ну вот как -уже забыли,
А память помнит и не спит!

А этот выбор и ведёт вас,
А вы не помните, конечно,
И не подскажите другому-
Да что за хрень ты выбирал?

И хорошо, ну и не надо,
Да только больно почему-то,
Когда спивается ребёнок,
Никак не может повзрослеть.

Никто,никто тебе не скажет,
А вот сама, протри же очи,
И вот трезвеющим сознанием
На жизнь свою ты погляди!

И ужаснись, и сделай выбор!
Ещё не поздно сделать выбор!

Я говорю тебе про выбор!
Про что ещё тебе сказать!..

Когда спивается ребёнок...

22 июля 2017 года

Пьяный ребёнок -2

Когда ты в жизни выбираешь
Вот так стоишь и выбираешь
И ведь нельзя ничо не выбрать
Поскольку страшно просто жуть

То жизнь подбрасывает роли
Какие есть и предлагает
Ну извини что это выбор
Что небольшой ассортимент

И тут ты видишь роль богини
Вагон любви и обожанья
Все прям сейчас и бесплатно
Ну как тут взять и отказать

И много много много много
Так много лет любви и счастья
И поклоненья И восторгов

А что взамен а что потом

Ну а потом скрипя зубами
Слезами горько обливаясь
Уже одна без провожатых
Свой путь проходишь до конца

Я твой единственный поклонник
Я вслед тебе гляжу и плачу
И на земле на этой вечной
Я буду помнить о тебе

И я гляжу тебе вослед
И понимаю ты богиня
И ты поступишь как ты хочешь
И это твой метаморфоз

22 июля 2017 года

Ода на посещение Барнаула холодным летом 2014 года

Николенкова! Ребенок!
Ручки, ножки, голосок!
Взгляд прекрасен, чист и звонок!
Челка скачет на висок!

По проспекту, по слободке
Поспешаешь не спеша
Удивительной походкой,
Как удача, хороша!

Что Елена? Что там Троя?
Всюду, всюду Барнаул!
Вековым пивным настоем
Он берет на караул.

Вот бы вскрикнул Юдалевич,
Благородный, сильный дон!
Он теперь квадратмалевич,
Под землю погребен.

Не щадит судьба Ахилла,
Доля злая у мужчин,
И теперь "Хава Нагила"
Распеваает В.Шушкин.

Эй, тащи свою канистру,
Чудо-юдо человек!
Даже сам бы Т.Бурмистров
Не нашел здесь Систербек.

Пригодился б здесь, как Данте,
Всюду шнобель сунул свой.
Был бы Данте интендантом
До могилы гробовой.

Друг, собрат, отличный парень,
Дети, Вайс и кабинет -
Здесь еще живет Гундарин,
Пауль Госсен уже нет.

Костя Гришин словно инок
Взгляд смиренный устремил:
-Дескать, что за Хусаинов,
Это ж сам Мафусаил!

Ну, браток, хлебни-ка яду,
Или ты уже уснул?
Что ты в нос мне тычешь адом
На планете Барнаул?

Здесь земля почище Уца,

Но зато благая весть -
Я всегда готов вернуться,
Ты же видишь, я же здесь.

Так налей мне эту жижу,
Я еще совсем неплох.
Я еще вокруг увижу:
- Николенкова! Мой бог!

23 сентября 2014 года

Часть пятая

Фотоматериалы

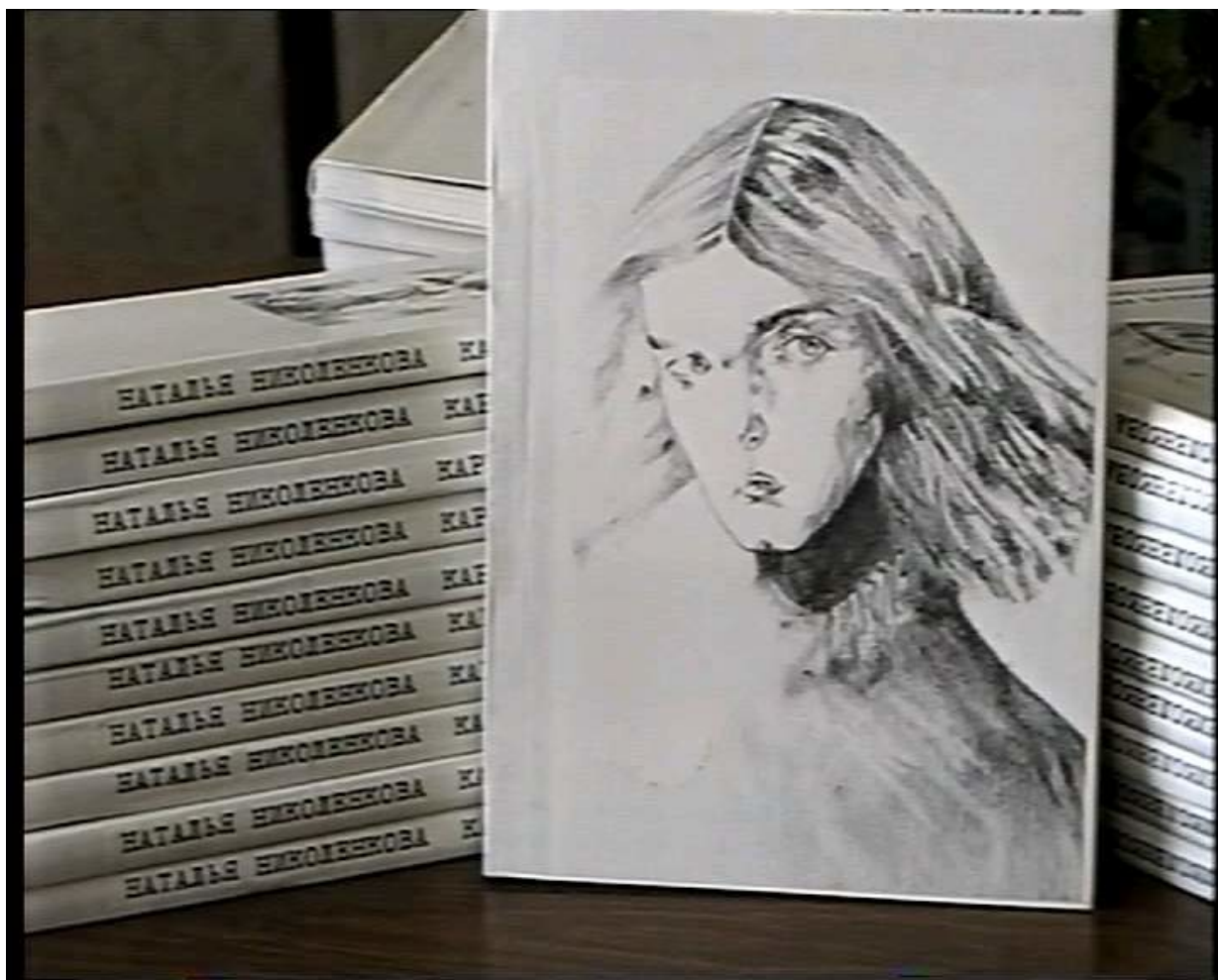

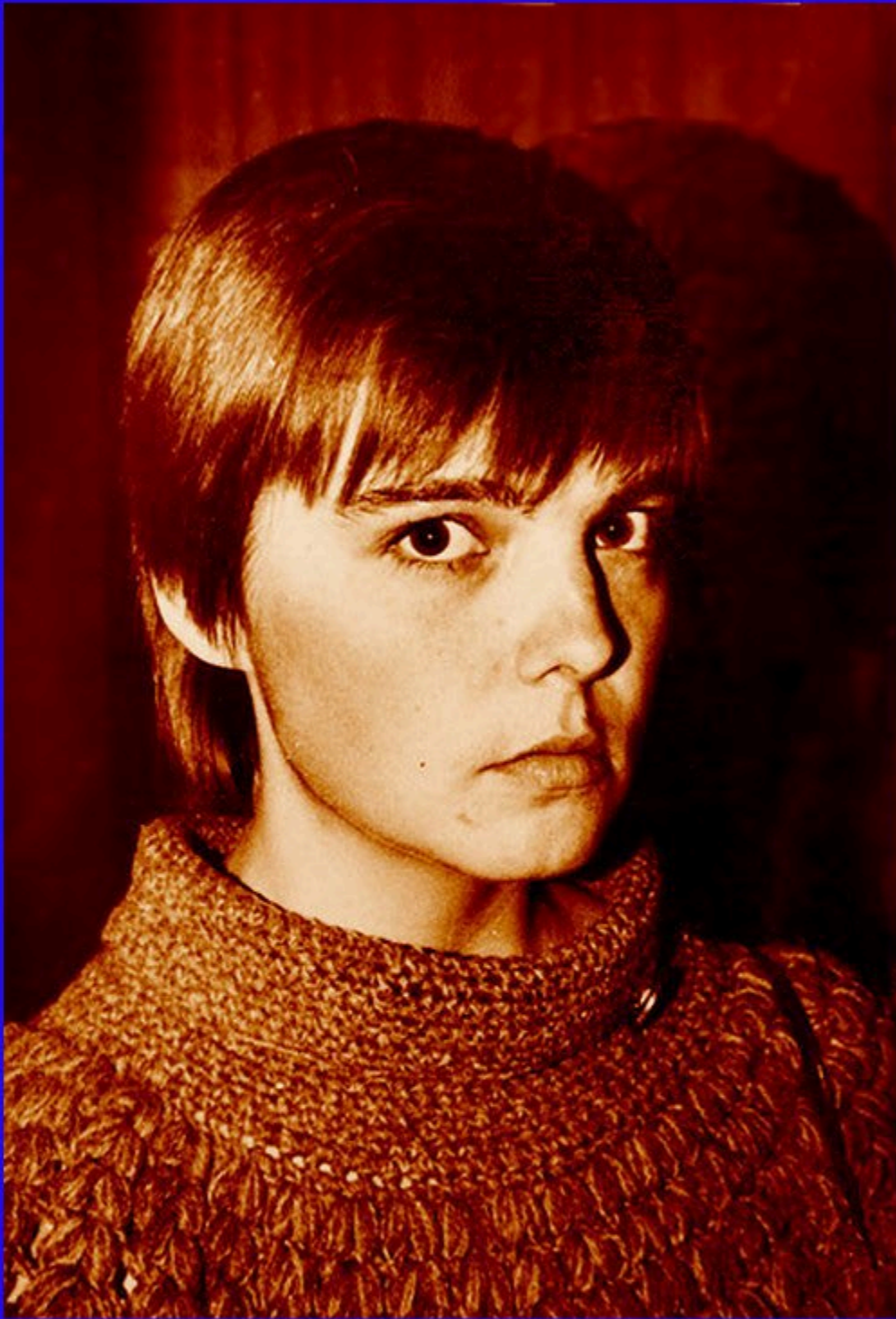

вечно молодая
НАТАЛЬЯ НИКОЛЕНКОВА

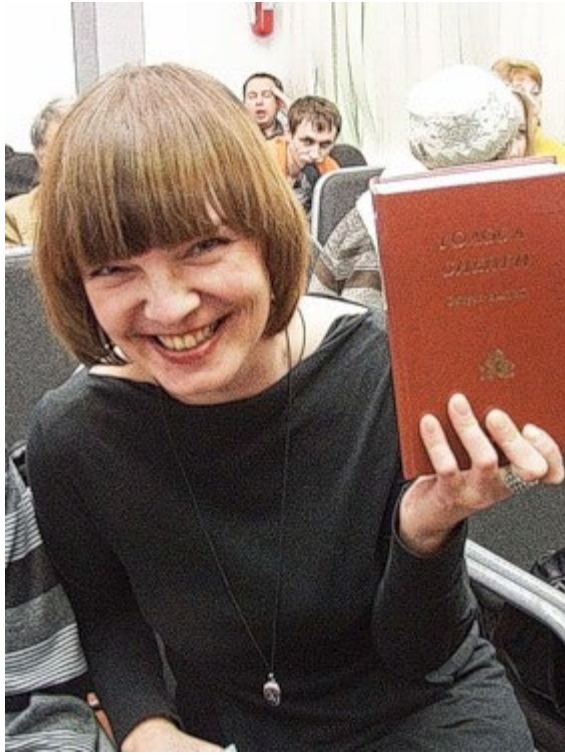

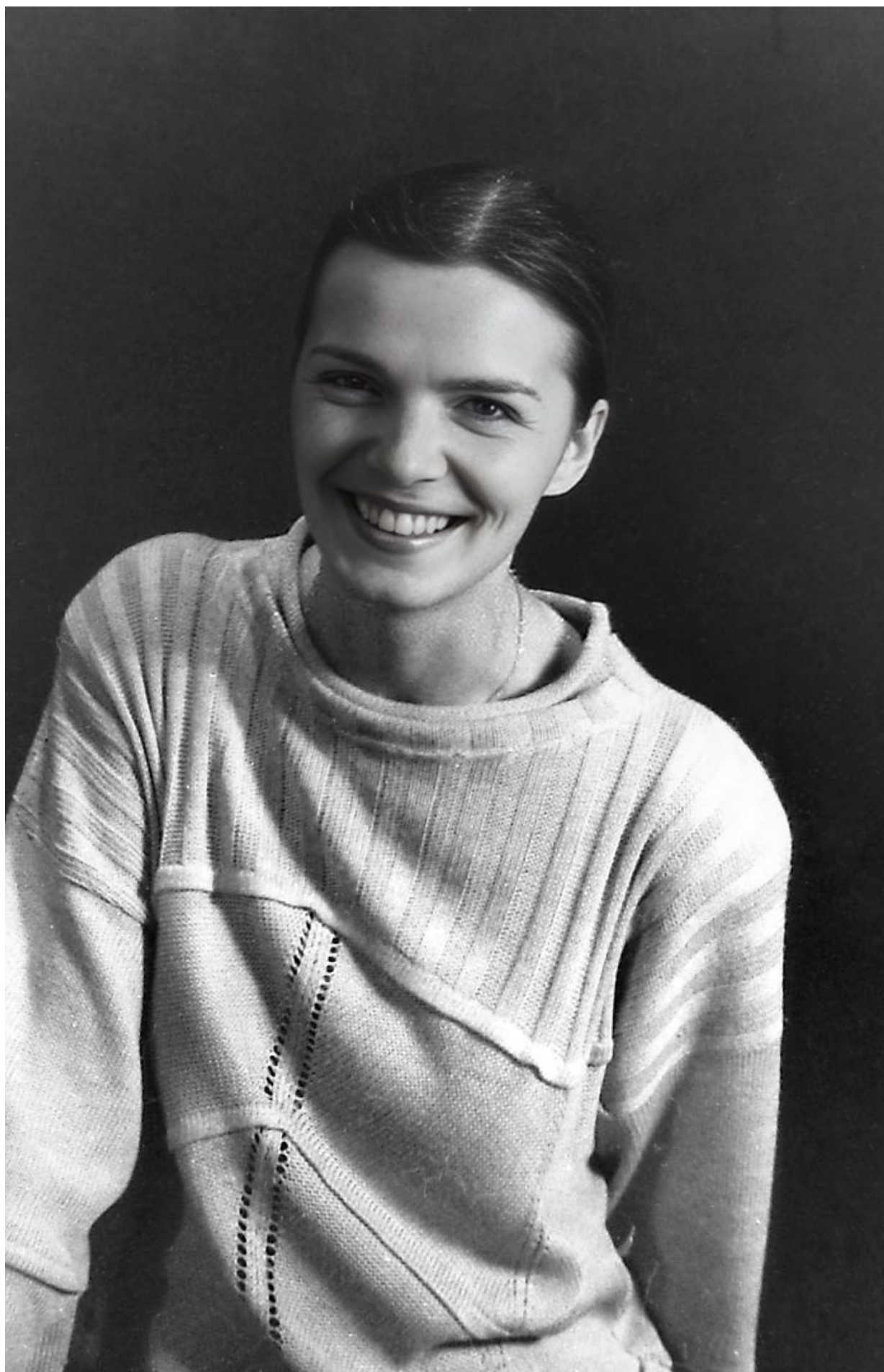

**НИКОЛЕНКОВА
НАТАЛЬЯ
МИХАЙЛОВНА**

Биография и творчество

МОУ «Лицей №73»
Г. Барнаул

MyShared

*Горячим
стремительным
стихотвореньем
случайных
прохожих согреть.*

*Наталья
Николенкова*

 MyShared

ДЕТСТВО

Наталья Николенкова родилась 2 февраля 1964 года в городе Барнауле, в интеллигентной семье. Папа родом из Астрахани, мама - коренная ленинградка. Поэтому не случайно Петербург – один из любимых городов, «культурное пространство» Наташи.

 MyShared

Как пацан, неосторожна,
Сероглаза, как пацан.
Я на маму не похожа,
Я похожа на отца.
У меня веснушки летом,
Щёки – роза с молоком.
Я – с букетом, я - с приветом,
Я - с беспечным языком.
Я могу с забора падать-
Чтоб крапивой по костям,
Я свистеть в четыре пальца
Научилась запростяк.

Детская романтика

 MyShared

Воспоминания о детстве

Родители молоды, в Волге - ракушки,
В начале июня бушует мошка.
Всё выгорит, что проросло на макушке,
Всё выгорит, что у виска.
В заброшенной церкви вороны ликуют,
И вётылы пылятся у каждых ворот.
Растут баклажаны, на солнце бликуют,
Их южная пыль не берёт.
У самого берега водятся раки,
Ночная красавица ночью цветёт,
И дедушка Костя сазанчиком дразнит
За маленький розовый рот...

 MyShared

MAME

*Зелёный плащ и синий зонт.
Как не рифмуются два этих цвета!
Это же мама моя идёт,
Мама моя это.*

*Мама, ты будешь всегда молода,
Будешь красиво, красиво одета.
И гармонировать будут цвета,
Как у Ренуаровых гризеток.*

*И дочерям твоим повезёт –
Только не плачь, не плачь!
Куплю тебе самый зелёный зонт
И самый синий плащ.*

 MyShared

Наташа с сестрой Таней

Наташья росла вместе с младшей сестрой Таней. Успешно училась в музыкальной школе по классу фортепиано и очень любила читать.

Поэтесса признаётся: *«Могу читать даже на ходу. В детстве по ночам забиралась под одеяло с фонариком и погружалась в мир любимых героев. Мама старательно прятала от меня книжки, чтобы я в итоге не потеряла зрение, но я всегда знала, где хранятся сокровища, тайком доставала их, а потом возвращала обратно».*

 MyShared

ПЕРВЫЕ СТИХИ

- ✦ «Первое стихотворение было написано во втором классе после падения зимой с забора вниз головой. Причем на лед-дело было на дворовом катке. В результате - сотрясение мозга и... первые стихи. Школьные стихи! Все эти сюси-пусси, беспомощный, детский лепет». (Н. Николенкова)

MyShared

Детство в поэзии Натальи Николенковой – тёплый мир, наполненный радостью и светом, пропитанный запахами кондитерской, вкусом мороженого и цукатов. Это место «возвращения» и покоя.

Рисунок А. Третьякова

MyShared

Мы выросли в хрущёвской тесноте,
В стандартных сотах с люстрами
смешными.
Приучены от книги фанатеть,
Читать, читать, читать, как
заводные.

Мы от китайцев бегали во сне,
Играли в ГДРовские куклы
И, если в доме отключали свет,
Травили байки при свечах на кухне.

Мы были позади планеты всей,
На шее, как кулон, ключи носили,
Любили грызть в брикетиках кисель,
Как итальянцы, ездили в "Россию".

Всем классом зажигали в "казаки-
Разбойники", сольфеджио учили,
Записочки писали от руки,
Сочувствовали Бангладеш и Чили.

И, словно одуванчики в венке,
Не тосковали мы без Интернета:
Хоть и была граница на замке,
Но бесконечной виделась планета.

MyShared

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Любимые с детства
авторы – Вл. Набоков,
И. Бродский, Юнна
Мориц.

Любимая музыка –
классическая (И. Бах, И.
Гайдн, В. А. Моцарт),
джаз.

Любимые художники –
А. Ренуар, Э. Мане, К.
Моне, П. Сезанн.

MyShared

*А счастья - много: универ,
Пустой перед последней парой,
Когда потом выходишь в сквер,
Бренча полупустою тарой,*

*Когда в автобусе трещишь
С подругой, словно гимназистка,
И этот шум, и эта тишь,
И звёзды, высоко и низко.*

 MyShared

Именно в университете к Николенковой пришло признание. Она наряду с Фаридой Габдрауповой входит в число первых поэтов вуза.

Наталья вспоминает: «В университете, на филфаке, все сочиняли, переписывали на лекциях любимые стихи в тетрадки, читали друг другу по телефону. Там у меня появилась своя аудитория, свой круг, и оказалось, что мои стихи кому-то интересны».

 MyShared

Ливень. Прекрасная погода.

*Бежит промокшая толпа
И небеса ругает длинно.
Под этот ливень сладко спать
Или играть на пианино.
Размыты лица и слова,
Размыты рифмы и страницы.
Под этим ливнем забывать
Ещё прекрасней, чем влюбиться.
Прекрасен каждый, кто промок,
Прекрасен каждый, кто навстречу!
И тучи бархатный комок
Тем и прекрасен, что не вечен.
Летит с небес журчащий свет
С такой же скоростью, как время, -
Прекрасный аккомпанемент
Для длинного стихотворенья!*

 MyShared

ПОСЛЕ УНИВЕРСИТЕТА

По окончании университета Наталья Николенкова год проработала учителем в школе села Большая Шелковка Рубцовского района.

Возвратившись в Барнаул, Наталья сотрудничала с редакциями известных газет.

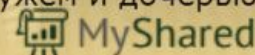
 MyShared

« ЧТОБЫ ВСТРЕТИТЬСЯ... »

В 1991 году Наталья Николенкова выходит замуж. Название второго сборника стихов «Девятое марта» навеяно встречей с будущим мужем, отцом дочери Саши, Алексеем Третьяковым.

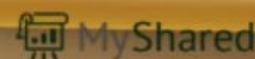

Н. Николенкова с мужем и дочерью

*Мой муж красив, и это очевидно,
Все шизофреники об этом говорят,
И на него в троллейбусах, трамваях
Все девушки внимательно глядят.*

*Мой муж красив, он так похож на дочку,
Он «Тополя» божественно поёт.
Душа не выбирает оболочку,
Но, безусловно, делает её.*

*Хочу беременности, как
Восточных сладостей из детства.
Не у груди, не на руках –
В себе самой носить младенца.
Прислушиваться - к животу?-
Нет, к космосу и первородству.
Хочу - вон ту, вон ту, вон ту,
Вот эту девочку – как солнце.
В могиле чёрной, снеговой,
В суицидальных заворотах,
Как радуги над головой.
И заклинаю, как воровка:
-Прости мне, Боже, всякий грех
И перед тем, как отречёшься,
Дай силы выстрадать за всех
И – дай мне моего детёныша!*

 MyShared

ПОМИМО СТИХОВ

Наталья Николенкова – востребованный человек. В течение нескольких лет она работала на телевидении: вела передачу «Быть женщиной».

Сегодня поэтесса на музыкальном радио «Ретро ФМ» участвует в выпуске программы «Феличита».

 MyShared

ТВОРЧЕСТВО

Наталья Николенкова выпустила четыре сборника стихов:

«Чтобы встретиться» 1987 год

«Девятое марта» 1993 год

«Карманная психиатрия» 2001 год

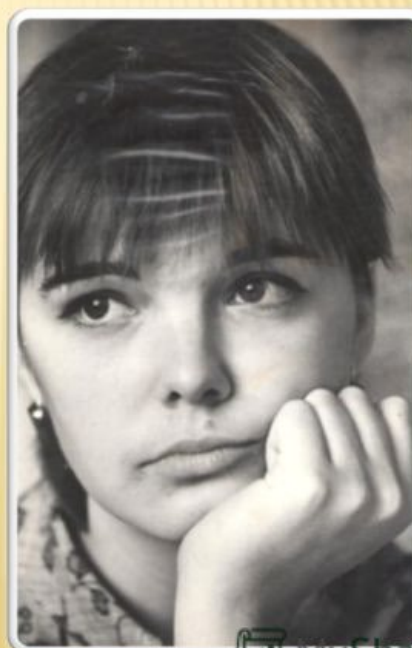
«Малютка жизнь» 2010 год

 MyShared

ТЕМА ЛЮБВИ

В первом сборнике «Чтобы встретиться» любовь – прекрасное романтическое чувство. Лирическая героиня – «девочка, верящая в неизбежность счастья». Влюблённые должны встретиться, в этом есть знак судьбы.

 MyShared

Чтобы встретиться

*Чтобы встретились два человека,
Нужно, чтобы совпали сны,
И глаза совпали, как реки,
И созвездия были равны.*

*Нужно сомнамбулически красться
Мимо всех, кто с другим лицом,
Мимо времени, мимо пространства,
Мимо страха перед концом.*

*Нужно память засыпать снегом,
Тополиным прахом до плеч.
Чтобы встретились два человека,
Нужно вечностью пренебречь.*

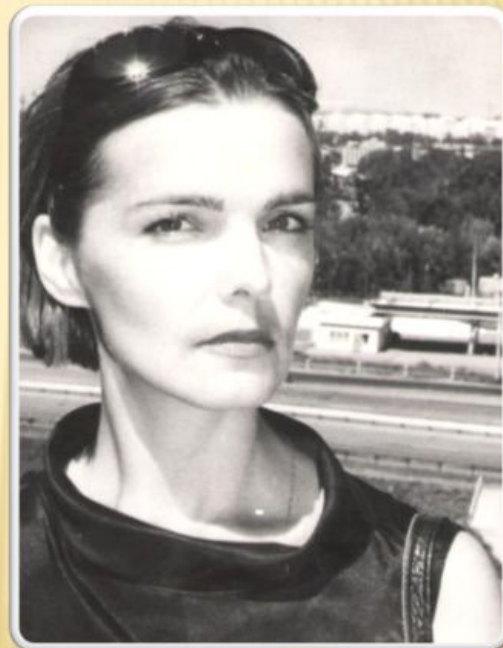

 MyShared

Сборник «Девятое марта» о невозможности любви. Героиня тоскует по НЕМУ, ощущая эту невозможность соединения. «Мы с тобою всегда врозь», - подчёркивает она.

Мотивы непонимания, несовпадения, разлуки, прощания становятся основными.

*Мы не увидимся нигде,
Мой мальчик, глаз моих отрада.
Прощай! Так грезят о дожде
Замёрзшие под снегопадом.*

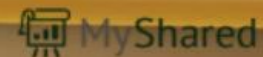
 MyShared

*Разворачивается журнал,
Иллюстрированная пурга,
Голос флейты журил, журчал,
Раздевал донага.*

*Кто оставлен – идёт босым,
Не отбрасывая теней,
Не дождём, так снежком косым,
Чтоб любили сильнеей.*

*Кто оставлен, ложится в ночь,
В глубину, под смертный сугроб.
Разворачивается сукно
Вьюги чёрной, как эфиоп.*

*Разворачивается холст.
Полнолуние, метель, зима.
Пожалей этот гулкий холм-
Сердце, брошенное с холма.*

*Любовь начинается в области глаз.
Поэтому я не увидела вас.
Любовь затеряется в области слёз-
И всё, до свидания, ветер унёс.*

*Не называй меня по имени
И не буди по пустякам.
Мы – две извилистые линии
Внутри ладони старика.*

*Переплетаются, скитаются
(Кому-то логика ясна)
И даже как-то называются-
Но я забыла имена.*

*Ты люби меня, пожалуйста,
Потому что давит твердь-
Голубая, обожаемая
И апрельская, как смерть.*

*Ты люби меня, пожалуйста,
Потому что смерти нет-
Только песня оруджавская
И ведьмаческий портрет.*

*Ты прости меня, пожалуйста,
Потому что я курю,
И нелепые, и глупые,
Злые вещи говорю.*

 MyShared

В лирике Николенковой много посвящений: Фариде Габдрауповой, Ольге Боряковой, Виолетте Метелице, Наташе Пономарёвой, Виталию Коньшину, Михаилу Гундарину и другим.

*Мы жили весело и шумно,
Не загружаясь мелочами,
И это радует безумно,
Хотя немного и печалит.*

*А мы докажем мужикам
В их тьме ужасно низких истин,
Что дружба женская крепка
И БТРы наши быстры.*

 MyShared

Друзьям

*За то, что навстречу бросаюсь с разбега,
Не выбрав ни места, ни дня,
За то, что из серы, за то, что из снега, -
Простите меня!
За то, что горюю в разлуке короткой,
Когда, потихоньку звеня,
Слеза добирается до подбородка,
Простите меня!
За то, что готова душа несвятая
Июль на сентябрь променять,
За то, что ладонь о ладони мечтает, -
Простите меня!
Но вы отстраняетесь невыносимо
От слёз, от руки, от огня.
За то, что люблю вас, - хотя бы впосилы
Любите меня!*

 MyShared

ТЕМА ГОРОДА

*Прощай, моя любовь!
Куда податься?
Под Шпилем -
Злая очередь за соком,
В кофейне - тарарам,
Поскольку лето...*

Николенкова – «городская» поэтесса. Её пространство – это пространство города, наполненное узнаваемыми улицами, зданиями, площадями: гастроном под Шпилем, Ленинский, Шукшина. Городской мир распадается на тысячи кусочков, но строчки нанизываются друг на друга, и в итоге составляется единое целое, «скреплённое» ощущением лирической героини. Всё – предмет её поэзии и лирического переживания. Идя по улицам, героиня «оставляет» горести позади: город лечит её.

 MyShared

ТЕМА ПОЭТА И ПОЭЗИИ

Как любому поэту, Н.Николенковой не чужда тема поэта и поэзии. Обращаясь к ней, она не обходит стороной то, что писали об этом классики. Ей это необходимо, чтобы показать, что в современном мире положение поэта изменилось. Так, одно из стихотворений отсылает нас к «Пророку» А.С.Пушкина. Обыгрывая слова поэта «глаголом жечь сердца людей», Н. Николенкова приходит к парадоксальному выводу: в 20 веке только сам поэт получает «кайф» от того, что он делает.

Рисунок А. Третьякова

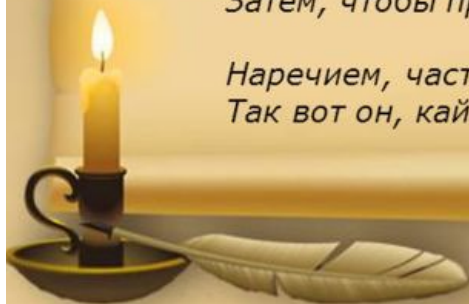
*Побриться наголо, сверкать макушкой голой
И жечь сердца божественным глаголом.*

*Бенгальские огни палить публично,
О существительное чиркнув спичкой.*

*Ко лбам горячим рифмы прилагать –
И прилагательным поклонников сжигать.*

*Дружить до гроба с лесбиянкой музой –
Затем, чтобы предлогом и союзом,*

*Наречием, частицей жечь сердца,-
Так вот он, кайф, и нет ему конца!*

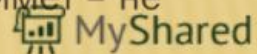

СВОЕОБРАЗИЕ ЛИРИКИ

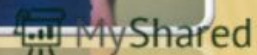
Ноябрь

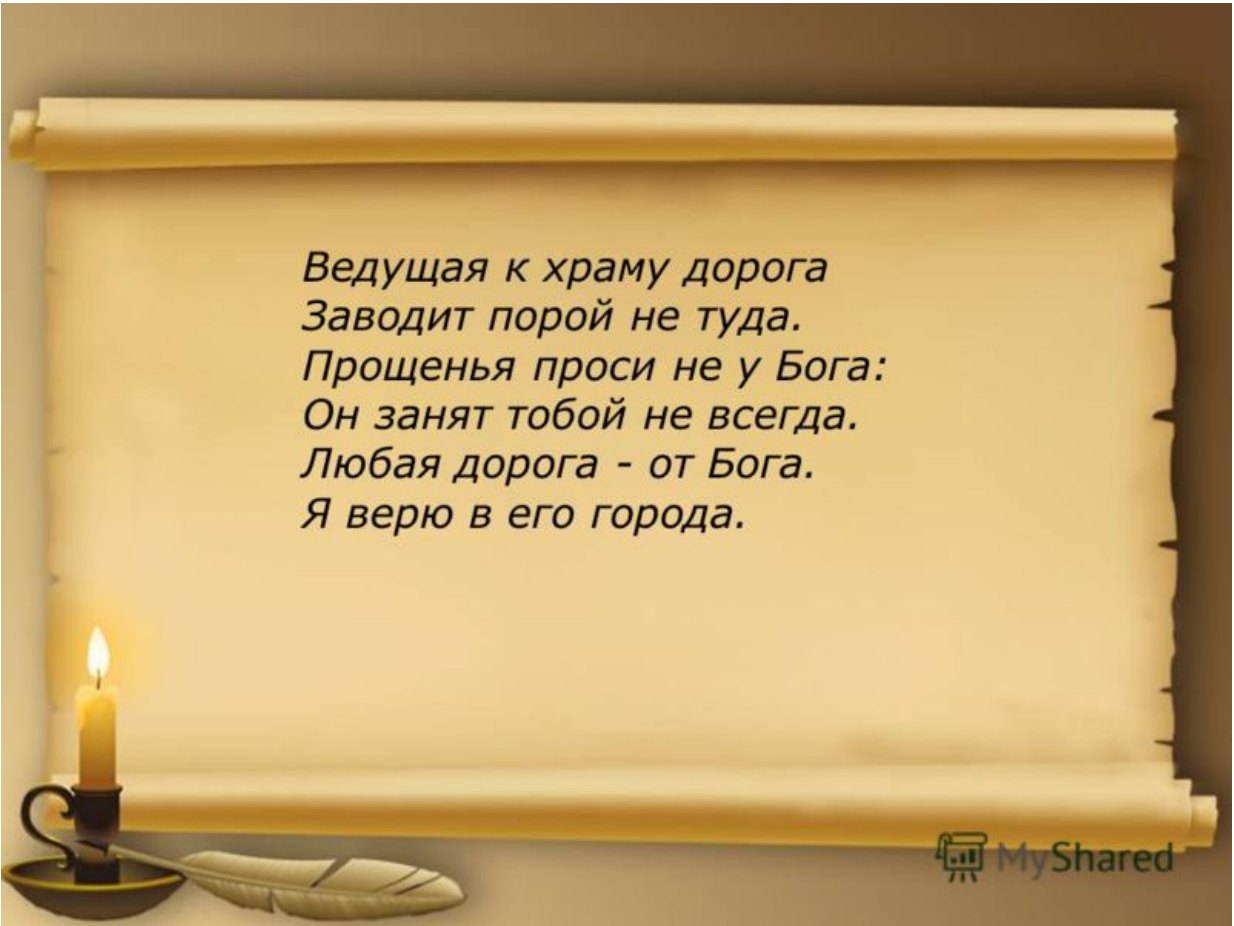
*Последние невыцветшие листики.
Последние несломанные пестики.
Последнее молчание ягнят.
Молчаньем разбавляем звукоряд.
Ранеток капли на асфальте сереньком.
Густая, золотая кровь осенняя.
И птичий мат, и мятый самиздат...
Мороз и солнце скоро победят!*

Поэзия Н.Николенковой полна литературных аллюзий, реминисценций, не прямых цитирований. Это делает стихи более объёмными, выпуклыми, многозначными. Отсылки к известным произведениям позволяют Н.Николенковой играть словом, бросая его, как мячик, своему читателю: поймает – не поймает; поймет – не поймет.

В целом лирическая героиня Н.Николенковой – человек с чутким, ранимым сердцем, всё пропускающим через себя. Ей близки 60-е годы XX века с героями, устремленными в будущее, романтиками, открытыми миру. И сама она принимает весь мир. Предметом её лирического переживания становится и искусство далёких эпох, и чёрно-белое кино, и апрельский дождь, и «злая очередь за соком». Иными словами – ЖИЗНЬ.

*Ведущая к храму дорога
Заводит порой не туда.
Прощенья проси не у Бога:
Он занят тобой не всегда.
Любая дорога - от Бога.
Я верю в его города.*

 MyShared

НАД ПРЕЗЕНТАЦИЕЙ РАБОТАЛИ:

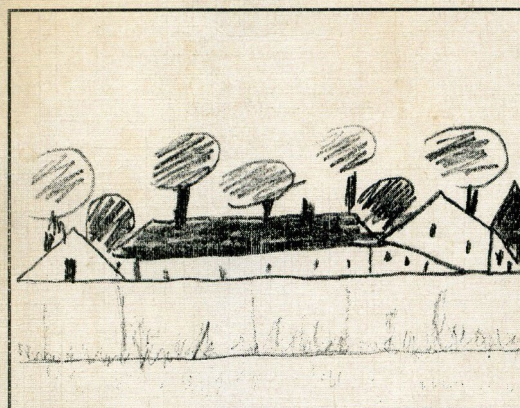
Маслакова Дарья, ученица 10Б класса МОУ
«Лицей№73» города Барнаула

Ерёмкина Е. В, Волошко И. В., преподаватели
русского языка и литературы.

Барнаул 2011

 MyShared

Наталья Николенкова
Виолетта Метелица
Виталий Коньшин
Антон Фурса
Ирина Цхай
Тамара Багаева
Елена Знобищева
Фарида Габдраупова

В соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ 16+

Литературно-художественное электронное издание

Большая культовая книга Натальи Николенковой

Редактор и составитель А. Хусаинов

Художник Р. Валиахметов

Вёрстка Е. Моисеева

Корректор Г. Баязитова

Подписано в печать 02.02.2022. Формат

60x84/16. Усл. печ. л. 4,78.

*

